ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. А. МАЛЕВСКАГО-МАЛЕВИЧА.

Александръ Ивановичъ Розовъ.

(Московскій старожилъ).

Старый бабушкинъ домъ въ Москвѣ я помню до мельчайшихъ подробностей. По разсказамъ, онъ былъ построенъ вскорѣ послѣ „Француза“ и купленъ дѣдомъ моимъ Александромъ Ивановичемъ Розовымъ за 14875 р. на имя жены его Юліи Ѳедоровны, въ 1836 году, отъ наслѣдниковъ генерала Кожевникова, съ дворовымъ мѣстомъ „на бѣлой землѣ“. Деревянный, обитый тесомъ, окрашенный желтоватой краской, давно потемнѣвшей и облупившейся, съ мезониномъ и зелеными ставнями, бабушкинъ домъ выходилъ на Скатертный переулокъ и одной стороной примыкалъ къ тѣнистому саду, а другой—къ двустворнымъ деревяннымъ воротамъ съ калиткой, надъ которой висѣла желѣзная доска съ надписью „Свободенъ отъ постоя“. Пять лицевыхъ оконъ бабушкина дома такъ низко спускались къ кирпичному тротуару переулка, что домъ казался вросшимъ въ землю, какъ-бы придавленнымъ тяжестью широкаго мезонина съ Итальянскимъ окномъ подъ желѣзной крышей красно-бураго цвѣта.

Изъ калитки узкіе досчатые мостки вели во дворъ, къ парадному крыльцу, о трехъ ступеняхъ, съ навѣсомъ, зеленой дверью и звонкомъ. Но въ эту дверь входили только „почетные гости“; обычные посѣтители и друзья шли „запросто“, черезъ черный ходъ, мимо чулановъ и полутемныхъ сѣней.

Снаружи невзрачный, бабушкинъ домъ былъ очень помѣстителенъ и удобенъ. Глядя на него съ улицы, никто не могъ-бы подумать, что этотъ скромный особнякъ стародавней постройки такъ приспособленъ къ семейной жизни, такъ уютно и красиво обставленъ внутри.

Но войдемъ въ него съ почетными гостями, черезъ парадное крыльцо и посмотримъ поближе, какъ въ немъ живется. Изъ холодныхъ сѣней вступаемъ сперва въ лакейскую, съ длиннымъ ларемъ по

стѣнѣ, Голландской печью въ углу и подъемной западней посреди пола. Западня эта открывалась въ темный подвалъ, гдѣ лѣтомъ лежали медвѣжьи полости и кучерскіе кафтаны, а зимой хранились запасы наливокъ, вареній и соленій.

Въ лакейской я смутно помню угрюмаго Капитона. Мужская прислуга при комнатахъ была упразднена по отмѣнѣ крѣпостнаго права, и въ чуланчикѣ подъ лѣстницей, предназначенномъ для лакейскаго спанья, помѣстилась бабушкина горничная Софья Михайловна прожившая въ домѣ болѣе тридцати лѣтъ.

Высокая, бѣлая, двустворная дверь вела изъ лакейской въ залу, выходившую тремя окнами на улицу и двумя во дворъ. Мы, дѣти, очень любили эту просторную, свѣтлую комнату, съ гладко натертымъ паркетомъ, съ бѣлыми обоями и множествомъ картинъ въ золоченыхъ рамахъ по стѣнамъ, до самаго потолка. Весь внѣшній уголъ дома былъ заставленъ растеніями въ горшкахъ и кадкахъ и обвитъ плющемъ; многолѣтніе арумы, юкки и фикусы поднимали къ потолку свои прямые стволы и рѣдкіе зеленые листья; между ними на полу и на окнахъ пестрѣли драцены, крины, фуксіи и бегоніи. По внутренней стѣнѣ стояла длинная рояль фабрики „Тишнера“ на четырехъ ножкахъ, краснаго дерева съ бронзой; между оконъ прямые стулья съ плетеными сидѣніями чередовались съ тяжелыми, Пиковской работы, складными столами. Въ одномъ углу высилось „трепье“—олеиновая лампа на витой тройной ножкѣ темнаго орѣха; въ другомъ углу стояла „козетка“—двойное кресло съ промежуточнымъ столикомъ.

Вторая комната внизу,—гостинная, была меньше залы и двумя окнами выходила въ Скатертный переулокъ. Убранство ея составляли: большой диванъ съ высокой спинкой у стѣны, подъ зеркаломъ въ деревянной рамѣ; по бокамъ дивана двѣ бѣлыхъ тумбы „подъ мраморъ“, на которыхъ стояли фарфоровыя вазы съ букетами восковыхъ цвѣтовъ, подъ стекломъ; нѣсколько мягкихъ стульевъ, обитыхъ, какъ и диванъ, малиновымъ шелковымъ „штофомъ“ съ бѣлыми узорами; между оконъ простѣночное зеркало; на подзеркальникѣ часы темной бронзы и золоченые канделябры; на стѣнѣ у зеркала, два бронзовыхъ бра; на полу Персидскій коверъ. Часы изображали дѣву въ локонахъ, сидящую съ книгой на скалѣ.

Въ каждой комнатѣ у насъ, дѣтей, были свои любимыя картины. Въ залѣ намъ особенно нравился большой лѣтній пейзажъ масляными красками Голландскаго художника Вайнантса: по гладкому, точно застывшему озеру въ лѣсистыхъ, зеленыхъ берегахъ, плыветъ лодка, нагруженная сѣномъ; заходящее солнце обливаетъ лучами верхушки деревьевъ

и легкія, кучевыя облака. Отъ этой картины вѣяло привольной деревенской жизнью. Два веселыхъ морскихъ вида Французскаго художника „De Lacroix“ висѣли на противоположной стѣнѣ; на нихъ рыбаки у стараго маяка убирали съ лодокъ снасти. Въ гостинной я подолгу останавливался передъ головкой златокудраго мальчика съ поднятымъ кверху румянымъ, пухлымъ личикомъ; на темномъ фонѣ этой картины, писанной на доскѣ, стояла крупная монограмма: С. Н. 1627 *). Повыше висѣлъ сельскій пейзажъ фантастической композиціи: средь поля, уходящаго вдаль, высится холмъ съ разбитымъ старымъ дубомъ на вершинѣ; на холмѣ по крутой и изрытой дорогѣ взбирается всадникъ на бѣлой лошади, на встрѣчу ему спускается возъ, запряженный цугомъ; у подножія холма, около воды сидятъ женщины и играютъ дѣти. Къ этой картинѣ была у дѣдушки гравюра съ надписью внизу „Zanetti Brand pinxit“ и со стихами, которые начинались такъ: „Per aspri monti e valli al caldo, al gielo“. Въ этой же гостинной висѣлъ туманный видъ Амстердама работы знаменитаго Голландца Ванъ-Гойена, писанный точно одной краской: и вода въ каналѣ, и небо, и дома на берегу казались коричневаго цвѣта.

Слѣдующая комната называлась диванной. Въ ней двѣ внутреннихъ стѣны были уставлены подъ угломъ сплошными Турецкими диванами со спинными подушками, обитыми шерстяной зеленой матеріей. Оба окна диванной выходили въ садъ. Стѣны были также увѣшаны картинами, изъ которыхъ мнѣ наиболѣе памятны: прачки, моющія бѣлье подъ мельницей въ лѣсу, Французскаго живописца Робера.

Въ этой комнатѣ у одного изъ оконъ, въ широкомъ креслѣ, часто сиживала „старая бабушка“ Дарья Карловна, мать хозяйки дома „молодой бабушки“ Юліи Ѳедоровны. Здѣсь старушка пила свой кофе изъ бѣлой кружки, здѣсь она читала ветхую Библію въ черномъ кожанномъ переплетѣ, здѣсь-же вязала стальными спицами шерстяные чулки или задумчиво глядѣла передъ собой, сложивъ на колѣняхъ добрыя, морщинистыя руки.

Рядомъ была столовая, также выходившая двумя окнами въ садъ, однако, насколько я помню, обѣдали мы всегда въ диванной. Сюда въ три часа собиралась вся семья: дѣдушка Александръ Ивановичъ обыкновенно въ сѣромъ суконномъ халатѣ, съ обшлагами изъ пестрой Шотландской матеріи, въ черной шелковой касынкѣ нѣсколько разъ обернутой вокругъ шеи. Онъ садился слѣва отъ своей жены Юліи Ѳедоровны, которая сама разливала горячее и раскладывала всѣмъ

*) Корнелій Гарлемскій, Голландскій художникъ XVII вѣка.

кушанья по тарелкамъ. Рядомъ съ бабушкой справа, сидѣла тетушка Надежда Александровна, уже немолодая дѣвушка, дочь Александра Ивановича отъ перваго его брака; далѣе сидѣли мы, т. е. сестра и я, а возлѣ насъ теща Александра Ивановича „старая бабушка“ Дарья Карловна, въ неизмѣнномъ темномъ шерстяномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ съ кружевами. По лѣвую руку отъ дѣдушки, съ другой стороны круглаго стола, садились гости, ежедневно два-три человѣка, большею частью мужчины. Обѣдъ былъ простой, изъ трехъ блюдъ, но обильный и сытный. Дѣдушка любилъ Русскую кухню, а потому часто подавались щи съ кашей, разсольникъ, солонина съ хрѣномъ, бараній бокъ, буженина съ горохомъ и т. п. На сладкое—оладьи, левашники, или „Наполеоновы шляпы“, пироги съ вареньемъ. Въ торжественные дни именинъ, рожденій и праздниковъ готовился паштетъ изъ разныхъ мелкихъ птицъ, галантиръ; жарили гуся съ красной капустой, подавали на сладкое яичницу съ ванилью въ чашечкахъ или миндальное „бланманже“. Въ обычные дни вино на столъ не ставилось, пили домашній квасъ и воду, настоянную на сушеныхъ коркахъ чернаго хлѣба. Только въ тѣ дни, когда нужно было за обѣдомъ кого нибудь изъ домашнихъ поздравить „съ Ангеломъ“ или днемъ рожденія, появлялось „Лиссабонское“ и яблочная домашняго приготовленія водица, которая пѣнилась не хуже шампанскаго.

Какъ я уже сказалъ, въ столовой не обѣдали, и комната эта была предназначена для гостей; въ ней подолгу живали пріѣзжавшіе изъ Петербурга и провинціи родственники и близкіе знакомые. Комната эта была украшена превосходнымъ портретомъ молодой дамы въ сиреневомъ платьѣ, съ собачкой на колѣняхъ, кисти Тропинина, и большой картиной неизвѣстнаго художника, изображавшей Тайную Вечерю.

Внутренняя жизнь семьи была на верху, въ мезонинѣ, куда вела довольно крутая лѣстница, выходившая въ корридоръ. Лѣстницу эту я помню съ ранняго дѣтства: сверху до низу пересчиталъ я однажды своими боками ея истертыя, деревянныя ступени, погнавшись за мячикомъ. Обѣ бабушки, тетка и нянька бросились поднимать меня, раздѣли, уложили въ постель, послали за врачемъ; я неистово кричалъ отъ испуга, но оказался цѣлъ и невредимъ.

Налѣво отъ лѣстницы по корридору первая дверь вела въ „дѣвичью“, а вторая—въ спальню „старой бабушки“ Дарьи Карловны.

Въ этой комнатѣ все казалось мнѣ близкимъ и роднымъ: на стѣнахъ старыя гравюры, подъ стекломъ, въ узкихъ рамкахъ краснаго дерева, изображавшія Фридриха II на конѣ и улицы Берлина въ XVIII вѣкѣ; круглое зеркало между колонками Корельской березы на широкомъ

комодѣ; мѣдный рукомойникъ съ подъемнымъ краномъ надъ мѣднымъ овальнымъ тазомъ; на комодѣ, рядомъ съ глиняными Любекскими кофейниками, покрытая зеленымъ чахломъ машина для выдѣлки подпилковъ. Машина эта, по разсказамъ бабушки, была придумана и собственноручно собрана ея покойнымъ мужемъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, умершимъ въ Апрѣлѣ 1840 года. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кунишъ былъ родомъ изъ Любека и пріѣхалъ въ Россію вскорѣ послѣ Наполеоновскихъ погромовъ вмѣстѣ съ своей женой Дарьей Карловной и единственной дочерью Юліей. Будучи по ремеслу механикомъ, онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ завѣдывалъ мастерскими Выксинскихъ заводовъ Баташева.

На Выксѣ жилось весело. Баташевы часто устраивали банкеты и балы, на которыхъ бабушка Дарья Карловна играла, повидимому, не послѣднюю роль. Она часто вспоминала, въ веселыя минуты, какъ танцовала на этихъ балахъ „матлотъ“ или ходила въ полонезѣ подъ руку съ генераломъ Леонтьевымъ. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ переселился въ Москву. При проѣздѣ черезъ Муромскіе лѣса, онъ попалъ въ разбойничій притонъ, гдѣ чуть не погибъ вмѣстѣ съ маленькой дочерью Юліей. Къ счастью, дѣвочка уже немного понимала по-русски. Зайдя въ избу, средь лѣса, куда ихъ завезъ ямщикъ, она услыхала разговоръ мужиковъ. „Кирюха, говорилъ одинъ изъ нихъ другому, наточи-ка топоръ, Нѣмецъ крѣпонекъ, придется съ нимъ повозиться“. Юленька незамѣтно выскользнула изъ избы и побѣжала къ отцу, который остался въ кибиткѣ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ высокъ ростомъ и, дѣйствительно, отличался большой физической силой и смѣлостью. Онъ вылѣзъ изъ кибитки и позвалъ ямщика, а какъ только тотъ вышелъ изъ избы, захлопнулъ за нимъ дверь и задвинулъ засовъ. Потомъ схватилъ ямщика за воротъ и заставилъ его силой сѣсть на козлы и взять возжи, пригрозивъ его задушить, если онъ крикнетъ. Пока разбойники ломились въ дверь, кибитка благополучно выбралась на дорогу, при чемъ дѣдушка все время держалъ ямщика за кушакъ и самъ погонялъ тройку.

Въ Москвѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ завелъ суконную фабрику въ товариществѣ съ Англичаниномъ Моргеномъ и какимъ-то Русскимъ торговцемъ. Послѣдній однако скоро оказался неблагонадежнымъ: сталъ выдавать, безъ вѣдома своихъ компаніоновъ, дутые векселя, и фабрику въ Кожевникахъ пришлось продать съ молотка. Дѣдушка, тогда уже шестидесятилѣтній старикъ, былъ разоренъ до тла. Началось хожденіе по судамъ, хлопоты въ конкурсахъ и т. д. Въ это время Ѳедоръ Ѳедоровичъ и познакомился съ дѣдомъ моимъ съ материнской стороны

Александромъ Ивановичемъ, служившимъ тогда въ Московскомъ Надворномъ Судѣ. Александръ Ивановичъ недавно передъ тѣмъ овдовѣлъ и остался послѣ жены съ двумя малютками дочерьми—моей матерью, Екатериной, и теткой, Надеждой. Онъ увидѣлъ въ домѣ Ѳедора Ѳедоровича пятнадцатилѣтнюю красавицу, бойкую, умненькую Юлію, плѣнился ею и, не смотря на значительную разницу лѣтъ (ему было за тридцать) женился. Молодые супруги зажили счастливо и переѣхали, нѣсколько лѣтъ спустя, въ собственный домъ, гдѣ мирно прожили въ полномъ согласіи болѣе сорока лѣтъ. Къ нимъ переселились и родители Юліи Ѳедоровны: Ѳедоръ Ѳедоровичъ и Дарья Карловна.

Портретъ старика висѣлъ въ комнатѣ бабушки, надъ ея кроватью. Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ изображенъ въ синемъ фракѣ съ высокимъ жабо и въ бѣломъ галстухѣ. Я часто взглядывалъ на его круглое, бритое лицо съ умными голубыми глазами и зачесанными на вискахъ прядями сѣдыхъ волосъ. По разсказамъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ до послѣднихъ дней своей жизни былъ бодръ и веселъ. Онъ скончался восьмидесяти лѣтъ, а за три дня до кончины танцовалъ еще вальсъ съ моей матерью, которой было тогда лѣтъ 15. Поселившись у зятя, Ѳедоръ Ѳедоровичъ тяготился бездѣльемъ. Потеря состоянія его не огорчала, но онъ скорбѣлъ о своихъ годахъ. „Будь я на десять лѣтъ моложе, говорилъ онъ, я опять принялся-бы за работу“.

Рядомъ висѣлъ портретъ самой бабушки. Но кто могъ-бы признать въ этой суровой красавицѣ, съ блѣднымъ лицомъ, обрамленнымъ черными буклями, въ кружевномъ токѣ и съ фермуаромъ на открытой шеѣ, нашу милую, добрую бабушку? Когда насъ привезли въ Скатертный переулокъ, ей было уже за 80, но она, не смотря на полноту и больныя ноги, была еще очень бодра и дѣятельна. На ней лежали хозяйственныя заботы по дому, и она съ любовью разливала чай, выдавала провизію, считала столовое серебро, наблюдала за чистотой и за прислугой.

Рядомъ съ комнатой старой бабушки была дѣвичья, гдѣ въ вечерніе часы собиралась женская прислуга. Часто, засыпая, я слышалъ за стѣной невнятную болтовню горничныхъ и ихъ негромкое пѣніе. Въ то время завершалось славное покореніе Кавказа, и пѣсни о геройской войнѣ были въ большомъ ходу. Въ особенности славился романсъ: „Куда ты, ангелъ мой, стремишься на тотъ погибельный Кавказъ“ и т. д.

Направо отъ лѣстницы въ мезонинѣ, по корридору, дверь вела въ кабинетъ дѣдушки Александра Ивановича. Мы, дѣти, вступали въ него не безъ робости, какъ въ святилище, полное чудесъ. У входной двери

кабинета стоялъ стеклянный шкапъ со множествомъ разноцвѣтныхъ баночекъ и пузырьковъ; къ наружной стѣнѣ придвинута была большая электрическая машина съ колесомъ и мѣдными столбиками; около нея, подъ камеръ-обскурой, размѣстились Лейденскія банки и какія-то стеклянные сосуды, оплетенные проволокой; на столахъ лежали кучами книги, тетради и невѣдомые инструменты; между окнами высилось старинное бюро краснаго дерева Пиковской работы, со множествомъ ящиковъ и отдѣленій; на окнахъ разставлены были тарелки и чашки съ красками, порошками и растворами всѣхъ цвѣтовъ. Среди этого хлама дѣдушка, въ сѣромъ халатѣ и ярко вычищенныхъ сапогахъ, что-то перетираетъ въ глиняной ступкѣ, или взбалтываетъ въ плотно закупоренной стклянкѣ, разбавляетъ и внимательно разглядываетъ на свѣтъ. Дѣдушка вычиталъ, а можетъ-быть и самъ открылъ, способъ добыванія изъ камня домашнимъ способомъ цѣнной ультрамариновой краски. Въ стеклянномъ шкапу, у двери, хранились въ низенькихъ свѣтлыхъ баночкахъ результаты его трудовъ, въ видѣ тончайшаго порошка всѣхъ оттѣнковъ голубого цвѣта отъ свѣтло-пепельнаго до темно-бирюзоваго. Но чтобы привести краску въ такое состояніе нужно было часами перетирать ее съ какимъ-то жирнымъ веществомъ, промывать въ нѣсколькихъ водахъ, процѣживать, выпаривать и просушивать,—словомъ, нуженъ былъ продолжительный и тщательный уходъ. Дѣдушка занимался этимъ съ большой любовью, но исключительно ради искусства; полученную краску онъ хранилъ, какъ сокровище, подъ замкомъ, и только изрѣдка дарилъ ее маленькими пробами кому нибудь изъ знакомыхъ художниковъ*).

Мы стоимъ, затаивъ дыханіе, и смотримъ широко открытыми глазами на дѣдушкину работу; а онъ, замѣтивъ насъ, подзоветъ къ себѣ, дастъ понюхать какую нибудь баночку, посмѣется надъ нашими гримасами, погладитъ каждаго по головѣ и ласково скажетъ: „ну, ступайте себѣ“. А иногда оставитъ свои краски и забавляется съ нами: станетъ вертѣть колесо электрической машины, показываетъ намъ висящія на стѣнѣ оптическія зеркала,—увеличительное и уменьшительное,—или гравюры, которыя хранились за печкой въ большой папкѣ; попотчуетъ насъ лакрицей или сладкими бѣлыми крупинками изъ гомеопатической аптечки. Въ кабинетѣ пахнетъ нюхательнымъ табакомъ, старыми книгами и сухимъ деревомъ. На бюро стучитъ маятникъ

*) Въ то время въ продажѣ не было тертыхъ масляныхъ красокъ въ трубочкахъ для живописи, и художники сами растирали сухія краски съ варенымъ коноплянымъ масломъ на стеклянныхъ круглыхъ пластинахъ мраморными или стеклянными курантами.

Лондонскихъ часовъ, а дѣдушка сидитъ, немного сгорбившись на плетеномъ стулѣ, и слегка поскрипываетъ сапогами.

Какъ теперь вижу высокую, худощавую фигуру дѣда, его открытый, блѣдный лобъ, не сѣдѣющіе, сухіе волосы, зачесанные на вискахъ, бритое продолговатое лицо, маленькіе зоркіе глаза и насмѣшливую улыбку на тонкихъ губахъ. Судя по домашнему портрету, дѣдушка смолоду не былъ красивъ, но лицо его дышало умомъ и привѣтливостью. Въ обращеніи онъ былъ простъ и общителенъ, любилъ принимать гостей и слылъ большимъ говоруномъ и острословомъ. Вообще Александръ Ивановичъ былъ очень многостороненъ; хотя онъ учился, какъ почти всѣ въ тѣ времена, на гроши, но пріобрѣлъ немало знаній своей пытливостью и любознательностью. Онъ особенно интересовался всякими новыми изобрѣтеніями и открытіями и часто за обѣдомъ, въ кругу своихъ, съ увлеченіемъ разсказывалъ о чудесахъ техники, о смѣлыхъ опытахъ прикладныхъ знаній, объ успѣхахъ и блестящемъ будущемъ положительной науки. Говорилъ онъ горячо и образно, но безъ тѣни рисовки, съ юморомъ и увлекательностью, которая невольно очаровывала. Имѣлъ весьма тогда распространенную привычку пересыпать рѣчь поговорками и пословицами и охотно шутилъ. Незлобиво посмѣяться надъ кѣмъ либо изъ обычныхъ гостей или домочадцевъ было для него первой забавой. Больше всѣхъ отъ этой слабости терпѣли бывавшіе у него запросто, два-три раза въ недѣлю, его старинные пріятели: маленькій, бѣленькій старичекъ Телепневъ въ голубомъ длинноломъ сюртукѣ съ улеемъ сѣдыхъ волосъ на головѣ; Англичанинъ Моргенъ, высокій, толстый старикъ съ красными щеками, подпертыми стоячимъ воротничкомъ; молчаливый взъерошенный художникъ Хлобыстаевъ, нашъ первый учитель рисованія; реставраторъ Успенскаго собора Подклюшниковъ, сотоварищъ дѣдушки по собиранію художественныхъ рѣдкостей.

Еще совсѣмъ молодымъ, дѣдушка началъ тратить свои небольшія сбереженія на покупку картинъ. Любимымъ его развлеченіемъ сдѣлалось посѣщеніе воскреснаго торга на Сухаревкѣ, антикварной лавки Родіонова на Покровкѣ, и всякихъ мебельныхъ складовъ, гдѣ прежде попадались удивительныя вещи за баснословно дешевыя цѣны. Домъ въ Скатертномъ переулкѣ черезъ нѣсколько лѣтъ наполнился большой коллекціей картинъ, преимущественно старыхъ Голландскихъ мастеровъ. Число пріобрѣтенныхъ имъ къ концу жизни картинъ доходило до трехъ сотъ и между ними были настоящіе перлы, достойные лучшихъ музеевъ. Любители Московскіе и пріѣзжіе нерѣдко навѣщали дѣдушку, наслышавшись о его собраніи; многіе уговаривали его продать ту или дру-

гую картину, но онъ и слышать о томъ не хотѣлъ. „Когда меня вынесутъ, тогда пусть и картины выносятъ“, говаривалъ онъ. Особой любовью его пользовалась картина, изображавшая поясную фигуру курильщика въ натуральную величину; одни, въ томъ числѣ и дѣдушка, приписывали ее Давиду Теньеру, другіе—Францу Гальсу. „Курильщикъ“ висѣлъ въ кабинетѣ, надъ диваномъ, гдѣ дѣдушка отдыхалъ послѣ обѣда. Тутъ-же висѣли: пейзажъ Дрохслота, впослѣдствіи пріобрѣтенный Эрмитажемъ, и поясная фигура Діогена въ натуральную величину, съ фонаремъ въ рукѣ, кисти Испанскаго художника Рибейра.

Александръ Ивановичъ всю жизнь провелъ безвыѣздно въ Москвѣ и ея окрестностяхъ и уѣздахъ Московской губерніи. Одно время онъ служилъ въ Волоколамскѣ, потомъ много лѣтъ въ Московскомъ Надворномъ Судѣ, наконецъ депутатомъ Московскаго дворянства въ опекѣ. Не смотря на блестящія дарованія и несомнѣнную дѣловитость, Александръ Ивановичъ до высокихъ чиновъ не дослужился. Онъ умеръ 11-го Марта 1863 года семидесяти двухъ лѣтъ, коллежскимъ совѣтникомъ. Его служебнымъ успѣхамъ мѣшала, повидимому, самостоятельность его характера. Къ тому-же онъ былъ очень остеръ на языкъ, а этой черты въ Москвѣ всегда побаивались. Про рѣдкую въ то время служебную честность его ходили разсказы. Однажды, напримѣръ, когда онъ былъ еще судьей, родственница тогдашняго Московскаго генералъ-губернатора, весьма уважаемая старуха, графиня П-на вздумала поблагодарить его за какое-то дѣло, рѣшенное Надворнымъ Судомъ. Она пригласила Александра Ивановича къ себѣ на чашку чая и, прощаясь, сунула ему въ руку черепаховую табакерку, наполненную червонцами. Дѣдушка такъ смутился, что выронилъ табакерку на полъ; она съ шумомъ разбилась на мелкіе куски, золотые покатились во всѣ стороны. Графиня вскрикнула, а переконфуженный Александръ Ивановичъ бросился бѣжать изъ комнаты. Впослѣдствіи генералъ-губернаторъ, встрѣтивъ дѣда на вечерѣ въ Дворянскомъ собраніи, упрекалъ его, что онъ обидѣлъ старуху. „Что-же, вамъ мало показалось?“ ехидно спросилъ онъ дѣдушку.

Женатъ былъ дѣдушка два раза. Первая его жена, а моя бабушка съ материнской стороны, Варвара Дмитріевна, была дочерью князя Дмитрія Сергѣевича Трубецкаго*) и тайно съ нимъ повѣнчанной въ

*) Князь Дмитрій Сергѣевичъ Трубецкой, флота капитанъ-командиръ, былъ сыномъ генералъ-поручика князя Сергѣя Никитича Трубецкаго (род. въ 1743 г. † въ 1812 г.), женатаго на Аннѣ Ивановнѣ Лодыженской, и приходился внукомъ фельдмаршала князя Никиты Юрьевича Трубецкаго (женатаго на княжнѣ Друцкой, по первому браку Херасковой).

Англіи дочери Англиканскаго пастора. Князь Дмитрій Сергѣевичъ рано потерялъ жену и, вернувшись въ Россію съ маленькой дочерью Варварой, задумалъ устроить въ Петербургѣ канатную фабрику для потребностей военнаго флота. Но дѣла его не пошли, онъ потерялъ довольно крупное состояніе въ этомъ предпріятіи и внезапно скончался въ 1800 г., оставивъ единственную дочь на попеченіи старшей сестры своей, княжны Екатерины Сергѣевны Трубецкой*). Уже не молодая дѣвица, княжна Екатерина Сергѣевна замѣнила маленькой Варенькѣ отца и мать. Она жила зимой въ Москвѣ въ собственномъ домѣ на Садовой, а лѣтомъ на дачѣ, подъ Москвой, въ селѣ Всесвятскомъ. Она очень заботилась о Варенькѣ и дала ей тщательное воспитаніе. Дѣвочка обучалась Англійскому, Французскому и Нѣмецкому языку, музыкѣ и рисованію. Съ дѣтства у нея появилась склонность къ поэзіи. По тогдашней модѣ, она записывала любимые стихи въ альбомъ и вносила туда собственныя произведенія. Нѣсколько такихъ альбомовъ подъ названіемъ „Recueil de vers“, помѣченныхъ 1816 и 1818 годами, сохранились въ нашихъ семейныхъ бумагахъ. Въ одной изъ такихъ тетрадокъ переписана вся „Свѣтлана“ Жуковскаго. Въ другой я нашелъ слѣдующіе стихи, сочиненія Варвары Дмитріевны, съ собственноручными ея поправками и помарками:

Когда бѣдамъ конца не видишь,
Коль грусть одна,
То скоро жизнь возненавидишь.
На что она?
На что? Коль каждый день встрѣчая,
Должна вздохнуть,
И въ скукѣ оный провождая,
Съ слезой заснуть.
И тутъ ужасны сновидѣнья
Тревожатъ сонъ,
Найти въ немъ хочешь облегченье,
Бѣжитъ и онъ.
Ища спокойство, льщусь мечтою,
Стѣсненна грудь.....
Лишь съ скорбью знается одною
Сей жизни путь.
Усыпанъ терньемъ, не цвѣтами,
И мрачно въ даль.....
Живу я, знаяся съ слезами,
Вездѣ печаль.
Иной въ прошедшемъ облегченье
Себѣ найдетъ;
Оно на память лишь мученье
Мнѣ приведетъ.
Что вспомнить мнѣ?
Я сиротою родилась въ свѣтъ.
И безъ родства одна съ собою
Я съ юныхъ лѣтъ.
И ласкъ отцовскихъ я не знала,
И даже мать
Объятіевъ не отверзала
Меня принять.

Эта элегія, писанная, повидимому, въ 1818 г. содержитъ намеки на личную жизнь юной Вареньки, которой тогда было 19 лѣтъ. Приблизительно около этого времени началось знакомство ея съ Александромъ Ивановичемъ Розовымъ, перешедшее затѣмъ въ сватовство.

*) Скончалась въ 1826 г.

Княжна Екатерина Сергѣевна сочувствовала и содѣйствовала ихъ браку. Въ бумагахъ нашихъ сохранились письма Варвары Дмитріевны къ Александру Ивановичу съ приписками княжны.

Свадьба Варвары Дмитріевны и Александра Ивановича состоялась въ 1820 году, и они уѣхали въ Волоколамскъ. На прощанье княжна Екатерина Сергѣевна благословила племянницу семейной иконой Трубецкихъ „Ахтырской" Божіей Матери. Святыня эта и нынѣ хранится въ нашей семьѣ.

Молодые супруги страстно любили другъ друга. Вотъ какъ изображаетъ Варвара Дмитріевна чувства къ ней Александра Ивановича.

„Что чувствую въ душѣ при видѣ я твоемъ,
Какихъ виною ты различныхъ чувствъ движеній?
Стыжуся и страшусь, не зрю отрады въ томъ,
Хочу я говорить, но нѣтъ и выраженій.
Сижу ли я съ тобой—не чувствую себя;
Взоръ ищетъ твоего, но встрѣтивъ избѣгаетъ;
Случайно ли когда дотронусь до тебя,
Забьется сердце въ мигъ, и вся душа пылаетъ.
То въ страхѣ мучусь я, то вдругъ надеждой льщусь,
То я люблю тебя, то страсть ту ненавижу,
Бѣгу я отъ тебя, но все къ тебѣ стремлюсь,
И слезы лить готовъ, когда тебя увижу.
Въ разлукѣ ли съ тобой-все въ мыслях ты моихъ,
Я имя лишь твое всечасно повторяю,
Его при свѣтѣ дня и въ мрачности ночей
Давно вездѣ, во всемъ я вижу и читаю.
Когда-жъ не будешь мнѣ надеждой, другъ души,
Въ безвременности кончу жизнь унылу;
Хотя послѣдней ты отрады не лиши
И окропи слезой нещастнаго могилу".

Стихотвореніе это написано рукой Варвары Дмитріевны на четвертушкѣ бумаги, на обратной сторонѣ которой нарисованъ карандашемъ портретъ дѣдушки Александра Ивановича, очень схожій.

Молодая чета жила въ Волоколамскѣ недолго. Въ 1823 году Александръ Ивановичъ съ женой переселился въ Москву, и около этого времени у нихъ родилась дочь Екатерина, моя мать, а еще черезъ годъ вторая дочь, Надежда. Но счастье молодыхъ супруговъ длилось непродолжительное время.

Послѣ второго ребенка здоровье Варвары Дмитріевны возстановлялось медленно. Къ великому горю Александра Ивановича у ней открылись признаки грудной болѣзни, отъ которой бабушка и скончалась въ 1826 году.

Обѣ дѣвочки, Катенька и Наденька, остались на попеченіи довѣренной няни Зотовны изъ крѣпостныхъ семейства Трубецкихъ. Зотовна главную заботу о дѣтяхъ полагала въ наблюденіи за исправностью ихъ желудка и въ уходѣ за ихъ волосами. Она держала дѣтей на строжайшей діэтѣ и кормила ихъ исключительно куринымъ бульономъ и куриными котлетами. Въ видѣ лакомства дѣти получали по Воскресеньямъ маленькій кусочекъ чернаго хлѣба и полъ-стакана подогрѣтаго квасу. Каждую Субботу имъ давали рвотное по рецепту доктора Дрекслера, а по большимъ праздникамъ вплетали новыя ленточки въ косы. Къ счастію для дѣтей, Александръ Ивановичъ, года черезъ три послѣ смерти жены, рѣшился вступить во второй бракъ и остановилъ свой выборъ на Юліи Ѳедоровнѣ Кунишъ. Молодая мачиха сдѣлалась истинной матерью осиротѣвшимъ малюткамъ.

Когда дѣвочкамъ пришло время учиться, бабушка Юлія Ѳедоровна помѣстила ихъ въ одинъ изъ модныхъ Московскихъ пансіоновъ, къ m-me Севенаръ, куда онѣ переселились на житье. Въ пансіонѣ главнымъ предметомъ преподаванія былъ Французскій языкъ; обѣ сестры отличались старательностью и трудолюбіемъ. Онѣ унаслѣдовали отъ Варвары Дмитріевны легкость въ усвоеніи языковъ и не иначе переходили изъ класса въ классъ, какъ съ похвальными листами и наградными книгами. По праздникамъ и на лѣтнія вакаціи дѣвочки возвращались домой и радовали отца и мачиху своими успѣхами, благонравіемъ и прилежаніемъ. Пріѣзды дѣтей на побывку сопровождались различными домашними увеселеніями: на святкахъ для нихъ устраивали танцовальные вечера, при чемъ Катенька и Наденька наряжались въ фантастическіе костюмы и танцовали „Pas de châle“ или „Русскую“, а то, собравшись въ кружокъ съ подругами, гадали на воскъ и пепелъ, пѣли подблюдныя пѣсни и играли въ „фанты“ и „веревочку“. На масляницѣ бабушка Дарья Карловна возила дѣтей въ своей желтой коляскѣ на гулянье „подъ Новинское“, гдѣ они любовались пестрыми балаганами, нарядной толпой и безконечной вереницей экипажей. Лѣто проводили они въ городѣ, а чаще гдѣ нибудь на дачѣ, подъ Москвой. Тетка Надежда Александровна съ особымъ удовольствіемъ вспоминала тѣ годы, когда семейство Розовыхъ оставалось лѣтомъ въ городѣ; она вообще не любила деревенской жизни и находила, что садъ при домѣ въ Скатертномъ переулкѣ вполнѣ замѣняетъ дачу. Въ саду было много зелени и тѣни, куртины душистыхъ цвѣтовъ, чисто выметенныя дорожки и прохладныя бесѣдки, гдѣ можно было въ жаркій день спокойно сидѣть съ книгой и собачкой. А вечеромъ въ хорошую погоду, кучеръ Осипъ Филипповъ запрягалъ коляску парой смирныхъ коней, и Александръ Ивановичъ, съ женой и дѣтьми, ѣхалъ кататься въ паркъ или Сокольники. Иногда лѣтомъ предпринима-

лись болѣе далекія поѣздки, напр. къ Троицѣ-Сергію. Такія экскурсіи дѣлались обыкновенно по обѣщанію. Выбирался ясный, нежаркій день; ѣхали въ собственной колескѣ; брали съ собой съѣстныхъ запасовъ и сластей; останавливались въ дорогѣ кормить лошадей, а черезъ два дня возвращались, не спѣша, домой съ десяткомъ вынутыхъ душистыхъ просвиръ для родныхъ, знакомыхъ и собственнаго употребленія. Такія богомолья не утомляли ни молельщиковъ, ни добрыхъ коней, ввѣренныхъ искусному „правленію“ кучера Филипыча.

Когда ученье Катеньки и Наденьки въ пансіонѣ окончилось, дѣвочкамъ взята была гувернантка, старушка Француженка m-elle Valence, для практики Французскаго языка и сопровожденія дѣвицъ на прогулку. Эта почтенная особа до самой смерти своей оставалась въ нашемъ домѣ и похоронена на Лютеранскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, на Введенскихъ горахъ, рядомъ съ дѣдушкой Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Кунишъ. M-lle Valence пріучала дѣвицъ къ хозяйству, много читала имъ вслухъ и разучивала съ ними „Сида“ и „Athalie et Joas“. Онѣ, въ свою очередь, охотно обучали азбукѣ и письму маленькаго брата Костеньку, которому было около восьми лѣтъ, когда онѣ вышли изъ пансіона. Лѣтомъ обѣ барышни Розовы нерѣдко гащивали или въ подмосковскомъ имѣніи ихъ дяди Степана Ивановича Розова, либо въ Каширскомъ уѣздѣ, въ семьѣ профессора Михаила Григорьевича Павлова. Съ семьей Павловыхъ Розовы были очень дружны еще при жизни первой супруги Александра Ивановича, которая близко сошлась съ супругой Михаила Григорьевича—Марьей Петровной и ея сестрой Евгеніей Петровной Рѣшетниковой. М. Г. Павловъ читалъ физику въ Московскомъ Университетѣ и былъ собственникомъ такъ называемаго „благороднаго пансіона для мальчиковъ“, въ Москвѣ. Сынъ его Николай Михайловичъ, скончавшійся въ Москвѣ въ 1906 г., извѣстенъ какъ Славянофилъ, сотрудникъ Ивана Сергѣевича Аксакова, и какъ авторъ „Русской Исторіи съ древнѣйшихъ временъ“.

Благодаря общительности дѣдушкинаго характера, посѣтители у него не переводились. Вышеназванные Телепневъ и Хлобыстаевъ приходили часто съ утра и проводили въ дѣдушкиномъ кабинетѣ цѣлые дни. Къ обѣду являлся кто нибудь изъ молодыхъ: Николай Николаевичъ Новиковъ, служившій въ семидесятыхъ годахъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ; Николай Евграфовичъ Мамоновъ, Московская врачебная извѣстность; Константинъ Михаиловичъ Балашевъ, прозекторъ анатоміи при Московскомъ университетѣ; Иванъ Михаиловичъ Сѣченовъ, впослѣдствіи знаменитый физіологъ, а тогда еще студентъ-медикъ. Вечерами бывала другая смѣна гостей: Иванъ Андреевичъ Рославлевъ, богатый

помѣщикъ Коломенскаго уѣзда, Николай Сергѣевичъ Тургеневъ, старшій братъ писателя; Василій Алексѣевичъ Шибаевъ—сосѣдъ домовладѣлецъ, высланный когда-то графомъ Закревскимъ за славянофильство въ Тотьму; Петръ Ивановичъ Евреиновъ, основавшій въ Россіи множество предпріятій, которыя обогатили другихъ, а его разорили; Константинъ Анастасьевичъ Попандопуло, военный врачъ изъ Грековъ. Собравшіеся гости иногда садились за бостонъ, но чаще завязывали споры по общественнымъ и литературнымъ вопросамъ, продолжавшіеся далеко заполночь. Бывали и чтенія; собирались въ диванной, кругомъ стола, и слушали какую нибудь новинку; такъ прочли напр. „Князя Серебрянаго“. Шибаевъ и Новиковъ были отличными чтецами; послѣдній кромѣ того обладалъ прекраснымъ теноромъ. Бабушка охотно ему акомпанировала, и онъ цѣлыми часами распѣвалъ въ залѣ Русскіе романсы. Мы подсаживались на скамеечкѣ около бабушкиныхъ ногъ, въ уголку, у рояля, и слушали наши любимыя пѣсни: „Я пойду, пойду косить“, „Кубокъ янтарный“, „Вотъ мчится тройка удалая“. „Ахъ морозъ, морозецъ“ и т. д.

Дѣдушкиныхъ друзей Рославлева и Сосновскаго я зналъ только по разсказамъ домашнихъ. Рославлевъ былъ стариннаго покроя богатый помѣщикъ, жившій недалеко отъ насъ, на углу Мерзляковскаго переулка, въ собственномъ барскомъ особнякѣ со львами на подъѣздѣ. Онъ отличался непомѣрной толщиной и крайнимъ благодушіемъ. Оставшись всю жизнь холостякомъ, онъ находился всецѣло въ рукахъ своихъ крѣпостныхъ слугъ—лакея Ваньки и кучера Трошки. Онъ подчинялся имъ во всемъ, какъ дитя, хотя иногда грозилъ отдать ихъ „подъ красную шапку“. Трошка часто возилъ его по Московскимъ закоулкамъ въ поискахъ за невѣстами. Эти поѣздки стоили довѣрчивому старику немало денегъ на подарки мнимымъ невѣстамъ, свахамъ и т. д. Конечно Ванька и Трошка подстраивали такія смотрины по взаимному уговору, чтобы выманить деньги у барина. Свободное отъ романтическихъ поѣздокъ время Рославлевъ проводилъ у окна своего дома, наблюдая за движеніемъ облаковъ. Онъ былъ увѣренъ, что вѣтеръ неизмѣнно гонитъ дождевыя тучи на его вотчины. „Всѣ на мои имѣнія провалили“, утѣшалъ онъ себя.

Дѣдушку Рославлевъ очень любилъ, называлъ „судьей“ и чуть не каждый вечеръ пріѣзжалъ поиграть съ нимъ въ карты. И тутъ не обходилось безъ курьезовъ: однажды говоритъ онъ дѣду: „слушай, судья, коли у меня будетъ хорошая масть, я скажу *тарабара*, а коли плохая—*тирибери*, а ты примѣчай“. „Такъ нельзя, Иванъ Андреевичъ, возражалъ дѣдъ; вѣдь мы съ тобой не одни играемъ, противъ насъ двое

партнеровъ—это для нихъ будетъ обидно". „Что же тутъ обиднаго? удивлялся Рославлевъ, вѣдь я мастей не открою, а только скажу тарабара; чтобы ты зналъ, что я при картахъ". Такъ и не могли разубѣдить старика. Другой разъ, опять за игрой, дѣдушка говоритъ ему: „Что̀ это ты записалъ, Иванъ Андреевичъ?" „Что̀ слѣдуетъ, отвѣчаетъ Рославлевъ—тридцать одинъ". „Нѣтъ, возражаетъ дѣдушка, ты какой-то вензель написалъ, а не тридцать одинъ". Подозвали воспитанницу Рославлева, молоденькую Елисавету Ивановну. „Посмотри Лизанька, приказываетъ ей старикъ, что тутъ написано мѣломъ?" „Екатерина Первая (*E. I.*)" отвѣчаетъ недавно выпущенная изъ пансіона Лизанька. Вообще про Рославлева ходило у насъ въ домѣ множество анекдотовъ. Особенно забавенъ былъ разсказъ о томъ, какъ онъ разъ поднялся во второй этажъ, въ дѣдушкинъ кабинетъ, посмотрѣть картины, а когда настало время уходить домой, то рѣшительно отказался спускаться внизъ по лѣстницѣ. Никто не могъ убѣдить его, что въ этомъ нѣтъ никакой опасности; бились съ нимъ цѣлый часъ, наконецъ, дѣдушка придумалъ выходъ—послалъ за Ванькой и Трошкой, призвали нашего лакея и кучера Филиппыча и свели старика задомъ, на четверенькахъ, переставляя ему ноги и руки со ступени на ступень. Весь домъ собрался смотрѣть на это невиданное зрѣлище.

Сосновскій былъ замѣчателенъ въ другомъ отношеніи. Онъ познакомился съ дѣдушкой будучи столѣтнимъ старикомъ и до послѣдняго дня своей жизни, а умеръ онъ на 122-мъ году, сохранилъ веселость духа, слухъ, зрѣніе и хорошій аппетитъ. Онъ ежедневно гулялъ по Тверскому бульвару, читалъ газеты безъ очковъ и дѣлалъ визиты дамамъ. Альбомы моей матери и тетки были полны его акварельныхъ рисунковъ, очень тонкихъ. Во всю свою долгую жизнь Сосновскій былъ боленъ только одинъ разъ: на полковомъ праздникѣ, въ присутствіи императрицы Екатерины, его уговорили послѣ обѣда выпить чашку кофе. Съ послѣднимъ глоткомъ, Сосновскій упалъ безъ чувствъ и потомъ прохворалъ нѣсколько дней: такъ сильно подѣйствовалъ на него непривычный ему кофе. Впрочемъ, онъ никакого особаго режима не держался: имѣя независимыя средства, жилъ въ свое удовольствіе, любилъ покушать и охотно пилъ хорошее красное вино. Скончался онъ совершенно безболѣзненно и въ день своей смерти еще гулялъ и навѣщалъ знакомыхъ. Некрологъ его былъ напечатанъ въ Московскихъ газетахъ.

Изъ другихъ пріятелей Александра Ивановича мнѣ особенно памятенъ К. А. Попандопуло, можетъ быть, потому, что онъ отличался своимъ темнымъ, изрытымъ глубокими морщинами лицомъ, крупнымъ восточнымъ носомъ, щетинистыми сѣдыми волосами и сухой сгорблен-

ной фигурой. Константинъ Анастасьевичъ Попандопуло страстно любилъ играть въ пикетъ и приходилъ къ намъ почти каждый вечеръ. Но такъ какъ онъ игралъ прижимисто и по очень маленькой, то съ нимъ неохотно садились за карты. „Богомъ тебя прошу, приставалъ онъ къ дѣдушкѣ, сыграемъ хоть одну пульку". Въ боковомъ карманѣ форменнаго сюртука онъ носилъ мѣшокъ съ мѣдными деньгами; ими онъ расплачивался за карты и хвастался тѣмъ, что никогда не отказываетъ нищимъ; для нихъ у него былъ запасъ теперь уже рѣдко попадающихся въ обращеніи „полушекъ". Однажды мы посѣтили его съ дѣдушкой, и я хорошо запомнилъ его большой кабинетъ, увѣшанный по стѣнамъ кривыми восточными саблями и длинными чубуками. Надъ диваномъ, гдѣ онъ сидѣлъ, висѣла большая картина, изображавшая трехмачтовый корабль съ распущенными парусами, а подъ ней шитый шерстями коверъ съ Турецкимъ пашей въ огромномъ бѣломъ тюрбанѣ. Попандопуло иногда сажалъ меня къ себѣ на колѣни и заставлялъ скакать, припѣвая старческимъ, носовымъ голосомъ: „Куюли, пуюли"...

Изрѣдка навѣщалъ дѣда его старшій братъ Сергѣй Ивановичъ Розовъ, партизанъ 12-го года, крѣпкій, сутуловатый старикъ съ шапкой сѣдыхъ волосъ на головѣ, ласковый и застѣнчивый. Онъ всегда ходилъ до верху застегнутый, въ черномъ двубортномъ сюртукѣ съ орденомъ Владимира въ петлицѣ. Говорилъ онъ мало, нюхалъ табакъ и постоянно улыбался. Единственный сынъ его Дмитрій Сергѣевичъ служилъ въ Петербургѣ по вѣдомству Иностранныхъ Дѣлъ. Это былъ утонченно образованный, красивый и блестящій молодой „дэнди", избалованный свѣтскими успѣхами. Сохранившаяся миніатюра даетъ ясное о немъ представленіе: продолговатое, блѣдное лицо, тонкій носъ, густые темные волосы, рѣзкія брови и крѣпко сжатыя губы очень напоминаютъ черты Грибоѣдова. Умеръ онъ въ молодыхъ лѣтахъ. Вскорѣ вслѣдъ за нимъ скончалась и супруга Сергѣя Ивановича, строгая и чопорная барыня Нимфодора Дмитріевна. О ней и о ея безвременно умершемъ сынѣ часто вспоминала бабушка Юлія Ѳедоровна, для которой Нимфодора Дмитріевна осталась навсегда законодательницей модъ, а Дмитрій Сергѣевичъ образцомъ свѣтскости.

При Нимфодорѣ Дмитріевнѣ Сергѣй Ивановичъ жилъ по старинѣ, на широкую ногу, съ многочисленной дворней, приживалками и шутами. Про одного изъ послѣднихъ, Ваньку, я слышалъ отъ домашнихъ забавные разсказы. Ванька былъ здоровый парень лѣтъ 22-хъ, веселый и прожорливый. Онъ всѣмъ говорилъ „ты", барина своего называлъ „овечкой" и любилъ ходить по гостямъ, выпрашивая чаю съ „комками" (сахаромъ). По воскресеньямъ и праздникамъ онъ усердно посѣщалъ

приходскую церковь. Придетъ рано, приложится къ мѣстнымъ иконамъ и станетъ прямо передъ царскими вратами, ожидая выхода священника или діакона. Какъ только кто нибудь изъ нихъ покажется изъ алтаря, онъ громко привѣтствуетъ вышедшаго: „здравствуй, батюшка“ или „здравствуй, отецъ діаконъ“. Какъ ни старались вразумить его, что не принято такъ обращаться къ духовнымъ особамъ во время церковной службы, онъ каждое воскресенье и каждый праздникъ повторялъ свою продѣлку. Пробовали выводить его изъ церкви, но безуспѣшно: Ванька, обладавшій колоссальной силой, упирался, начиналъ шумѣть и драться. Наконецъ, полиція просила Сергѣя Ивановича запретить Ванькѣ посѣщать церковь.

У насъ, въ противность тогдашнему обычаю, ни приживалокъ, ни шутовъ никогда не держали: бабушка Юлія Ѳедоровна этотъ людъ не жаловала. Неохотно принимала она всевозможныхъ странницъ, богомолокъ и юродивыхъ, которыми Москва въ то время изобиловала. Исключеніе дѣлалось для одной „Лизаветы Ивановны въ черномъ платьѣ“ или „рабы Божіей Северицыной“, какъ она сама себя называла. Лизавета Ивановна бывала у насъ по нѣскольку разъ въ годъ за подаяніемъ. Всю жизнь бѣгала она по монастырямъ и подворьямъ, влюблялась въ монаховъ и всѣмъ надоѣдала своими разсказами о благосклонности къ ней разныхъ „владыкъ“.

Въ домѣ не водилось также многочисленной дворни: вся прислуга состояла, насколько я помню, изъ вольнонаемныхъ: кучера Осипа Филиппыча, прожившаго въ домѣ болѣе сорока лѣтъ; кухарки Арины Анисимовны, занимавшей эту должность у насъ около полувѣка, до самой смерти; горничной Софьи Михаиловны, прослужившей лѣтъ тридцать при бабушкѣ Юліи Ѳедоровнѣ, и няни нашей Ольги Матвѣевны, которая скончалась въ одной изъ Московскихъ богадѣленъ, куда мы ее помѣстили, когда я былъ уже на службѣ, а сестра моя замужемъ.

Чтобы довершить описаніе стараго дома, я долженъ упомянуть еще о трехъ комнатахъ: бабушкиной спальнѣ, ея туалетной и комнатѣ тетки Надежды Александровны. Бабушкина спальня выходила на улицу Итальянскимъ окномъ и замѣчательна была обширной кроватью ясеневаго дерева со множествомъ подушекъ и высокимъ кіотомъ въ углу, наполненнымъ образами въ дорогихъ окладахъ. Хотя Юлія Ѳедоровна осталась по рожденію лютеранкой, однако, подъ вліяніемъ мужа, она очень пристрастилась къ обрядамъ нашей церкви. Передъ кіотомъ въ ея спальнѣ всегда теплилась лампадка, и она не пропускала ни одного дня, чтобы не стать передъ семейными иконами на молитву, при чемъ

по Русскому обычаю часто крестилась и усердно клала земные поклоны. Молитвы говорила порусски, кромѣ „Отче нашъ“.

Въ противоположномъ концѣ корридора, противъ дѣдушкина кабинета, были „туалетная“ бабушки Юліи Ѳедоровны и далѣе теткина спальня. Обѣ эти комнаты выходили окнами въ садъ.

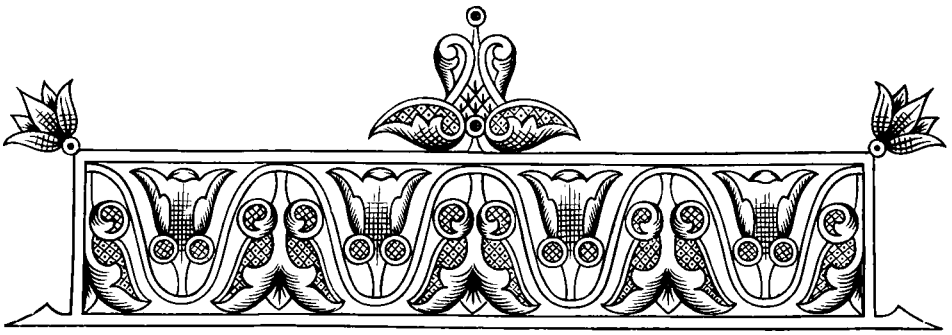
Въ то время Скатертный переулокъ, теперь застроенный каменными громадами, сплошь состоялъ изъ деревянныхъ особняковъ съ садами. Длинные, некрашенные заборы тянулись по обѣимъ сторонамъ его, и на узкіе тротуары свѣшивались разросшіеся кусты бузины, жимолости и сирени. Нашъ садъ былъ разбитъ на два квадрата, окаймленныхъ дорожками. По серединѣ возвышались два серебристыхъ тополя, почти въ обхватъ толщиной, а вдоль дорожекъ посажены были кусты шиповника, жасмина и акацій и тянулись рабатки съ кустами піоновъ, георгинъ, барской спѣси, душистаго горошка, бархатцевъ и ноготковъ. По забору густо росла высокая сирень, изъ-за нея выглядывали вершинки молодыхъ березъ, осинъ, кленовъ и рябины. Свободное незаросшее пространство между рабатками было покрыто сѣянымъ газономъ. Передъ домомъ росли двѣ большія развѣсистыя яблони. Лѣтомъ садъ содержался очень исправно: всякую сушь немедленно удаляли, крѣпко убитыя дорожки выметались каждое утро и посыпались пескомъ, траву выкашивали подъ щетку; въ бесѣдкахъ мели полъ вѣниками и удаляли паутину. Не смотря на свои скромные размѣры, садъ былъ украшенъ тремя бесѣдками, изъ нихъ двѣ были открытыя и одна закрытая, въ видѣ павильона, въ готическомъ вкусѣ. Въ теплые, лѣтніе вечера въ одной изъ открытыхъ бесѣдокъ пили послѣобѣденный чай. Закрытая бесѣдка была прилично меблирована мягкой мебелью, обитой свѣтлымъ ситцемъ. Въ Маѣ зацвѣтали яблони, акаціи покрывались желтыми цвѣточками, и пышно распустившаяся лиловая и бѣлая сирень наполняла садъ весеннимъ благоуханіемъ.

Въ старомъ домѣ прежде жилось широко и привольно. По разсказамъ, когда моя мать еще не была замужемъ, дѣдушка Александръ Ивановичъ и бабушка Юлія Ѳедоровна любили повеселить дѣтей и сами повеселиться. Нерѣдко, въ зимнюю пору, устраивали они танцовальные вечера и домашніе маскарады, бывшіе въ большой модѣ въ Николаевское время. На эти вечера съѣзжались многочисленные знакомые семьи Розовыхъ, подруги Катеньки и Наденьки по пансіону Севенаръ, товарищи сына Костеньки по полку. Старъ и младъ танцовали до упаду экосезъ и лансье, ходили „гросфатеромъ“ по всѣмъ комнатамъ перваго этажа, потомъ ужинали и принимались плясать до

утра мазурку или котиліонъ. Веселье и оживленье царило въ Скатертномъ переулкѣ.

Мы, дѣти, уже не застали этого періода. Матери моей не было въ живыхъ съ 1856 года, а дядя Костенька пропадалъ по цѣлымъ годамъ безъ вѣсти. Веселыхъ сборищъ мы уже не застали; кругъ знакомства сократился, и дѣдушку посѣщали только его близкіе друзья. Но и такихъ было немного. Кончились пріемы и выѣзды, но тѣмъ теплѣе и уютнѣе сталъ старый домъ, тѣмъ дружнѣе и любовнѣе зажили его мирные обитатели. Не пышно, не напоказъ, а скромно и хозяйственно устроилось ихъ существованіе: дѣдушка ушелъ всей душой въ свои картины, коллекціи, краски и опыты; старая бабушка отдала себя домашнимъ заботамъ; молодая бабушка занималась музыкой, вела денежные счеты по дому, полновластно держала въ своихъ рукахъ весь внутренній и внѣшній укладъ семьи; тетка смотрѣла за своими цвѣтами и собачками, Трильби и Жужкой, отъ скуки лѣчилась разными травами и сиропами.

Такъ спокойно протекала жизнь стараго дома, день за день.....



ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. А. МАЛЕВСКАГО-МАЛЕВИЧА [1]).

II.

Въ первой главѣ я упомянулъ уже, что у дѣда моего Александра Ивановича Розова отъ перваго его брака съ дочерью князя Дмитрія Сергѣевича Трубецкаго Варварой Дмитріевной [2]) были двѣ дочери Екатерина и Надежда. Отъ втораго брака съ Юліей Ѳедоровной Кунишъ у дѣдушки былъ одинъ только сынъ Костенька. Онъ родился, когда матери его не было еще и 17-ти лѣтъ. Молоденькая женщина, еще сама ребенокъ, не имѣла понятія о воспитаніи, и мальчикъ былъ порученъ тещѣ его отца, а его бабушкѣ, Дарьѣ Карловнѣ Кунишъ. Все, что̀ мнѣ впослѣдствіи разсказывали о дѣтскихъ годахъ Костеньки, свидѣтельствуетъ, что онъ росъ при условіяхъ неблагопріятныхъ для его кипучей природы. Отецъ былъ занятъ службой, мать въ первый годъ замужества еще сама играла въ куклы. Живой, рѣзвый и любознательный ребенокъ былъ предоставленъ самому себѣ; бабушка Дарья Карловна его баловала безмѣрно и рада была исполнять всѣ его причуды. Александръ Ивановичъ, сознавая недостатки домашняго воспитанія, рѣшился помѣстить сына въ казенную гимназію пансіонеромъ. Въ то время однимъ изъ обычныхъ средствъ воспитательнаго воздѣйствія была розга. Пороли нещадно по Субботамъ за всякую вину: за невыученный урокъ, за шалость въ классѣ, за куренье, за несоблю-

[1]) Первая глава этихъ Воспоминаній Николая Андреевича Малевскаго-Малевича, въ которыхъ прекрасно изображенъ старинный бытъ средняго круга дворянъ-Москвичей, помѣщена въ 5-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1908 года. П. Б.

[2]) Внучкою столь извѣстнаго въ Русской исторіи за первую половину XVIII вѣка князя Никиты Юрьевича Трубецкаго. П. Б.

деніе формы. Замѣчательно, что многіе, испытавшіе на собственной особѣ педагогическіе пріемы добраго стараго времени, не возмущались ими и даже находили въ нихъ хорошія стороны; но дядя Константинъ Александровичъ возненавидѣлъ гимназію и гимназическое начальство. Казарменность гимназической обстановки и весь школьный укладъ неблагопріятно подѣйствовали на впечатлительнаго, избалованнаго мальчика. Онъ къ 14-ти годамъ сталъ пить и покучивать, какъ большинство его товарищей. Учиться онъ бросилъ совершенно, но сохранилъ свою неистощимую веселость и заразительный юморъ. Про его безчисленныя шалости въ гимназіи сохранилось въ нашей семьѣ много разсказовъ, наглядно рисующихъ условія жизни въ стѣнахъ казенной гимназіи. Надзиратели приглашались большею частью изъ иностранцевъ, но безъ всякаго разбора, такъ что въ число педагоговъ попадали отставные барабанщики и канониры, люди полуграмотные, пьяные и небрезговавшіе подачками. Однажды мальчикъ спрашиваетъ одного изъ своихъ менторовъ: „Карлъ Ивановичъ, что̀ такое республика?“ Тотъ отвѣчаетъ: „*респу*—на-животъ, *блика*—на-смерть: значитъ: они дрались не на животъ, а на смерть“. Карлъ Ивановичъ былъ добрѣе другихъ, но тоже частенько покрикивалъ на своихъ питомцевъ: „фотъ, опейть, паротъ!“ Другой надзиратель, Густавъ Ивановичъ, былъ строже: онъ бралъ провинившагося ученика за ухо и велъ его къ грозному инспектору, приговаривая: „я тебя подъ розгу подсуну!“ Одного изъ своихъ наставниковъ дядя мой однажды пригласилъ на вечеръ, а домашнихъ своихъ и гостей увѣрилъ, что гимназическій надзиратель обладаетъ прекраснымъ голосомъ и превосходно поетъ, но любитъ, чтобы его усиленно просили. Когда тотъ явился и познакомился съ присутствующими, всѣ его обступили и стали упрашивать спѣть что нибудь.. Между тѣмъ дядя открылъ рояль, досталъ ноты, придвинулъ стулья для слушателей. Мнимый пѣвецъ ничего не понимаетъ, конфузится, краснѣетъ. Наконецъ, подходитъ сама хозяйка дома и предлагаетъ ему акомпанировать. „*Пѣть*-то я не умѣю!“ съ отчаяніемъ восклицаетъ растерявшійся педагогъ. На другой день за эту продѣлку Костенька отсидѣлъ время обѣда въ карцерѣ, а товарищи его принесли ему вечеромъ въ дортуаръ гречневой каши за голенищемъ сапога и краюшку чернаго хлѣба за пазухой.

Воспитанники не оставались въ долгу у своихъ воспитателей: одному изъ нихъ, наиболѣе нелюбимому, разъ на ночномъ дежурствѣ разбавили воду въ графинѣ, что̀ стоялъ у его постели, совсѣмъ другой жидкостью.... Тотъ долго отплевывался, приговаривая: „Что-то за вода? и со́лено, и кисло!“ Два надзирателя Француза, изъ ветерановъ великой

арміи, Дюфѐ и Дюбѐ были оба ранены, одинъ въ правую, другой въ лѣвую руку, оба глуховаты и косноязычны. Дядя однажды, подъ праздникъ, пригласилъ ихъ обѣдать. Никто изъ домашнихъ не хотѣлъ вѣрить, что престарѣлые сподвижники Наполеона примутъ приглашеніе тринадцатилѣтняго шалуна. Однако они явились, сѣли за столъ рядомъ, во время обѣда разговаривали только между собою, выпили вдвоемъ цѣлую бутылку Лафита, а послѣ обѣда тотчасъ откланялись и ушли, не сказавъ двухъ словъ хозяевамъ. За столомъ оба съ такими ужимками подливали себѣ вина и такъ неумолчно бормотали другъ съ другомъ, что присутствующіе едва могли сдерживать смѣхъ. Одинъ изъ нихъ преподавалъ Французскій языкъ въ классѣ, гдѣ учился Костенька. Какъ шло преподованіе, можно заключить, напримѣръ, изъ того, что фразу: „une voiture à quatre chevaux“ учитель переводилъ такъ: „*кулясko уфъ четверюмъ*“.

Ученіе въ младшихъ классахъ, главнымъ образомъ, состояло въ „зубрежкѣ“. Заучивали наизустъ все, начиная съ катехизиса и кончая правилами Россійской грамматики Востокова. Сидишь бывало, вспоминалъ дядя, и повторяешь, заткнувъ уши и зажмуривъ глаза, строчку изъ заданнаго урока, напр. „мать, земля плодоносная, тридцать два зуба“ и повторяешь до тѣхъ поръ, пока утратится всякое понятіе о томъ, что общаго имѣютъ тридцать два зуба съ плодоносной землей. Не смотря на хорошія способности, ученье Костенькѣ не давалось: приходилось дома его подучивать. Однимъ изъ такихъ домашнихъ преподавателей его былъ нѣкоторое время Яковъ Петровичъ Полонскій, впослѣдствіи столь извѣстный поэтъ. Но какъ ни бились съ пылкимъ юношей, въ концѣ концовъ пришлось взять его изъ гимназіи и опредѣлить въ юнкера. Онъ поступилъ въ Малоархангельскій уланскій полкъ и быстро отличился передъ начальствомъ, какъ лихой кавалеристъ, ловкій танцоръ и исправный служака. Его вскорѣ произвели въ корнеты, и онъ еще совсѣмъ юношей, лѣтъ 18-ти, былъ посланъ въ Петербургъ ординарцемъ, съ откомандированіемъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, стоявшихъ въ Царскомъ Селѣ. Жизнь среди блестящихъ товарищей, въ кругу богатой, кутящей молодежи, дала губительный толчекъ наклонностямъ Константина Александровича. Онъ сталъ бросать деньги на лошадей, поить товарищей Шампанскимъ, устраивать пирушки съ Цыганками. Начались кутежи и безпробудное веселье, широкая натура юнаго улана развернулась во всю; и дни, и ночи проводилъ онъ въ вихрѣ шумнаго разгула. Долго продолжаться такое существованіе не могло: явились долги, и Костенька попалъ въ когти ростовщиковъ. Родители платили за него, пока имѣли возмож-

ность, наконецъ у нихъ свободныя средства изсякли. Юлія Ѳедоровна заложила въ Опекунскомъ Совѣтѣ свои брилліанты и даже запасное столовое серебро, чтобы выручить сына. Но тутъ произошелъ случай, который положилъ предѣлъ блестящей карьерѣ удалаго корнета: въ совершенно пьяномъ видѣ онъ выѣхалъ раннимъ утромъ на ученье верхомъ..... въ одномъ бѣльѣ. Постовой будочникъ пробовалъ его задержать, но былъ имъ избитъ. Подоспѣвшіе на шумъ товарищи съ трудомъ уговорили Костеньку вернуться. Однако, будочникъ пожаловался по начальству, и дѣло огласилось. Костеньку вызвалъ полковой командиръ и, послѣ строгаго выговора, велѣлъ отдать саблю и отправляться на гауптвахту. А дядя весь еще кипѣлъ отъ столкновенія съ полицейскимъ. Ему казалось высшимъ оскорбленіемъ, что будочникъ осмѣлился остановить офицера. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ сталъ онъ оправдывать свой поступокъ, и когда командиръ приказалъ ему замолчать, онъ сорвалъ съ себя саблю и бросилъ ее на полъ. Чаша переполнилась: Костенькѣ въ тотъ-же день объявили рѣшеніе немедленно вернуться въ свой полкъ. Это равносильно было отставкѣ. Дѣйствительно, дядя въ свой полкъ не вернулся, а перечислился по арміи къ какой-то пѣхотной части въ Бѣлостокѣ. Отсюда начинаются его безконечныя странствованія по всей Россійской Имперіи. Кажется, не осталось ни одного военнаго округа, въ которомъ онъ не послужилъ-бы нѣкоторое время. Цѣлые года проходили, и семья не имѣла о немъ извѣстій. Юлія Ѳедоровна ѣздила даже къ знаменитому въ то время Московскому прорицателю и ясновидцу Ивану Яковлевичу Корейшѣ спросить, гдѣ сынъ и живъ-ли онъ. „Въ мірѣ мира и нетлѣніи“ отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ и загадочно прибавилъ: „*безъ кляцы не бензе колацы*“, но мѣстопребыванія Костеньки не открылъ. Побывалъ дядя и въ Сибири, чуть не утонулъ въ Иртышѣ и домой вернулся пѣшкомъ. Случайно женился онъ на какой-то Оттиліи, которая покинула его мѣсяца черезъ два послѣ свадьбы и скрылась въ безвѣстности. Но Петербургъ его тянулъ къ себѣ, и нѣтъ-нѣтъ оттуда приходили домой его письма съ просьбами о пособіи. Въ Петербургѣ онъ поселялся гдѣ нибудь на Пескахъ или въ Коломнѣ и жилъ мѣсяцами на никому невѣдомыя средства, вѣроятно въ очень скромной обстановкѣ. Онъ разсказывалъ дома, что разъ прожилъ цѣлую зиму въ комнатѣ, которую нанялъ по слѣдующей публикаціи, вывѣшанной у воротъ: „Оѳдается задній комнатоѳъ, пафаротти лѣфа рука лѣзницъ“. Оказалось, что комната сдается въ семьѣ Нѣмца портнаго, который работалъ за стѣной съ пяти часовъ утра, напѣвая цѣлыми днями одну и туже Нѣмецкую пѣсенку. Дядя самъ напѣвалъ эту пѣсенку съ большимъ комизмомъ. Вообще онъ обладалъ способностью подражанія и особенно хорошо предста-

влялъ Нѣмцевъ. Нельзя было безъ смѣха слушать, какъ онъ изображалъ напр. въ лицахъ тогдашняго пастора Московской Лютеранской Петропавловской церкви, когда тотъ, щеголяя ораторскими пріемами, начиналъ свою проповѣдь чуть слышнымъ, замирающимъ шепотомъ: „als unser Heiland am dritten Tage“ и вдругъ переходилъ въ громовый, потрясающій возгласъ „auferstanden war...!“....

Въ Москву пріѣзжалъ онъ рѣдко, и за все свое дѣтство я видѣлъ его только одинъ разъ, когда онъ прогостилъ нѣсколько дней у родителей, въ Скатертномъ переулкѣ. Пріѣхалъ онъ, будто бы, затѣмъ, чтобы обмундироваться по случаю поступленія на гражданскую службу въ Царствѣ Польскомъ. Было ему тогда уже подъ сорокъ, и состоялъ онъ въ чинѣ штабсъ-капитана. Конечно, ему построили форменную одежду, сшили шубу, снабдили деньгами, отслужили напутственный молебенъ. Потомъ оказалось, что никакой службы ему никто не предлагалъ и что все это было ловкой выдумкой, чтобы задобрить довѣрчивыхъ родителей. Наконецъ, дядя окончательно поселился въ Петербургѣ и жилъ на тѣ небольшія средства, которыя ему высылала мать.

Скитальческій образъ жизни не измѣнилъ его нрава. Онъ сохранилъ свой неистощимый юморъ; въ обществѣ былъ веселъ, занимателенъ и находчивъ; всегда готовъ оказать услугу, подѣлиться послѣднимъ рублемъ; остался до старости лѣтъ, что̀ называется, душа на распашку. Я хорошо помню его внѣшность: средняго роста, плечистый и горбоносый, съ рыжеватыми усами и длинными, лихо расчесанными на двѣ стороны бакенбардами, онъ въ сюртукѣ военнаго покроя съ золочеными пуговицами и краснымъ воротникомъ, сохранялъ до старости лѣтъ кавалерійскую выправку.

*

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ надворномъ флигелькѣ бабушкинаго дома въ Скатертномъ переулкѣ поселился жильцомъ молодой врачъ, окончившій Московскую Медицинскую Академію, Андрей Егоровичъ Малевскій-Малевичъ. Его однажды позвали къ хозяевамъ дома помочь заболѣвшему холерою слугѣ. Въ тотъ годъ (1848) въ Москвѣ свирѣпствовала холерная эпидемія, и никто не рѣшался даже войти въ комнату больнаго. Моя мать, Екатерина Александровна, которой тогда было двадцать три года, самоотверженно вызвалась ухаживать за больнымъ. Ея примѣру тотчасъ послѣдовала вся женская прислуга въ домѣ; заболѣвшій слуга былъ окруженъ заботливымъ попеченіемъ семьи Розовыхъ и вскорѣ поправился. Здѣсь, у одра тяжко больнаго, впервыя встрѣтились и познакомились молодые люди. Юный врачъ былъ очарованъ не только стройностью, чудными темнорусыми волосами и

непринужденной граціей Екатерины Александровны, но и ея „героизмомъ“: она съ такимъ безстрашіемъ и спокойствіемъ ухаживала за холернымъ больнымъ, такъ просто и внимательно исполняла предписанія молодого медика, что онъ пришелъ въ восхищеніе отъ своей случайной сотрудницы. Онъ сталъ бывать въ домѣ Розовыхъ гостемъ. Его принимали благосклонно: онъ понравился Александру Ивановичу и Юліи Ѳедоровнѣ. Катенька также относилась къ нему неравнодушно. Отцу было тогда 27 лѣтъ, онъ былъ высокъ ростомъ, строенъ и широкоплечъ, имѣлъ круглое, чистое лицо, темные слегка вьющіеся волоса и ослѣпительно бѣлые зубы. Одѣвался онъ щеголевато, брилъ бороду и носилъ очки. Его внѣшность привлекала къ нему съ перваго взгляда, а кто ближе его узнавалъ, тотъ угадывалъ въ немъ природу мягкую и застѣнчивую, характеръ ровный и уступчивый. Въ немъ были замѣтны сконность къ семейной жизни и вкусъ ко всему изящному, къ музыкѣ, живописи, зодчеству. Эти свойства его нашли себѣ отзвукъ во вкусахъ моей матери, которая унаслѣдовала отъ своей матери Варвары Дмитріевны ея семейныя добродѣтели и способность ко всякимъ искусствамъ. Молодые люди быстро сошлись и полюбили другъ друга. Александръ Ивановичъ и Юлія Ѳедоровна не препятствовали ихъ сближенію. Хотя отецъ не имѣлъ личнаго состоянія, но шелъ твердой дорогой, любилъ свое дѣло и по нравственнымъ своимъ качествамъ обѣщалъ быть хорошимъ семьяниномъ. Свадьба моихъ родителей состоялась осенью 1848 года.

Отецъ мой происходилъ изъ старинной фамиліи, извѣстной въ Плоцкомъ воеводствѣ еще во времена Земовита, князя Мазовецкаго. Предки наши, принадлежа къ отпрыскамъ древнято рода, имѣвшаго своимъ гербомъ „Ястребца“ *), бывали, какъ видно изъ старинныхъ грамотъ XVI, XVII и XVIII столѣтій, войсковыми скарбниками, старостами, хорунжими, капитанами и владѣли вотчинами и маетностями, въ числѣ которыхъ упоминается въ Серпецкомъ повѣтѣ Плоцкаго воеводства имѣніе „Малево“ или „Малевичи“. Оттуда произошло и двойное начертаніе моей фамиліи.

Одинъ потомокъ этого рода, Варѳоломей Малевскій-Малевичъ изъ Каминскаго воеводства, состоя на военной службѣ при „знаменахъ Пятигорскихъ“ (Литовскіе гусары), квартировалъ со своимъ

*) Гербъ „Ястребецъ“ описанъ слѣдующимъ образомъ въ гербовникѣ графа Куропатницкаго 1789: „Малевскій имѣетъ гербъ Ястребецъ. Въ голубомъ полѣ золотая подкова полукругомъ внизъ, въ серединѣ ея крестъ. На шлемѣ сверхъ коровы Ястребъ съ распущенными крыльями для полета, повернувшись въ правую сторону съ двумя путами на ногахъ, въ когтяхъ правой такая же подкова съ крестомъ“.

полкомъ въ Бѣлорусскомъ намѣстничествѣ и тамъ поселился. Когда въ 1772 году Бѣлорусскій край присоединенъ былъ къ Россіи, внукъ Вареоломея Игнатій принялъ присягу на вѣрноподданство Россіи.

У Игнатія было семь сыновей, которые по стародавнимъ семейнымъ преданіямъ[1]) всѣ служили въ военной службѣ и отличались военными подвигами. Одинъ изъ нихъ участвовалъ въ 1799 г. въ походѣ Суворова въ Италію, другой въ чинѣ поручика Софійскаго полка былъ раненъ въ сраженіи при Смоленскѣ 4—7 Августа 1812 г. и записанъ на стѣнахъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

Игнатій Ивановичъ скончался 13 Іюня 1813 г. на 77-мъ году отъ рожденія и похороненъ на Базиліанскомъ кладбищѣ въ гор. Оршѣ. На памятникѣ, воздвигнутомъ на его могилѣ его дѣтьми, высѣченъ на камнѣ гербъ „Ястребецъ“ и слѣдующія слова: „Память о тебѣ да перейдетъ священною изъ рода въ родъ“. Супруга его, а моя прабабка съ отцовской стороны, Евдокія Ивановна, рожденная Романовичъ, погребена въ Новгородѣ. Она скончалась 7 Апрѣля 1831 г. на 72-омъ году.

Дѣдъ мой Георгій Игнатьевичъ женатъ былъ на Пелагеѣ Ивановнѣ, рожденной Борковой, и имѣлъ отъ нея четырехъ дѣтей; отецъ мой Андрей (р. 26 Мая 1820 г.) былъ младшій. Перейдя съ 5 Іюня 1815 г. на гражданскую службу секретаремъ Виленской Казенной Палаты, дѣдъ мой скоропостижно скончался въ Москвѣ 2 Февраля 1833 года, оставивъ послѣ себя своихъ дѣтей круглыми сиротами (бабушка Пелагея Ивановна скончалась раньше дѣда). Отецъ мой, которому въ это время шелъ тринадцатый годъ, взятъ былъ съ братомъ и сестрами на воспитаніе къ старшему брату ихъ отца, Степану Игнатьевичу, жившему въ Новгородѣ, гдѣ онъ владѣлъ недвижимымъ имѣніемъ по женѣ своей Евдокіи Ѳедоровнѣ, рожденной Купріяновой, и нѣкоторое время былъ предводителемъ дворянства[2]).

Степанъ Игнатьевичъ записалъ отца моего кандидатомъ въ Аракчеевскій Кадетскій корпусъ, но пропустилъ срокъ представленія документовъ племянника для опредѣленія въ военно-учебное заведеніе. Мальчика въ корпусъ не приняли по той причинѣ, что ему уже ми-

---

[1]) Окольскій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи XVI вѣка пишетъ (т. I, стр. 330), что Малевскіе производили себя „dum in paganismo fuerunt“ отъ царя Агамемнона и имѣли своимъ рыцарскимъ девизомъ слѣдующую характеристику: laborant in castris, nam labor iste parit celebritatem“, что свидѣтельствуетъ о ихъ военномъ призваніи.

[2]) Дочь Степана Игнатьевича Анна была замужемъ за Николаемъ Петровичемъ Козляниновымъ.

нулъ предѣльный возрастъ поступленія: 14 лѣтъ. Тогда на семейномъ совѣтѣ въ Новгородѣ рѣшено было готовить его въ Московскій Университетъ и съ этой цѣлью отправить въ Москву къ другому брату Георгія Игнатьевича, Александру Игнатьевичу: у него-де много сыновей и погодковъ Андрею, такъ способнѣе учить мальчика совмѣстно съ сверстниками.

Александръ Игнатьевичъ женатъ былъ на Елисаветѣ Ивановнѣ, рожд. Трампедахъ и имѣлъ отъ нея пять сыновей (Александра, Юлія, Карла, Роберта и Владимира). Они жили въ Москвѣ близъ Пречистенки по Обуховскому переулку въ собственномъ домѣ*). Нужно отдать справедливость Александру Игнатьевичу и его почтенной супругѣ: они приняли сироту, какъ родного сына и воспитывали его наравнѣ съ собственными дѣтьми.

Александръ Игнатьевичъ и Елисавета Ивановна были люди въ высшей степени радушные и гостепріимные. Въ ихъ домѣ по Обуховскому переулку царило постоянно шумное оживленіе и веселье. Молодежи было много и почти все полѣтки: кромѣ вышеозначенныхъ пяти сыновей у Александра Игнатьевича и Елисаветы Ивановны было еще четыре дочери, все рослый, здоровый и красивый народъ. Къ столу ежедневно садилось 14—15 человѣкъ, такъ какъ, кромѣ своей семьи въ 11 человѣкъ, въ домѣ жилъ мой отецъ и часто гащивали знакомые и родственники. Въ числѣ послѣднихъ упомяну двоюроднаго племянника Елисаветы Ивановны, Эдуарда Ивановича Тотлебена, впослѣдствіи графа и героя Севастопольской обороны, а въ то время студента.

Патріархальный складъ жизни „стариковъ Малевскихъ“, какъ ихъ называли многочисленные друзья и знакомые въ Москвѣ, сохранился до послѣднихъ дней ихъ существованія. Я хорошо помню обоихъ. Александръ Игнатьевичъ былъ средняго роста, довольно полонъ и плечистъ; его гладко выбритое, съ крупными чертами свѣжее лицо свѣтилось привѣтливостью и добродушіемъ; надъ мягкими, нѣсколько отвислыми щеками смѣялись маленькіе, глубоко сидящіе глазки; на большой, круглой головѣ слегка вились густые, коротко остриженные, совершенно сѣдые волосы. Всѣ его движенія были плавны и безшумны, даже сапоги онъ носилъ изъ мягкой кожи. Я не видалъ его иначе какъ въ черномъ сюртукѣ и атласномъ жилетѣ, съ большимъ гербовымъ перстнемъ на лѣвой рукѣ. Ходилъ онъ, опираясь на трость съ прозрачнымъ янтарнымъ набалдашникомъ. Елисавета Ивановна была

*) Домъ этотъ съ дворовымъ мѣстомъ когда-то принадлежалъ дочери графа Дивіера, бывшаго полицеймейстеромъ при Петрѣ Великомъ.

въ другомъ родѣ: высокая и величественная, она сохранила до глубокой старости слѣды рѣдкой красоты. Я былъ еще ребенкомъ, когда праздновалось пятидесятилѣтіе свадьбы ея съ Александромъ Игнатьевичемъ. Какъ теперь вижу ее въ вольтеровскомъ креслѣ съ кружевнымъ чепцомъ, бѣлыми буклями на вискахъ и золотыми очками на улыбающемся, розовомъ, всегда одинаково-невозмутимомъ лицѣ. Она держалась прямо, говорила не спѣша, слегка пѣвучимъ голосомъ и давала привычнымъ жестомъ цѣловать свою бѣлую, пухлую ручку съ кольцами. „Старики Малевскіе“ жили душа въ душу, никогда не ссорились, обращались другъ къ другу на „вы“, называя по имени и отчеству, и оба дожили до глубокой старости. Александръ Игнатьевичъ умеръ лѣтъ 80-ти, Елисавета Ивановна пережила его на десять лѣтъ и скончалась въ 1872 году 79 лѣтъ, окруженная любовію и почтительнымъ уходомъ своихъ дѣтей. Впрочемъ при ней, въ Обуховскомъ переулкѣ, оставалось ко дню ея смерти только двое: сынъ Робертъ, холостякъ и нелюдимъ, и дочь Аристова, вдова съ единственнымъ сыномъ Александромъ. Прочія дѣти, кто былъ въ отъѣздѣ, кто жилъ уже своимъ хозяйствомъ.

У Александра Игнатьевича все состояніе заключалось въ недвижимомъ имуществѣ, но онъ умѣлъ устраивать свои дѣла такъ, что жилъ съ большой своей семьей безбѣдно, долговъ не дѣлалъ и всѣмъ своимъ дѣтямъ далъ приличное ихъ званію воспитаніе. Робертъ служилъ въ гусарахъ и вышелъ въ отставку полковникомъ, Юлій окончилъ съ отличіемъ естественный факультетъ Московскаго Университета и служилъ сперва въ Казенной Палатѣ въ Москвѣ, а потомъ управлялъ Отдѣленіемъ Государственнаго Банка въ Рязани; Владиміръ предался искусству и готовился въ Академію Художествъ; Карлъ жилъ музыкантомъ. Дочери учились или въ пансіонѣ, или въ институтѣ.

Въ этой большой и дружной семьѣ отцу жилось привольно. Онъ очень сблизился съ Юліемъ Александровичемъ, вмѣстѣ съ нимъ готовился къ экзаменамъ и, по своей воспріимчивости, всецѣло подпалъ подъ его вліяніе. Юлій былъ высокій, красивый малый, очень живой и общительный. Время свое дѣлилъ между ученьемъ и свѣтскими удовольствіями. Его очень любили въ семейныхъ домахъ, какъ веселаго, остроумнаго разскащика и ловкаго танцора, а между своими онъ являлся затѣйщикомъ всевозможныхъ игръ, празднествъ и домашнихъ спектаклей. Отецъ мой старался ему подражать, но у него не было ни смѣлости Юлія Александровича, ни его находчивости и изобрѣтательности въ забавахъ. Учились они также вмѣстѣ, съ усердіемъ; но Юлій успѣвалъ въ наукахъ болѣе, чѣмъ мой отецъ, котораго раньше

готовили въ корпусъ, а потому теперь приходилось подгонять его къ университетскому экзамену. Отцу не было еще и 17 лѣтъ, когда онъ предсталъ передъ синклитомъ профессоровъ въ экзаменаціонномъ залѣ Московскаго Университета. Отвѣчать ему пришлось въ присутствіи тогдашняго попечителя Учебнаго Округа извѣстнаго графа Строганова. По всѣмъ предметамъ онъ прошелъ успѣшно, кромѣ латыни. Строгій экзаменаторъ поставилъ ему неудовлетворительную отмѣтку. Сконфуженный и грустный вернулся онъ домой, когда вечеромъ, къ великому своему изумленію, получилъ записку отъ правителя канцеляріи попечителя, въ которой отецъ извѣщался, что графъ Строгановъ приглашаетъ его явиться къ нему на другой день, въ 10 часовъ утра. Съ трепетомъ вступилъ юноша въ пріемный кабинетъ сановника. Графъ принялъ его привѣтливо, ободрилъ, обласкалъ и самъ предложилъ ему переэкаменовку по Латинскому языку. Съ новыми силами принялся отецъ за ученье и черезъ три недѣли сдалъ на полную пятерку испытаніе по всѣмъ предметамъ для поступленія въ Медицинскую Академію. Здѣсь занятія его пошли успѣшно, и онъ переходилъ изъ курса въ курсъ не иначе, какъ съ похвальными отзывами и наградами.

Въ то время въ Московскомъ медицинскомъ мірѣ гремѣло два имени: Ѳ. И. Иноземцева и Г. И. Сокольскаго. Блестящія лекціи этихъ профессоровъ сразу увлекли молодаго студента. Онъ сдѣлался усерднымъ слушателемъ и почитателемъ обоихъ, особенно Иноземцева. Ѳедоръ Ивановичъ отмѣтилъ его старательность и привлекъ его къ себѣ. Отецъ сталъ посѣщать Иноземцева, въ числѣ другихъ молодыхъ врачей, въ его пріемные часы, и заниматься съ приходившими къ нему во множествѣ больными.

Сокольскій плѣнилъ отца моего не только своей извѣстной „фармакопеей“, но и оригинальностью мышленія и своеобразностью обращенія. Онъ не искалъ популярности у студентовъ, былъ требователенъ, рѣзокъ и безпощаденъ въ своей критикѣ, но невольно внушалъ къ себѣ уваженіе ученостью, остроуміемъ и блескомъ изложенія. Григорій Ивановичъ имѣлъ въ Москвѣ большую практику и вышелъ изъ моды только въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Онъ доживалъ свой вѣкъ, почти всѣми забытый, въ Москвѣ, въ Кривоникольскомъ переулкѣ, на Арбатѣ, въ собственномъ домѣ. Отецъ мой продолжалъ навѣщать его изрѣдка и разъ взялъ меня съ собой, когда я былъ уже студентомъ I-го курса Московскаго Университета. Мы позвонили у крыльца деревяннаго, двухэтажнаго домика и по скрипучей, крашеной лѣстницѣ поднялись во второй этажъ. Высокая, свѣтлая передняя была вся заставлена шка-

пами и книгами. Въ слѣдующей комнатѣ, просторной, съ окнами на двѣ стороны и почти безъ мебели, на серединѣ, въ кожаномъ креслѣ съ низкой спинкой сидѣлъ Сокольскій. На немъ были валеные сапоги, шуба и мѣховая шапка, хотя въ комнатѣ было хорошо натоплено. Передъ старикомъ стояло рядомъ два сдвинутыхъ стола, заваленныхъ книгами и бумагами. На краю столовъ, на подоконникахъ и на книгахъ тамъ и сямъ лежали кучки сигарнаго пепла. Сокольскій, когда мы вошли, читалъ, держа передъ собой лупу, какую-то пожелтѣвшую, мнѣ показалось, Латинскую рукопись. Онъ не всталъ намъ на встрѣчу, а только снялъ мѣховую шапку и вынулъ изо-рта окурокъ сигары. Меня поразило его лицо своимъ сходствомъ съ Вольтеромъ, какъ его изобразилъ Гудонъ въ знаменитой статуѣ, сидящимъ въ креслахъ. Худое, бритое, обтянутое кожей лицо, нависшія брови, проницательные, строгіе глаза, тонкія, насмѣшливыя губы. Сходство съ Вольтеромъ Гудона усиливалось тѣмъ, что сухая, маленькая голова Сокольскаго держалась на тонкой, старческой шеѣ, выходившей изъ открытаго воротa сорочки. Григорій Ивановичъ принялъ насъ со свойственной ему добродушной суровостью, пригласилъ сѣсть, меня потрепалъ двумя пальцами по плечу и сейчасъ-же заговорилъ съ отцомъ о войнѣ (это было въ 1876 году), какъ будто продолжая недавно прерванную бесѣду. Затѣмъ онъ сталъ распрашивать меня о моихъ университетскихъ занятіяхъ и очень похвалилъ, когда узналъ, что я пошелъ по юридической, а не по медицинской части. Говорилъ онъ громко, нѣсколько въ носъ, откинувшись на спинку кресла и устремивъ глаза на свою сигару, которую безпрестанно вертѣлъ между пальцами. Я впослѣдствіи навѣщалъ его еще нѣсколько разъ уже одинъ, и онъ, видимо, относился благосклонно къ моимъ посѣщеніямъ. Разговоры наши преимущественно касались философскихъ вопросовъ: Сокольскій былъ поклонникомъ Гегеля и Нѣмецкой школы, а я слушалъ въ университетѣ лекціи Психологіи молодого профессора Троицкаго, который черпалъ свою мудрость у Александра Бека. Чтобы поощрить мою склонность къ отвлеченному мышленію, Сокольскій подарилъ мнѣ Нѣмецкій переводъ извѣстнаго сочиненія Локка „О человѣческомъ разумѣ“. Сокольскій былъ большимъ любителемъ часоваго мастерства. Во всѣхъ комнатахъ его квартиры на столахъ и окнахъ стояли часовые механизмы въ болѣе или менѣе разобранномъ видѣ. Семья Григорія Ивановича помѣщалась внизу, и онъ самъ занималъ верхній этажъ и жилъ одинъ, Олимпійцемъ. Безъ его зова никто не смѣлъ подняться въ его покои, а самъ онъ спускался только изрѣдка. Врачебнымъ дѣломъ онъ, повидимому, уже мало интересовался въ послѣдніе годы своей жизни. По крайней мѣрѣ, при мнѣ никогда не говорилъ о медицинскихъ предметахъ. Разъ какъ-то, когда

мой отецъ жаловался ему на недомоганье и просилъ совѣта, онъ сказалъ только: „Надо побольше ѣсть солёнаго, икры или селёдки, да при ѣздѣ подкладывать подъ себя подушку; отъ тряски по мостовымъ большой вредъ для нервовъ“. На этомъ разговоръ и кончился.

Своеобразный, умный старикъ умеръ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ глубокой старости.

По окончаніи курса въ Московской Медицинской Академіи „cum exemia laude“ отецъ мой, по совѣту Иноземцева, занялся бальнеологіей и одно время былъ консультантомъ въ водолечебномъ заведеніи Крейзера, на Тверскомъ бульварѣ. Ставъ на свои ноги, онъ вскорѣ обзавелся собственной квартирой и, простившись съ гостепріимнымъ домомъ дяди, сталъ жить самостоятельно. Приблизительно къ этому времени относится его знакомство съ семьей моего дѣда А. И. Розова, а затѣмъ сватовство и женитьба. Молодые поселились сперва въ флигелькѣ, въ Скатертномъ переулкѣ, но вскорѣ поѣхали въ провинцію: отецъ получилъ мѣсто врача при Людиновскомъ, Сукременскомъ и Песоченскомъ заводахъ. г. Мальцева, въ Жиздринскомъ уѣздѣ Калужской губерніи.

Про жизнь свою на заводахъ мать пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу своему и мачихѣ, на Рождествѣ 1850 года: „Мы, благодаря Бога, живемъ мирно, и Андрей любитъ и балуетъ меня все попрежнему; онъ бѣдняжка, никакъ не можетъ привыкнуть къ деревенской жизни, ужасно скучаетъ и говоритъ: какъ вспомню о Москвѣ, такъ у меня сердце кровью обливается. У насъ рѣшительно нѣтъ никакихъ новостей, развѣ только-то, что 28 Ноября была такая ужасная вьюга, что въ одномъ нашемъ стану замерзло 130 человѣкъ; между прочими одна старушка, ѣхавшая домой съ трехлѣтней внучкой; дѣвочку бабушка засунула въ тулупъ и положила подъ кустъ, а сама отошла на нѣсколько сажень, чтобы высвободить изъ сугроба лошадь и сани, едва дошла и замерзла вмѣстѣ съ лошадью, а ребенка нашли послѣ шести сутокъ подъ снѣгомъ; его такъ занесло, что образовался пригорокъ, и конечно никто бы не замѣтилъ, что подъ снѣгомъ лежитъ живое существо, если бы тутъ не явилась неизвѣстно откуда собака, которая никого не подпускала къ кустамъ; это подало подозрѣніе, стали рыть и нашли живую дѣвочку очень истомленную шестисуточнымъ голодомъ. Она теперь у насъ въ больницѣ, потому что обѣ ноги отморожены и вся больна; однако мужъ надѣется, что она не только выздоровѣетъ, но даже будетъ ходить, потому что только половина ступней поражена Антоновымъ огнемъ. Вотъ какія у насъ бываютъ чудеса! Андрей во время этой вьюги тоже былъ въ дорогѣ, но ѣхалъ въ возкѣ и на лихой тройкѣ, а потому отъ мороза не страдалъ, только

очень было трудно выбраться изъ лѣсу: вѣтеръ положилъ огромнѣйшія деревья, которыя загородили всю дорогу, и нужно было прокладывать новую. Сестра Надя забыла прислать мнѣ книгъ и тоже не напомнила вамъ о воздухахъ, которыхъ я ждала съ большимъ нетерпѣніемъ и надѣялась приняться за нихъ, потому что у меня теперь нѣтъ никакой работы и книгъ тоже, а безъ занятій въ деревнѣ зимой страшная скука. О зелени не безпокойтесь: я давно уже кончила свой букетъ и сдѣлала зелень восковую, снимая воскъ съ натуральныхъ листовъ, для чего общипала всю оранжерею. Андрей не зналъ, что я дѣлаю ему букетъ, и очень имъ доволенъ".

За шесть лѣтъ пребыванія отца и матери въ Жиздринскомъ уѣздѣ у нихъ родилось трое дѣтей: Марія, Юлія и Евгенія. Молодая мать страстно привязалась къ старшей, Машенькѣ, которую сама выкормила. Машенька отвѣчала ей обожаніемъ и положительно не отходила отъ матери. Было что-то почти болѣзненное въ ихъ взаимной привязанности. Дѣвочка такъ всецѣло завладѣла матерью, что та не имѣла ни силъ, ни возможности кормить вторую дочь, названную Юліей въ честь Юліи Ѳедоровны Розовой. Къ ней была взята мамкой Анна Ивановна изъ села Песочнаго, куда отецъ переѣхалъ изъ Леонидова. Здѣсь же родилась третья ихъ дочь Евгенія.

Но не долго продолжалось семейное счастіе Андрея Егоровича и Екатерины Александровны. Разъѣзжая по обширной заводской территоріи, къ которой владѣлецъ С. И. Мальцевъ приписалъ нѣсколько тысячъ своихъ крестьянъ, отецъ завезъ къ себѣ въ домъ дифтеритную заразу. Сперва заболѣлъ онъ самъ и едва не сдѣлался жертвою ужасной болѣзни; потомъ, какъ только онъ сталъ поправляться, заболѣли двѣ старшія дѣвочки. Въ одну недѣлю обѣихъ не стало. Описать горе, отчаяніе матери не берусь; по словамъ Анны Ивановны (перешедшей отъ Юленьки къ новорожденной Евгеніи кормилицею) мать казалась нѣсколько дней послѣ смерти малютокъ какъ-бы не въ своемъ умѣ: ничего не ѣла, не спала ночей, часами сидѣла задумавшись на одномъ мѣстѣ.

Оставаться больше на Мальцевскихъ заводахъ, очевидно, было невозможно. На спѣхъ собрались мои родители изъ Песочнаго и съ новорожденной Еничкой пустились въ обратный путь, въ Москву*). Въ дорогѣ Анна Ивановна чуть не потеряла свою маленькую питомицу. Четырехнедѣльная Еничка скатилась съ колѣней уснувшей мамки на дно возка и такъ проѣхала до слѣдующей станціи.

*) Въ концѣ 1854 года.

Невесело было возвращеніе. Шесть счастливыхъ, спокойныхъ лѣтъ на заводахъ прошли, какъ одинъ день; наступила худая череда. Потеря двухъ старшихъ дочерей, послѣдствія собственной болѣзни, безутѣшное горе жены, утрата служебнаго положенія и связанная съ этимъ стѣсненность въ средствахъ, все это подѣйствовало угнетающимъ образомъ на отца. Къ счастію, въ Москвѣ его ждалъ теплый пріемъ подъ радушнымъ кровомъ Александра Ивановича и Юліи Ѳедоровны Розовыхъ. Дѣдушка сталъ пріискивать зятю новую службу въ Москвѣ и задумалъ упрочить состояніе своей старшей дочери покупкою ей дома. Случай къ тому скоро представился. Послѣ покойной бабушки Варвары Дмитріевны остался небольшой капиталъ; половину этихъ денегъ дѣдушка заплатилъ за домъ на Плющихѣ и записалъ его на имя своей дочери. Въ 1855 г. Плющиха считалась еще окраиною Москвы, и потому за такую, сравнительно небольшую сумму, дѣдъ мой пріобрѣсти участокъ земли, почти въ тысячу квадратныхъ сажень, на углу Плющихи и Благовѣщенскаго переулка. Угловой каменный домъ имѣлъ два этажа и три лавки; кромѣ того на Плющиху выходилъ двухъэтажный деревянный флигель на каменномъ фундаментѣ; два одноэтажныхъ каменныхъ флигеля стояли во дворѣ среди хозяйственныхъ построекъ разной величины; во дворѣ былъ разбитъ садъ, съ колодцемъ и голубятней; словомъ, владѣніе моей матери представляло собою цѣлую усадьбу. Правда, главный домъ былъ нѣсколько запущенъ и потребовалъ нѣкоторой отдѣлки, но въ общемъ покупка оказалась весьма удачною. Во второмъ этажѣ большого дома поселилась новая домовладѣлица съ мужемъ и маленькой дочерью.

Но матери моей жилось нелегко на новомъ мѣстѣ. Характеръ ея очень измѣнился послѣ смерти ея старшихъ дѣтей. Куда дѣвались ея прежняя веселость, неутомимость и хозяйственная заботливость! Она стала задумчива, равнодушна къ окружающему и сосредоточенна, часами молилась она у себя въ комнатѣ. Да и здоровье ея видимо пошатнулось отъ перенесенныхъ волненій. Мое рожденіе окончательно подорвало ея силы.

Осталось неизвѣстнымъ съ точностью, отъ какой болѣзни скончалась мать. Повидимому послѣ родовъ у ней открылся какой-то острый легочный недугъ. Профессоръ Сокольскій, котораго отецъ пригласилъ къ больной въ концѣ ея болѣзни, нашелъ у ней скоротечную чахотку и съ обычной своей рѣзкостью сказалъ отцу: „Что вы за мной посылаете? Посылайте за гробовщикомъ“.

Къ несчастію, моя мать, лежавшая въ сосѣдней комнатѣ, услышала, не смотря на лихорадочное состояніе, жестокій приговоръ вра-

чебной знаменитости. Съ ней сдѣлался сильнѣйшій истерическій припадокъ, а когда она успокоилась, то стали замѣчать по временамъ потемнѣніе ея разсудка. Она часто громко молилась, потребовала къ своей постели образъ Николая Чудотворца и лежала, держа зажженную восковую свѣчку въ рукѣ. Боялись въ тѣ минуты, когда отецъ или близкіе выходили изъ ея комнаты, что она подожжетъ себя, и брали у нея свѣчу изъ рукъ. Разъ отецъ входитъ къ ней и видитъ, что она поджигаетъ себѣ палецъ. „Если будешь отнимать у меня свѣчку, буду жечь пальцы для Николая Угодника“, сказала ему больная. Въ свѣтлыя минуты больная совершенно сознательно относилась къ своему положенію, спокойно говорила о своей близкой кончинѣ, требовала къ себѣ дѣтей и ласкала насъ, утѣшала мужа, а за день до смерти исповѣдалась и причастилась въ полной памяти и распорядилась мельчайшими подробностями своихъ похоронъ, велѣла даже достать изъ сундука свое бѣлое подвѣнечное платье, въ которомъ желала быть положенной во гробъ; прочія свои вещи еще при жизни раздарила прислугѣ. Трогательная и истинно-христіанская ея кончина послѣдовала 25 Іюня 1856 года.

Я считаю для себя горемъ, что, лишившись матери въ такомъ раннемъ возрастѣ, не могъ сохранить въ памяти черты ея лица, и по странной случайности послѣ нея не осталось ни одного портрета. Она вообще не любила позировать и, кажется, съ нея былъ сдѣланъ только одинъ дагеротипный снимокъ. Гдѣ онъ, мнѣ неизвѣстно.

По смерти матери, отецъ былъ нѣкоторое время неутѣшенъ. Только что упомянутая няня наша Анна Ивановна разсказывала, что онъ при постороннихъ бодрился, но, оставшись одинъ, давалъ волю своему горю. „Бывало начнетъ читать газету, всю бумагу слезами смочитъ, разсказывала она, или начнетъ кушать, а слезы въ тарелку такъ и капаютъ“.

Мы дѣти, т. е. сестра Евгенія и я, оставались въ домѣ отца на попеченіи Анны Ивановны недолго. Я сперва отправленъ былъ въ Обуховскій переулокъ къ дядѣ отца Александру Игнатьевичу, откуда меня увезла бабушка Юлія Ѳедоровна при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Недѣли черезъ двѣ по кончинѣ матери, бабушка Юлія Ѳедоровна поѣхала въ Обуховскій переулокъ, въ домъ стариковъ Малевскихъ, куда меня только что перевезли изъ дома отца. Мнѣ было тогда около шести мѣсяцевъ, и бабушка была очень озабочена пріисканіемъ для меня надежной кормилицы (восьмой по счету: первыя семь оказались неподходящими). Пріѣзжаетъ Юлія Ѳедоровна въ Обуховскій переулокъ навѣстить меня, а меня въ большомъ домѣ найти

не могутъ. Оказалось, что одна изъ двоюродныхъ сестеръ отца, Шестакова, которой я надоѣлъ своимъ крикомъ, заперла меня въ бѣльевой шкапъ. Тамъ я чуть не задохнулся и если бы не пріѣздъ бабушки, то вѣроятно не остался бы въ живыхъ: изъ шкапа меня вынули посинѣвшаго и почти безъ дыханія. Юлія Ѳедоровна пришла въ негодованіе и тутъ же увезла меня въ своей каретѣ въ Скатертный переулокъ. По настоятельной просьбѣ бабушки отецъ перевезъ вскорѣ къ ней и сестру мою Евгенію, которой тогда только что минуло два года.

Про это первое наше пребываніе въ старомъ бабушкиномъ домѣ я, разумѣется, ничего не помню. Знаю только, по разсказамъ, что мы были окружены заботливымъ уходомъ обѣихъ бабокъ: Даріи Карловны и Юліи Ѳедоровны, дѣда Александра Ивановича и тетки Надежды Александровны. Семья моей покойной матери видѣла свое единственное утѣшеніе въ томъ, что осиротѣвшія малютки дорогой усопшей оставлены были на ихъ попеченіе. Но радость эта продолжалось недолго. Черезъ два года отецъ насъ взялъ обратно отъ бабушки при совершенно измѣнившихся условіяхъ своего личнаго существованія. Разскажу все по порядку.

Выше я упомянулъ, что отецъ съ юныхъ лѣтъ находился подъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата, умнаго, живаго, дѣятельнаго Юлія Александровича. Во время предсмертной болѣзни моей матери Юлій Александровичъ часто навѣщалъ отца. Онъ къ этому времени былъ уже женатъ на красивой, кокетливой Раисѣ Николаевнѣ и имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей (сына и дочь). Когда на выздоровленіе матери моей не оставалось болѣе надежды, онъ уговорилъ ее подписать завѣщаніе въ пользу мужа. Отцу моему, когда скончалась мать, было всего 36 лѣтъ отъ роду; онъ былъ не дуренъ собой, имѣлъ солидное служебное положеніе, а теперь, кромѣ того, сдѣлался домовладѣльцемъ. Онъ сталъ въ Москвѣ завиднымъ женихомъ, и не прошло года послѣ смерти первой жены, какъ ему стали сватать невѣстъ. Конечно въ началѣ онъ и слышать не хотѣлъ о новомъ бракѣ, но природная склонность къ семейной жизни, тяжесть одиночества и уговоры друзей взяли верхъ.

Одна изъ двоюродныхъ сестеръ отца была замужемъ въ Москвѣ за Шестаковымъ. Братъ Шестакова, Иванъ Николаевичъ, впослѣдствіи членъ Московской Судебной Палаты, женатъ былъ на дочери Каширскаго помѣщика В. В. Алексѣева. Черезъ Шестаковыхъ, породнившихся такимъ образомъ съ семьей Малевскихъ изъ Обуховскаго переулка, отецъ сталъ вхожъ въ домъ Алексѣевыхъ. Младшая Алексѣева, Екатерина Васильевна, была объявлена невѣстой отца. Наша няня Анна Ивановна любила разсказывать, какъ долго колебался отецъ

прежде, чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ. Онъ ѣздилъ часто на могилу покойной жены; будто-бы даже, передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ домъ Алексѣевыхъ, чтобы сдѣлать предложеніе, со слезами молился передъ иконами покойной жены.

Свадьба должна была состояться весной 1859 года въ имѣніи Алексѣевыхъ Колтово, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи.

Я не знаю, по какимъ соображеніямъ отецъ настоялъ на томъ, чтобы мы, дѣти, были отпущены бабушкой на его свадьбу; но помню себя въ Колтовѣ среди многочисленнаго общества, на высокомъ каменномъ балконѣ съ колоннами; вижу и дорогу между зеленѣющими кустами, ведущую въ церковь, гдѣ вѣнчался отецъ. Изъ окна второго этажа мы съ сестрой смотрѣли, какъ по этой дорогѣ изъ церкви возвращались парами мужчины въ черныхъ фракахъ и женщины въ свѣтлыхъ платьяхъ. Помню, что няня Анна Ивановна, стоявшая за нами и также смотрѣвшая въ окно, утирала слезы.

Прогостивъ нѣсколько дней въ Колтовѣ, мы возвратились къ бабушкѣ въ Скатертный переулокъ, гдѣ оставались до начала зимы 1860 года.

Молодые поселились на Плющихѣ; но скромныя условія жизни въ Москвѣ, повидимому, ихъ не удовлетворяли. Отецъ искалъ бо́льшаго заработка, между тѣмъ практика давала ему немного, а у Екатерины Васильевны своего состоянія не было.

Посѣщая водолѣчебное заведеніе Крейзера, гдѣ отецъ прежде былъ консультантомъ, онъ познакомился съ Харьковскимъ помѣщикомъ Евреиновымъ, который много живалъ за границей на разныхъ „тепыхъ водахъ“ и задумалъ устроить курортъ въ мѣстечкѣ Кочеткѣ, на берегу Донца, въ Чугуевскомъ уѣздѣ, гдѣ издавна пользовался извѣстностью цѣлебный ключъ и было когда-то построено купальное зданіе. Заарендовавъ это заброшенное лечебное заведеніе, Евреиновъ употребилъ на это большія деньги и искалъ опытнаго врача, который могъ бы вести медицинскую часть предпріятія. Онъ предложилъ отцу взять на себя эти обязанности, и отецъ, давно мечтавшій о самостоятельномъ дѣлѣ, охотно согласился ѣхать въ Кочетокъ.

Рѣшившись оставить Москву, отецъ счелъ нужнымъ взять насъ, дѣтей, съ собой; онъ уѣзжалъ на долгое время, можетъ быть, на нѣсколько лѣтъ изъ Москвы, и боялся, что мы, по малолѣтству, совсѣмъ его забудемъ и что всякая связь между имъ и нами утратится.

Рѣшеніе это было жестокимъ ударомъ для „стараго дома“. Бабушка Юлія Ѳедоровна и дѣдъ Александръ Ивановичъ не хотѣли допускать

и мысли, что они лишаются единственнаго своего утѣшенія, что послѣдняя радость ихъ преклонныхъ лѣтъ отъ нихъ отымается. Старая бабушка Дарья Карловна даже отъ огорченія слегла въ постель. Но отецъ былъ непреклоненъ, и день отъѣзда насталъ....

Смутно помню ранніе зимніе сумерки; въ сѣняхъ и на крыльцѣ бабушкинаго дома столпилась прислуга; выносятъ узлы, подушки; въ домѣ уже зажжены огни; насъ ведутъ укутанными и сажаютъ въ возокъ, слышны всхлипыванья и громкій плачъ; на верху лѣстницы блѣдное лицо дѣда, освѣщенное свѣчкою, которую онъ держитъ въ рукѣ; кто-то насъ креститъ и порывисто цѣлуетъ, дверцы возка захлопываются....

Дорога до Харькова не осталась въ моей памяти; припоминается только, какъ во снѣ, остановка гдѣ-то на ночлегъ и спанье на полу на матрацѣ, да синія усѣянныя звѣздами главы церквей, мимо которыхъ мы проѣзжали. Затѣмъ дѣтскія воспоминанія переносятъ меня въ Харьковъ и Кочетокъ.

Дача, которую мы занимали въ Кочеткѣ, выходила крыльцомъ на улицу и съ трехъ сторонъ была окружена густымъ, тѣнистымъ садомъ. Возлѣ отдѣльно поставленной кухни, выходившей также въ садъ, росла огромная груша, которая къ концу лѣта покрывалась множествомъ плодовъ. За кухней былъ огородъ съ подсолнухами, кукурузой и калуферомъ; мы обыкновенно играли подъ высокой грушей, недалеко отъ кухни, откуда няня Анна Ивановна, черезъ окно, угощала насъ, вмѣсто завтрака, теплыми блинчиками съ сахаромъ. Противъ нашей дачи, на другой сторонѣ улицы, былъ домъ Евреинова, также съ садомъ и обширнымъ дворомъ. Въ саду стояли качели; и я часто одинъ перебѣгалъ улицу, чтобы покачаться на качеляхъ съ своей маленькой пріятельницей, дочерью Евреинова Наденькой. Бывало, Анна Ивановна хватится меня и спѣшитъ въ Евреиновскій садъ меня розыскивать, беретъ за руку и бѣжитъ со мной назадъ, подъ грушу. Вообще, если мы въ то время уцѣлѣли, то главнымъ образомъ благодаря заботливости нашей няни: отецъ съ утра уходилъ въ лечебное заведеніе, а мачиху мы видали рѣдко. Вскорѣ Екатерина Васильевна и вовсе уѣхала изъ Кочетка къ матери своей въ деревню, въ ожиданіи рожденія ребенка, а мы остались всецѣло на попеченіи Анны Ивановны, которая исполняла въ домѣ обязанности не только няни, но также ключницы. Съ Анной Ивановной ходили мы и на прогулку къ берегу Донца, густо заросшаго высокимъ тростникомъ, или къ цѣлебному источнику, гдѣ было купальное заведеніе, въ концѣ длинной живописной дороги, обсаженной по обѣимъ сторонамъ липами.

На зиму переѣхали мы въ Харьковъ. Отецъ тамъ былъ свободнѣе и могъ немного заниматься нами. Послѣ обѣда онъ забавлялъ насъ буквами, вырѣзанными изъ газетъ и наклеенными на картонъ. Составляя изъ буквъ слова, онъ быстро научилъ сестру и меня грамотѣ: мы въ нѣсколько дней усвоили склады. Въ Харьковѣ же взята была къ намъ бонна-Нѣмка, которая на слѣдующее лѣто поѣхала съ нами въ Кочетокъ. Со свойственной дѣтямъ легкостью мы къ осени уже могли довольно порядочно болтать понѣмецки. Но главный надзоръ за нами все-таки лежалъ на Аннѣ Ивановнѣ. Мачиха вернулась изъ Колтова съ новорожденнымъ сыномъ и всецѣло была поглощена заботами о немъ.

Такъ прошло около двухъ лѣтъ. Въ Харьковѣ отецъ сошелся съ кружкомъ медиковъ и профессоровъ мѣстнаго университета, и его стали уговаривать устроить въ городѣ собственное водолечебное заведеніе. Лица, причастныя къ городскому управленію, предлагали ему даже выхлопотать поддержку отъ города, въ видѣ дароваго помѣщенія для лечебницы.

Отцу мысль эта очень понравилась и чтобы, усовершенствоваться въ избранной имъ спеціальности и подготовиться къ устройству водолечебницы на новыхъ научныхъ началахъ, онъ задумалъ ѣхать за границу. Такъ какъ онъ предполагалъ пробыть съ этой цѣлью около года въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ и, главное, у знаменитаго Присница въ Грефенбергѣ (въ Австрійской Силезіи), то съ Кочеткомъ пришлось разстаться. Екатерина Васильевна съ сыномъ возвратилась къ матери въ деревню, а насъ рѣшено было послать назадъ къ дѣду и къ бабушкѣ. Юлія Ѳедоровна, и Александръ Ивановичъ, конечно, съ радостью согласились взять насъ опять на свое попеченіе.

Ранней весной 1862 г., въ сѣрое, пасмурное утро нашъ возокъ, въ которомъ сидѣлъ отецъ въ большой енотовой шубѣ, няня Анна Ивановна и я съ сестрой, въ мѣховыхъ шапкахъ съ наушниками и теплыхъ рукавичкахъ, остановился въ Скатертномъ переулкѣ, у воротъ стараго бабушкинаго дома. Черезъ минуту мы были уже въ объятіяхъ обѣихъ бабушекъ, старой и молодой, дѣда и тетки Надежды Александровны.

Село Лукьяново.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. А. МАЛЕВИЧА-МАЛЕВСКАГО [1])

Глава III-я.

(Дѣтство).

Я родился 8 Декабря 1855 года слабымъ, тщедушнымъ, такъ что въ первые мѣсяцы моей жизни не чаяли, что останусь я живъ. Заботливый уходъ въ бабушкиномъ домѣ послужилъ мнѣ въ пользу. Съ того дня, какъ меня перевезли въ Скатертный переулокъ, здоровье мое стало поправляться и хотя ребенкомъ я не отличался крѣпкимъ сложеніемъ, но никакихъ недуговъ, благодаря Бога, во мнѣ не оказалось.

По возвращеніи изъ Кочетка [2]), меня и сестру помѣстили въ бабушкиномъ домѣ [3]) наверху. Я спалъ въ комнатѣ старой бабушки Дарьи Карловны, а сестра въ „туалетной“ молодой бабушки Юліи Ѳедоровны, рядомъ съ комнатой тетки Надежды Александровны. Такимъ образомъ случилось, что я попалъ подъ особое покровительство старой бабушки, а сестра Еничка подъ вліяніе тетушки. Между ними, конечно, вскорѣ возникло нѣкоторое изъ-за насъ ревнованіе, и такъ какъ старые люди вообще склонны баловать дѣтей, а я къ тому же былъ младшій, то мнѣ перепадало больше всякихъ сластей, чѣмъ сестрѣ. Старушка

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1908 г. выпускъ 5-й.

[2]) См. „Русскій Архивъ“ 1909 г. выпускъ 5-й.

[3]) Домъ этотъ въ Скатертномъ переулкѣ (между Большой Никитской и Поварской улицами) нынѣ принадлежитъ Евгеніи Андреевнѣ Лукиной, рожденной Малевичъ-Малевской, вдовѣ извѣстнаго даровитаго писателя („Скромнаго Наблюдателя“). Она унаслѣдовала это довольно просторное владѣніе, выходящее и въ Хлѣбный переулокъ, послѣ дѣда своего, по матери Александра Ивановича Розова, который вторымъ бракомъ (имѣя малолѣтнихъ сына и двухъ дочерей) женился на Юліи Ѳедоровнѣ Кунишъ. Мать сей послѣдней, Дарья Карловна, вдова Кунишъ, сдѣлалась воспитательницей ея пасынка, Николая Андреевича Малевича-Малевскаго, нынѣ нашего посланника въ Японіи, оказывающаго „Русскому Архиву“ честь сообщеніемъ своихъ раннихъ воспоминаній. П. Б.

прибѣгала для этого къ хитростямъ, напр., когда ея дочь Юлія Ѳедоровна*) одѣляла насъ пастилой, мятными пряниками или Французскимъ черносливомъ, она выпрашивала и себѣ что нибудь и потомъ тихонько передавала мнѣ, запрещая говорить объ этомъ теткѣ; или заманивала меня въ укромный уголокъ и угощала ломтиками бѣлаго хлѣба съ густымъ слоемъ варенья.

Съ бабушкиной комнатой связаны у меня самыя прекрасныя воспоминанія дѣтства. Бавало, рано утромъ, всѣ въ домѣ еще спятъ, а я уже сижу съ бабушкой Дарьей Карловной у окна ея комнаты и наблюдаю съ нею за тѣмъ, что̀ дѣлается внизу, во дворѣ. Вотъ приземистый, сѣдобородый кучеръ Осипъ Филипповъ отворяетъ ворота каретнаго сарая и несетъ, засуча рукава на жилистыхъ, волосатыхъ рукахъ, вёдра съ водой въ конюшню поить лошадей; старая собака Бѣлка вылѣзла изъ конуры и, радостно виляя хвостомъ, вертится около его ногъ; вотъ кухарка Арина Анисимовна вышла изъ кухни съ самоваромъ и вытряхиваетъ изъ него вчерашніе холодные уголья, куры бѣгутъ къ ней черезъ дворъ, сопровождаемыя важнымъ, золотистымъ пѣтухомъ. Филиппычъ выводитъ лошадь и закладываетъ ее въ бочку, что̀ стоитъ во дворѣ на дрогахъ, рядомъ съ дровами, сложенными подъ навѣсомъ; потомъ съ шумомъ выѣзжаетъ со двора за водой на Арбатскую площадь, къ фонтану. Вотъ горничная молодой бабушки Юліи Ѳедоровны, Софья Михайловна, идетъ къ флигелю и по открытой, деревянной лѣстницѣ съ перилами взбирается на чердакъ, гдѣ стоитъ катокъ и просушивается бѣлье. Ее останавливаетъ живущая во флигелькѣ вдова причетника Анна Богдановна и занимаетъ разговоромъ. Наконецъ, Софья Михаиловна скрывается на чердакъ и черезъ нѣсколько минутъ возвращается оттуда съ ворохомъ бѣлья на рукахъ. Она несетъ его въ садъ, гдѣ развѣшиваетъ на веревкахъ, протянутыхъ вдоль задней дорожки. Послѣ завтрака на прогулкѣ мы будемъ издали смотрѣть, какъ вѣтеръ треплетъ полотенца и парусомъ раздуваетъ сырыя простыни.

Въ 9 часовъ старая бабушка спускалась со мной внизъ, въ диванную, гдѣ разливала чай, при чемъ украдкою прибавляла мнѣ лишній кусокъ сахару въ чашку. Сестра приходила туда-же съ няней или молодой бабушкой Юліей Ѳедоровной, а нѣсколько позже являлся и дѣдъ свѣже-выбритый и по обыкновенію шутливый, въ своемъ сѣромъ халатѣ съ свѣтлымъ фуляромъ на шеѣ. Тетка Надежда Александровна вставала поздно, часовъ въ 12, и пила кофе у себя въ комнатѣ.

*) Наша мачиха.

Послѣ чая мы съ сестрой шли играть въ залу, гдѣ проводили большую часть дня. Комната эта, самая просторная въ домѣ, замѣняла намъ дѣтскую. Особенно весело тамъ было въ ясную погоду: солнечные лучи проникали черезъ листву растеній на окнахъ и свѣтлыми пятнами падали на гладко-натертый полъ; золоченныя рамки картинъ горѣли на стѣнахъ; синеватыя полосы пылинокъ кружились въ воздухѣ; пахло воскомъ отъ паркета и сыроватой землею отъ горшковъ съ растеніями; въ окна глядѣли сосѣдніе, такіе-же какъ нашъ, особнячки Скатернаго переулка. Мы радовались солнцу и играли вдвоемъ съ сестрой въ лошадки, въ солдаты и въ куклы, прислушиваясь къ уличному движенію.

Въ Московскихъ закоулкахъ весной неумолчно поютъ пѣтухи, гудятъ разбитыя шарманки, перекликаются разнощики ягодъ, овощей и фруктовъ; тряпичники уныло причитываютъ: „стараго старья, сапоговъ, стараго платья продавать“; продавцы половиковъ протяжно повторяютъ: „ковры половые“. Мы ловимъ эти разнообразные звуки и сами начинаемъ играть въ разнощиковъ, громко выкрикивая: „пельцыны, алимоны, крупна спаржа“ и т. п. Старая бабушка, которая осталась въ диванной, заглянетъ иногда къ намъ и вмѣшается въ нашу игру, расплачиваясь горсточкой сладкаго изюма за купленные у насъ товары.

Такъ идетъ время до завтрака. Потомъ няня Ольга Матвѣевна ведетъ насъ гулять: зимой—въ шубахъ, барашковыхъ шапочкахъ съ наушниками и въ мѣховыхъ рукавичкахъ, въ переулокъ, а лѣтомъ—въ садъ, гдѣ мы оставались до обѣда подъ присмотромъ старой бабушки, которая наблюдала за нами, сидя у открытаго окна въ диванной (на воздухъ выходила она рѣдко). Въ саду я очень любилъ копаться въ рыхлой душистой землѣ, подъ кустами сирени, и вырывать бѣлые корешки побѣговъ. Разломанные на ровные кусочки, корешки эти въ нашихъ играхъ изображали спаржу.

Почти каждый день весной въ хорошую погоду приходила въ садъ играть съ нами прелестная, бѣлокурая дѣвочка, Кикина Долгорукая, дочь нашихъ жильцовъ. У бабушки было два дома—одинъ въ Скатертномъ переулкѣ, гдѣ мы жили, а другой въ Хлѣбномъ, который отдавался въ наймы. Домъ въ Хлѣбномъ переулкѣ, также особнякъ съ мезониномъ, занятъ былъ въ то время сенаторомъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Долгорукимъ и его семьей состоявшей изъ жены Софіи Никаноровны и двухъ дочерей—Наталіи и Екатерины. Княжна Наталія была уже взрослой дѣвицей, а младшая Кикина была нашихъ

лѣтъ. Ее всегда сопровождала старая нянька, необыкновенно толстая и нетерпѣливая, наводившая на меня страхъ. Нянька часто громко журила Кикину за выпачканное платье или спутанные волосы. Кикина выслушивала старуху съ надменностью, и это мнѣ почему-то очень нравилось въ моей маленькой пріятельницѣ. Вообще я восхищался ей и охотно исполнялъ всѣ ея капризы въ нашихъ играхъ я обыкновенно изображалъ повара или лакея, а она барыню. Поваръ напивался, лакей грубилъ, а барыня дѣлала имъ выговоры, потомъ прощала ихъ повинности и допускала „къ ручкѣ“. Игру эту мы варьировали до безконечности разными подробностями. Какъ теперь вижу передъ собой маленькую Кикину: ея круглое, съ большими темными глазами личико, ея длинные свѣтлые, какъ лёнъ, локоны, ея бѣлое пикейное платьице до колѣнъ. Иногда вслѣдъ за Кикиной приходилъ въ садъ ея отецъ и угощалъ насъ леденцами „монпасье“. Онъ былъ невысокаго роста, худощавъ и уже очень немолодъ, но отличался большой живостью и смѣшилъ насъ своими гримасами и шутками. Князь Д. И. Долгорукій въ 50-ыхъ годахъ ѣздилъ посланникомъ въ Персію, а затѣмъ, назначенный сенаторомъ Московскихъ департаментовъ, доживалъ свой вѣкъ въ Москвѣ. Жена его, княгиня Софья Никаноровна, рожденная Хитрова, впослѣдствіи, овдовѣвъ, завѣдывала однимъ изъ Московскихъ институтовъ. Она иногда навѣщала бабушку Юлію Ѳедоровну. Мнѣ помнится, какъ разъ она пѣла у насъ вечеромъ дуэтъ съ своимъ мужемъ: „мы двѣ Цыганки чернобровыя“, при чемъ князь дѣлалъ уморительныя гримасы. Всѣ присутствующіе смѣялись, до того комично сѣдовласый сенаторъ изображалъ чернобровую Цыганку, у которой въ крови „огонь запылалъ“.

Къ сожалѣнію, Долгорукіе не долго оставались въ нашемъ домѣ. Съ переѣздомъ ихъ на другую квартиру кончились игры съ Кикиной въ саду. Много лѣтъ спустя, когда я былъ уже студентомъ, увидѣлъ я въ нашей пріходской церкви Ржевской Божіей Матери, на Поварской княгиню Софью Никаноровну съ высокой изящной дѣвушкой, въ которой я сейчасъ узналъ Кикину, но подойти къ ней не посмѣлъ...

Послѣ обѣда мы иногда шли съ „молодой бабушкой“ въ залу. Тамъ въ длинныя, зимнія сумерки Юлія Ѳедоровна любила „музицировать“ и садилась за рояль. Бабушка играла по слуху отрывки изъ „Аскольдовой могилы“ или „Роберта Діавола“ и пѣла намъ старинные романы, въ родѣ: „Какъ хорошъ неправда-ль, мама, постоялецъ нашъ румяный! Боже мой, Боже мой, еслъ-бъ онъ теперь былъ мой!“ или: „А кукушка, куковала, сидя на своемъ суку: а куку, а ку-ку, а куку, куку, куку“. Мы съ сестрой садились на скамеечку бабушкиныхъ

ногъ и слушали ее съ восхищеніемъ. А въ залѣ было таинственно и жутко: въ послѣобеденные часы олеиновую лампу не зажигали, и комната освѣщалась узенькими полосками свѣта отъ уличнаго фонаря, мерцавшаго сквозь щели закрытыхъ ставень. Но вотъ бабушка начинала играть вальсъ изъ „Волшебнаго Стрѣлка“ или шумный „Гросфатеръ“, и мы пускались въ плясъ или мѣрно ходили съ сестрой подъ музыку, то держась за руки, то встрѣчаясь и размѣниваясь поклонами и присяданіями.

Мы любили также забираться передъ вечернимъ чаемъ въ комнату старой бабушки и залѣзать на маленькій диванчикъ у печки, гдѣ Дарья Карловна сиживала въ сумерки, отдыхая отъ дневныхъ хозяйственныхъ заботъ. Мы запрятывались за ея спину, и тутъ намъ открывался волшебный міръ сказочныхъ видѣній. „Бабушка, разскажи намъ что нибудь“, просили мы, и бабушка начинала разсказывать по-нѣмецки о злыхъ вѣдьмахъ, таскающихъ дѣтей, о зачарованныхъ принцессахъ, спящихъ въ лѣсу, о разбойникахъ, поджидающихъ въ волчьихъ ямахъ запоздалаго путника. Бабушка каждый день говорила новую сказку, и каждая сказка была полна неожиданныхъ приключеній и ужасовъ, но всегда кончалось хорошо: украденныхъ дѣтей возвращала домой бѣлая птица, спящую красавицу будилъ безстрашный витязь, ограбленнаго путника выручалъ проѣзжій богатырь. Намъ весело и жутко, мы жмемся къ бабушкѣ и посматриваемъ изъ-за ея спины на луну, которая свѣтится въ незавѣшанномъ окнѣ.

Der Mond der scheint so hell,
Die Foten reiten schnell говорила бабушка, изъ Леноры-Бюргера.

Около 9 часовъ вечера насъ укладывали спать. Такъ какъ я спалъ въ комнатѣ старой бабушки на диванчикѣ, то она заботилась, чтобы мнѣ было мягко и тепло: подстилала подъ мою простыню свою пуховую перинку и покрывала меня сверхъ одѣяла ватнымъ халатикомъ: въ зимнее время еще клала мнѣ на ноги вышитую шерстями подушку. А чтобы я скорѣе заснулъ, садилась рядомъ со мной въ кресло и, положивъ на меня свою руку, напѣвала вполголоса Нѣмецкія колыбельныя пѣсенки. Привожу тѣ, которыя остались у меня въ памяти:

Schlaf, mein Kindchen, schlaf.
Da draussen steht ein Schaf,
Das hat vier weisse Füsse,
Das giebt dir Milch so süsse.

Schlaf, mein Kindchen, schlafe,
Da draussen stehen zwei Schafe,
Ein schwarzes und ein weisses,
Die wollen mein Kindchen beissen.

Schlaf, mein Kindchen, feste,
Da draussen stehen die Gäste;
Die Gäste die da kommen herein,
Sollen lauter Tanten und Mumen sein.

„Suse, liebe Suse, was ritschelt im Stroh?“
„Das sind die lieben Gänse, die haben keine Schuh,
Der Schuster hat Leisten, kein Leder dazu.“
„Suse, liebe Suse,.....

Конецъ этой пѣсни не помню, такъ какъ обыкновенно на ней засыпалъ.

Дарья Карловна была съ нами чрезвычайно добра и терпѣлива: никогда не дѣлала намъ замѣчаній и не возвышала на насъ голоса. Ея полное, изрѣзанное тонкими морщинками, свѣтлое лицо, дышало лаской и участіемъ. На насъ она смотрѣла, какъ на сиротинокъ—дѣтей ея любимой, такъ рано умершей внучки Катеньки; вся теплота ея сердца отдавалась намъ. Накормили-ли дѣтей? одѣли-ли ихъ какъ надо? не обижаетъ-ли кто? этими вопросами она постоянно тревожилась, и Боже сохрани, затронутъ насъ при ней: всегда кроткая и спокойная бабушка дѣлалась сейчасъ-же рѣзкой и повелительной. Всѣ наши дѣтскія вины вольныя и невольныя брала она на себя. „Кто пролилъ молоко на скатерть, кто разбилъ стаканъ?“ „Это я“ рѣшительно и поспѣшно отвѣчала старуха, не давая намъ времени ротъ открыть въ свое оправданіе. Насъ вообще никогда никто не наказывалъ; но и малѣйшая попытка сдѣлать намъ въ присутствіи старой бабушки, выговоръ вызывала съ ея стороны гнѣвный отпоръ. Я былъ постояннымъ спутникомъ ея по дому и часами не отходилъ отъ нея, стараясь помогать ей; часто носилъ за ней, изъ комнаты въ комнату, ея табакерку, палку или очки; съ радостью исполнялъ ея маленькія порученія: принести забытый на верху носовой платокъ или ключи, позвать прислугу и т. п.

Дарья Карловна прожила въ Россіи болѣе пятидесяти лѣтъ, но Русскому языку совершенно не научилась. Это давало поводъ къ разнымъ забавнымъ недоразумѣніемъ съ прислугой. Напр. вмѣсто „принесите мой чепецъ“, она говорила горничной: „принесить мой лепешка;“ когда нужно было скосить траву въ саду, приказывала кучеру Осипу Филиппычу „трафай трубитенъ на садъ“, а онъ понималъ, что ему велятъ дрова рубить въ саду. На какой нибудь спѣшный, хозяйственный запросъ со стороны кухарки Арины Анисимовны отвѣчала ей, махнувъ рукой: „Маменька (такъ называлъ свою тещу дѣдушка) Александръ, Нѣмецъ, нихтъ-чего-понимай!“

Старушка скончалась въ глубокой старости 89 лѣтъ, послѣ краткой болѣзни, которая продолжалась дня два (10 Мая 1867 года). Утромъ, вытирая шею и грудь холодней водой, что̀ бабушка дѣлала ежедневно, она почувствовала себя дурно. Послали за докторомъ, который не нашелъ въ ней никакой болѣзни и недомоганіе объяснилъ старческой дряхлостью. Но бабушка съ каждымъ часомъ слабѣла и наконецъ впала въ глубокій сонъ, отъ котораго уже не очнулась. Мы похоронили ее рядомъ съ покойнымъ ея мужемъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Кунишемъ, на Введенскихъ горахъ въ Москвѣ [1]).

За послѣдніе мѣсяцы своей жизни, она, по слабости ногъ, уже не спускалась внизъ и не занималась хозяйствомъ, а больше сидѣла въ своей комнатѣ на диванчикѣ, около печки и смотрѣла молча передъ собой. „Бабушка приставали мы къ ней, о чемъ ты думаешь, когда сидишь такъ цѣлый день одна?“ „О васъ, дѣтки, отвѣчала бабушка, ласково притягивая насъ къ себѣ, обо всѣхъ думаю и молюсь“.

Въ годъ кончины Дарьи Карловны у насъ всю зиму прогостили двѣ ея пріятельницы Анна Яков. Гольмъ и Августа Карл. Донплеръ, обыкновенно жившія въ Петербургѣ. Обѣ эти добрыя старушки много занимались нами и забавляли насъ разсказами, пѣніемъ и разными играми. Анна Яков. Гольмъ даже сама увлекалась такими дѣтскими забавами; напримѣръ, была игра, въ которой я изображалъ фельдмаршала Суворова, а она Императрицу Екатерину. Я являлся къ своей повелительницѣ по утрамъ съ докладомъ, въ полной парадной формѣ, при шпагѣ, орденахъ и въ треугольной шляпѣ, изъ газетной бумаги. Анна Яковлевна принимала меня съ подобающимъ величіемъ, выслушивала реляціи одержанныхъ мною побѣдъ и въ награду давала цѣловать свою руку, что я исполнялъ, преклонивъ колѣно. Своимъ высокимъ ростомъ, крупными, выразительными чертами лица и сѣдыми пышными волосами Анна Яковлевна вполнѣ отвѣчала „an physique de l'emploi“ [2]) и такъ входила въ свою роль, что требовала и отъ другихъ такихъ же знаковъ высокопочитанія, которые я ей оказывалъ. Она была вдовой полковника и любила разсказывать, какъ въ молодости на полковыхъ праздникахъ танцовала съ Великими Князьями и даже Государемъ Николаемъ Павловичемъ. На старости лѣтъ она жила скромной пенсіей послѣ мужа и часто утруждала Коммиссію Прошеній

[1]) На поставленномъ Дарьѣ Карловнѣ памятникѣ на Лютеранскомъ кладбищѣ, по желанію ея дочери Юліи Ѳедоровны, вырѣзаны слѣдующія слова: „Schlafe sanft, liebe Mutter!“

[2]) Ея природа соотвѣтствовала ея положенію.

ходатайствами о пособіяхъ. Просьбы на Высочайшее имя писалъ обыкновенно я подъ ея диктовку, выводя своимъ дѣтскимъ почеркомъ витьеватыя выраженія, въ родѣ: „припадая къ стопамъ Вашего Величества и лобызая ступени трона“. Не смотря на плохое знаніе Русскаго языка, Анна Яковлевна очень искусно сочиняла подобныя просьбы, нерѣдко имѣвшія успѣхъ.

Другая пріятельница бабушки А. К. Допплеръ была живая, бойкая старушка съ сѣдыми „тирбишонами“ кругомъ головы, подъ затѣйливымъ чепцомъ съ лентами. Она болтала безъ умолку, постоянно шила себѣ наряды и громко смѣялась, заражая всѣхъ своею веселостью. Она скончалась въ глубокой старости въ 1882 г.

Дочь „старой бабушки“ Дарьи Карловны—„молодая бабушка“ Юлія Ѳедоровна, жена Александра Ивановича Розова и мачиха моей матери Екатерины Александровны, была женщина весьма замѣчательная. Когда отецъ привезъ насъ изъ Кочетка обратно въ Москву, въ старый домъ по Скатертному переулку, бабушкѣ Юліи Ѳедоровнѣ было около 50 лѣтъ, но она была чрезвычайно моложава и отличалась живымъ, веселымъ и привѣтливымъ нравомъ.

Внѣшностью своею она нѣсколько напоминала Императрицу Екатерину II и была извѣстна этимъ сходствомъ среди Московскихъ старожиловъ въ то время, когда еще выѣзжала въ свѣтъ. Средняго роста, умѣренной полноты и крѣпкаго тѣлосложенія, бабушка Юлія Ѳедоровна отличалась необыкновенной бѣлизной лица, шеи и рукъ. Высокій лобъ правильный носъ, круглый подбородокъ, тонкія яркоочерченныя губы, на которыхъ всегда играла привѣтливая улыбка, часто алѣющія нѣжныя щеки—все это освѣщалось ясными, свѣтло-карими глазами, необыкновенно живыми и проницательными. Всегда затянутая въ высокій корсетъ, изящно одѣтая, съ черной кружевной наколкой въ волосахъ, съ тонкимъ батистовымъ воротничкомъ на слегка открытой шеѣ, бабушка своимъ открытымъ взглядомъ, быстрой увѣренной походкой, непринужденной живостью движеній, невольно привлекала къ себѣ всеобщее вниманіе. Стоило ей войти въ комнату, какъ самое скучное общество оживлялось, молодежь начинала весело болтать, кто постарше спѣшилъ поближе подойти къ Юліи Ѳедоровнѣ и завязать съ ней разговоръ—и всякому она находила любезное привѣтливое слово, всѣхъ умѣла очаровать радушнымъ пріемомъ, участливымъ распросомъ, ласковой простотой обхожденія. Обладая пріятнымъ, груднымъ голосомъ, бабушка говорила легко, охотно и непринужденно, свободно

выражаясь на трехъ языкахъ, Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ. Всякое дѣло спорилось у нея въ рукахъ и удавалось ей. Это была богато одаренная, рѣдко счастливая природа, сохранившая до старости всю прелесть искренней непосредственности, весь запасъ молодой энергіи и веселости. Замѣчательно, что личная жизнь Юліи Ѳедоровны далеко не способствовала сохраненію ея жизнерадостнаго настроенія. Она горевала и объ участи своего неудачника сына, и о кончинѣ моей матери, и о потерѣ состоянія родителей-стариковъ Кунишей. Но непоколебимая твердость духа, горячая вѣра въ Провидѣніе, сознаніе исполненнаго долга и ясный, логическій умъ, были надежнымъ оплотомъ противъ жизненныхъ невзгодъ, соблазновъ и разочарованій. Безъ преувеличенія можно сказать, что Юлія Ѳедоровна до конца дней своихъ (она скончалась 68 лѣтъ отъ роду) сберегла всѣ сокровищи своего любвеобильнаго сердца. Любовь, въ высшемъ значеніи этого слова, была безспорно главнымъ двигателемъ, руководящей звѣздою ея жизни: она беззавѣтно любила своего мужа, который былъ старше ея на 15 лѣтъ, съ горячей материнской заботливостью относилась къ своимъ падчерицамъ, Катенькѣ и Наденькѣ, болѣла сердцемъ за своего несчастнаго, единственнаго сына, со страстной нѣжностью привязалась къ намъ, ея осиротѣвшимъ внукамъ. Но въ любви этой не было ничего ни сентиментальнаго, ни потворствующаго. Напротивъ, казалось, тѣмъ требовательнѣе была она къ предмету своего чувства. Мы, дѣти, не были въ этомъ случаѣ исключеніемъ: бабушка и къ намъ относилась со строгой безпристрастностью. Насколько насъ баловала „старая бабушка“, настолько, при всей своей привязанности къ намъ, Юлія Ѳедоровна послѣдовательно руководила нашимъ воспитаніемъ. Насъ никогда не наказывали, но не по снисходительности къ намъ, а потому что намъ и въ голову не приходило ослушаться запрещанія бабушки, не исполниться приказанія, возразить на ея властное слово.

При такихъ личныхъ качествахъ нашей воспитательницы, дѣло нашего первоначальнаго обученія шло съ постоянной правильностью. Будучи по рожденію Лютеранкой, Юлія Ѳедоровна имѣла большую склонность къ Православной церкви и усердно посѣщала всенощныя и воскресныя обѣдни въ нашей приходской церкви Ржевской Божіей Матери, что̀ на Поварской. Вообще она любила и твердо знала церковную службу и, не вдаваясь въ догматическія разсужденія, придавала большое значеніе нашимъ церковнымъ обрядностямъ и обычаямъ, даже соблюдала, не смотря на свое иновѣрчество, главнѣйшіе посты. Божница въ ея спальнѣ была полна семейныхъ иконъ, передъ которыми теплилась день и ночь неугасимая лампада; особенно почитала она

иконы Казанской Божіей Матери и Покрова, передъ которыми два раза въ годъ, подъ 1 и 22-ое Октября, служились у насъ въ домѣ всенощныя причтомъ Ржевской церкви*). На Страстной недѣлѣ не пропускала она ни одной службы и, считая за особенное удовольствіе посѣщать отъ времени до времени Кремлевскіе храмы, безъ утомленія выстаивала долгія архіерейскія служенія въ Успенскомъ соборѣ, въ Чудовомъ монастырѣ или у Двѣнадцати Апостоловъ.

Такое благочестіе пробудилось у бабушки Юліи Ѳедоровны не сразу. Таинственный въ ея жизни случай далъ толчекъ ея приверженности къ Русской церкви. Это случилось во время скитаній сына ея Константина, послѣ неудачъ его въ военной службѣ. Отъ него много мѣсяцевъ не было вѣстей, и бабушка очень безпокоилась. Засыпая ночью съ тревожными мыслями, видитъ она сонъ: кто-то ей говоритъ, что нужно молиться святому, а какому святому, разобрать она не можетъ и съ тѣмъ просыпается. Слышитъ: по спальнѣ кто-то идетъ, шурша шелковымъ одѣяніемъ, и въ мерцающемъ свѣтѣ лампады мелькнула тѣнь монаха въ высокомъ клобукѣ, въ длинной мантіи: подходитъ къ кіоту и пропадаетъ, а въ тишинѣ слышится явственный голосъ: „Савва преподобный!“ Бабушка вскрикнула и разбудила дѣда, который спалъ въ той же комнатѣ на кушеткѣ. Александръ Ивановичъ съ трудомъ могъ успокоить жену, а на другой день поѣхалъ на Никольскую и вымѣнилъ образъ преподобнаго Саввы Звенигородскаго. Въ тотъ же годъ, лѣтней порой, дѣдъ съ Юліей Ѳедоровной ѣздили въ Саввинскій монастырь, близъ Звенигорода, поклониться мощамъ угодника. Бабушка увѣряла, что. до этой знаменательной ночи, она никакого понятія не имѣла о пр. Саввѣ и даже самое имя его было ей незнакомо.

Другое загадочное событіе случилось съ бабушкой вскорѣ послѣ переѣзда ея съ дѣдомъ въ Скатертный переулокъ. Также во снѣ увидѣла она образъ Покрова Богородицы, будто у нея въ кіотѣ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Черезъ нѣсколько дней, опять тотъ же сонъ повторился. Стали искать въ домѣ и нашли на чердакѣ небольшой образъ Покрова Богородицы, который и былъ поставленъ въ кіотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ привидѣлся онъ бабушкѣ. Съ того времени наканунѣ праздника Покрова у насъ въ домѣ ежегодно служилась всенощная.

Бабушка Юлія Ѳедоровна пріучала и насъ дѣтей съ малыхъ лѣтъ къ церкви и часто брала насъ съ собой ко обѣднѣ и ко всенощной. Если же въ Воскресенье не удавалось намъ быть въ церкви, то передъ

*) Не менѣе чтился у насъ въ домѣ Животворящій Крестъ съ частицей мощей отказанный бабушкой по завѣщанію въ туже церковь.

полднемъ звала насъ къ себѣ въ спальню, затворяла дверь и читала намъ по-нѣмецки Евангеліе и Посланіе Апостоловъ „на вскрышку“, а затѣмъ заставляла говорить „Отче нашъ“ и отпускала. Признаюсь, мы, дѣти, не всегда хорошо понимали читаемое изъ толстой Нѣмецкой Библіи съ картинками, но очень любили эти чтенія, такъ какъ послѣ нихъ чувствовалось какое-то праздничное настроеніе въ теченіи остальной половины дня. Въ Лютеранскую кирку (св. Петра и Павла, что̀ на Моросейкѣ) бабушка Юлія Ѳедоровна ѣздила рѣдко, раза три-четыре въ годъ, только чтобы причаститься въ Среду на Страстной недѣлѣ у пастора Дикгофа. Мы охотно сопровождали ее, и намъ доставляло большое удовольствіе слушать прекрасный органъ и пѣть по молитвеннику псалмы, общимъ хоромъ, какъ это принято въ Лютеранскихъ церквахъ.

Особенно торжественно праздновали мы дни Рождества и Пасхи, когда исполненіе обычаевъ благочестія перемѣшивалось съ различными домашними приготовленіями и обычаями. Къ Рождеству весь домъ приводился въ чистоту и порядокъ: прислуга сметала пыль со стѣнъ, мыла подоконники и двери, вытирала мягкой бумагой окна и зеркала, чистила тертымъ кирпичемъ мѣдныя дверныя ручки, оконные приборы и печныя отдушины. Затѣмъ начиналось приготовленіе всего нужнаго для уборки ёлки и Рождественскаго стола. Особенно занимательно было печеніе домашнихъ куличей. Кромѣ нѣсколькихъ куличей и бабъ для общаго употребленія, пекли еще по куличу для каждаго члена семьи особо, различныхъ величинъ. И намъ дѣтямъ пекли по куличу или по сдобной куклѣ, у которой носъ, глаза, ротъ, пуговицы на платьѣ и поясъ изображались изюминами. Чтобы наготовить всѣ эти куличи, за три дня до наступленія праздниковъ, на верхъ, вечеромъ, приносились нужные припасы: мука, масло, сливки, сахаръ, изюмъ, корица, кардамонъ, ваниль, шафранъ, миндаль и мускатный орѣхъ. Вся семья принимала участіе въ приготовленіи тѣста для куличей: одни растирали масло съ толченымъ сахаромъ, другіе перебирали изюмъ, третьи шелушили обваренный миндаль или толкли корицу и мускатный орѣхъ въ ступкѣ. Когда тѣсто было замѣшано сливками и яичными желтками, нужно было мѣсить его деревянной лопаткой цѣлыми часами, подбавляя то сахару, то ванили, то масла. Всѣ принимали поочередно участіе въ этой нелегкой, но веселой работѣ. И намъ, дѣтямъ, разрѣшалось два-три раза повернуть лопаткою упругое, тяжелое тѣсто, для чего мы также, подражая прочимъ, подвязывали себѣ чистыя полотенца въ видѣ фартука и засучивали рукава. Веселое оживленіе свѣтилось на всѣхъ лицахъ. Нерѣдко въ этихъ приготовленіяхъ уча-

ствовали и ближайшіе друзья семьи Розовыхъ; тогда шуткамъ и смѣху не было конца.

Помню первую нашу ёлку. Мнѣ было тогда лѣтъ шесть. Украшенія, лакомства, игрушки—все было куплено безъ нашего вѣдома. Мы видѣли только, что въ залу пронесли какіе-то пакеты, завернутые въ сѣрую бумагу, и большую ёлку. Входъ въ залу былъ для насъ закрытъ вплоть до вечера Сочельника. Наконецъ наступилъ желанный мигъ: насъ привели къ залѣ и поставили передъ закрытой дверью, приказавъ прочитать „Богородицу“. При послѣднихъ словахъ молитвы дверь распахнулась (я былъ увѣренъ, что отворяетъ ее ангелъ), и глазамъ нашимъ предстало чудное зрѣлище: въ залѣ, въ углу подъ образами, блистала множествомъ огней пышная зеленая ёлка, отъ которой шелъ пріятный смолистый запахъ; вся ёлка, доходившая почти до потолка, завѣшана была золотыми орѣхами, мятными пряниками, гроздями сухого изюма, румяными Крымскими яблоками и ярко-красными леденцами, изображавшими пѣтушковъ, коней и рыбъ. Подъ ёлкой, на стульяхъ лежали подарки, покрытые листами оберточной бумаги. Мнѣ досталась лошадь, запряженная въ розвальни, сабля и серебряные эполеты. Сестра получила куклу въ сарафанѣ и кокошникѣ съ лентами, корову на колесикахъ и жестяную кухню съ посудой. Вся семья была въ сборѣ при раздачѣ подарковъ; на отдѣльномъ подносѣ, покрытомъ салфеткою, разложены были всякія сласти—финики, шептала, Французскій черносливъ, Грецкіе орѣхи въ сахарѣ, миндаль въ скорлупѣ. Мы могли лакомиться сколько угодно, но были такъ увлечены ёлкой и подарками, что ни къ чему не дотрагивались. Елка стояла убранная три дня, и три вечера подъ рядъ зажигали на ней свѣчи.

Приготовленія на Пасхѣ носили въ нашемъ домѣ нѣсколько иной характеръ: въ нихъ входило больше благочестиваго пріема. Всю Страстную недѣлю соблюдали мы строгій постъ: въ Среду и Пятницу бабушка не кушала даже рыбы, и подавали къ обѣду грибную похлебку, рисовыя котлеты на постномъ маслѣ и клюквенный кисель или оладьи съ вареньемъ. Церковная служба посѣщалась всю недѣлю съ большимъ усердіемъ. Когда мы съ сестрой немного подросли, Страстная недѣля пріобрѣла для насъ особую прелесть, какъ время говѣнья. Въ Москвѣ въ концѣ Великаго поста погода обыкновенно мѣняется: снѣгъ пропадаетъ съ улицъ подъ лучами весенняго солнца, по канавкамъ мостовыхъ весело журчатъ ручейки, на мокрыхъ заборахъ неумолчно чиликаютъ воробьиныя стаи. Въ эту весеннюю пору, уже самое хожденіе въ церковь по три раза въ день доставляло намъ немалое удовольствіе.

Сильно дѣйствовало на дѣтскую душу и сознаніе, что мы исполняемъ важное, торжественное дѣло вмѣстѣ со старшими, что насъ какъ будто приравнивали къ нимъ. Во время говѣнья мы освобождались отъ занятій и пользовались бо́льшей свободой, принимая также дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ ко встрѣчѣ Свѣтлаго Праздника.

Особенно памятно изъ года въ годъ повторявшееся, по Четвергамъ на Страстной, мытье иконъ, что̀ дѣлалось бабушкою собственноручно (не потому ли въ Четвергъ, что въ этотъ день въ соборахъ совершается обрядъ омовенія ногъ?)

Исповѣдывались мы у нашего приходского священника, отца Погожева. Это былъ добрѣйшій „батюшка“, усердный къ службѣ и чувствительный. Онъ часто всхлипывалъ при чтеніи Евангелія и покаянныхъ молитвъ, и по его полному заросшему негустой сѣдѣющей бородой лицу, нерѣдко текли слезы.

Помню отчетливо свою первую исповѣдь. Наученный няней Ольгой Матвѣевной, я едва успѣвалъ отвѣчать „грѣшенъ, батюшка“, когда отецъ Андрей привычной скороговоркой спрашивалъ меня, восьмилѣтняго мальчика: „не ругался ли, не чертыхался ли, не клялся ли, не опивался ли?“ и т. под. Въ день причастія, въ Великій Четвертокъ, насъ одѣвали въ лучшее платье и везли къ Ржевской. Попозднѣе пріѣзжала туда и бабушка Юлія Ѳедоровна поздравить насъ съ причащеніемъ и увозила домой, гдѣ мы, возбужденные и счастливые, по пріѣздѣ изъ церкви садились пить кофе съ миндальнымъ молокомъ и просвиркой.

Немало заботъ прилагала бабушка Юлія Ѳедоровна и къ нашему ученью. Сама она занималась съ нами Нѣмецкимъ языкомъ и музыкой; тетка Надежда Александровна обучала насъ Русскому языку; жившая въ надворномъ флигелѣ бѣдная дворянка Ольга Ивановна Харламова—ариѳметикѣ и Закону Божьему по книжкѣ Ветхаго Завѣта Анны Зонтагъ. Для Французскаго языка приглашена была Француженка немолодыхъ лѣтъ m-me Chaudert, которая отличалась, какъ потомъ узнали, большими странностями. Впрочемъ, насъ она очень полюбила, и мы съ ней научились болтать по-французски. Ни книгъ, ни тетрадей она на своихъ занятіяхъ съ нами не допускала; все велось устно, наглядным обученіемъ. Она водила насъ по комнатамъ, останавливалась передъ картинами и разсказывала намъ ихъ содержаніе. Такимъ путемъ мы быстро усвоили много словъ и выраженій, еще не умѣя ни читать, ни писать.

Вышеупомянутая Ольга Ивановна Харламова была воспитанницей такъ называемаго „Холернаго Института“, куда была принята, оставшись круглой сиротой въ холерный годъ. Бабушка познакомилась съ ней въ домѣ графини Морковой, которая принимала въ ней участіе и въ домѣ которой на Прѣснѣ Ольга Ивановна жила нѣкоторое время. По смерти графини, бабушка предложила О. И. Харламовой переѣхать къ намъ въ надворный флигель. Здѣсь О. И. прожила много лѣтъ, будучи принята въ семьѣ Розовыхъ, какъ близкій человѣкъ. Жизнь ея окончилась при очень тяжелыхъ условіяхъ: болѣе 17 лѣтъ пролежала она въ постелѣ, страдая сухоткой спинного мозга. Добрые люди устроили ее въ пріютъ для неизлѣчимыхъ больныхъ, гдѣ она и скончалась въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. При своемъ мучительномъ и неизлѣчимомъ недугѣ, почти недвижимая, она до послѣднихъ дней своихъ сохранила свѣжесть ума, острую память и невѣроятную институтскую наивность. Еще за день до смерти интересовалась она нарядами и распрашивала сидѣлку о новомодныхъ шляпкахъ. Мы ее всѣ очень любили и уважали. Ее долгое время лѣчилъ извѣстный въ то время Московскій врачъ Николай Ефграфовичъ Мамоновъ. Однажды, когда Ольга Ивановна заболѣла третьимъ воспаленіемъ легкихъ, Мамоновъ пришелъ предупредить бабушку Юлію Ѳедоровну, что больная не протянетъ и сутокъ. Ее причастили и соборовали; темныя личности, исполнявшія въ Москвѣ до учрежденія „Бюро процессій“, обязанности этихъ учрежденій, появились уже во дворѣ нашего дома, чтобы не пропустить вѣрнаго заработка. Но Ольга Ивановна не оправдала ожиданій ни знаменитаго врача, ни гробовщиковъ: послѣ этой тяжелой болѣзни она прожила еще 17-ть лѣтъ, при чемъ лѣтъ на пять пережила и Мамонова. Ольга Ивановна Харламова любила забавлять насъ пѣсенкой, которая начиналась такъ: „Вотъ идетъ Петруша, черный трубочистъ; хоть лицомъ онъ черенъ, да душою чистъ“.....

Дѣтскіе годы наши проходили въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ: вся жизнь стараго дома слагалась какъ бы для того, чтобы поставить меня и сестру въ рамки правильнаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Вопреки обычному въ то время удаленію дѣтей въ дѣтскія комнаты, въ узкій кругъ понятій, присущихъ міровоззрѣнію нянекъ и гувернантокъ, насъ пріобщали къ общей жизни всей семьи; мы проводили съ взрослыми цѣлые дни, что конечно послужило на нашу пользу именно потому, что самый строй жизни стараго дома былъ въ высшей степени патріархаленъ и строго нравственъ. Бабушка Юлія Ѳедоровна давала всему тонъ своихъ личныхъ примѣровъ, своей преданностью къ стародавнимъ обычаямъ, своимъ постояннымъ

служеніемъ долгу: съ 8 часовъ утра на ногахъ, причесанная и одѣтая, она начинала день молитвой передъ кіотомъ въ спальнѣ и тотчасъ же принималась за свои хозяйскія обязанности: заказывала обѣдъ, сводила счеты, выдавала деньги на ежедневные расходы, дѣлала общій обзоръ всего дома, строго взыскивая съ прислуги, если гдѣ оказывался недочетъ въ чистотѣ и порядкѣ, затѣмъ шла заниматься съ нами, бралась за какое нибудь рукодѣлье, словомъ, никогда не сидѣла сложа руки. Ея хозяйскій глазъ былъ повсюду, и ничто не ускользало отъ ея зоркаго вниманія. Вотъ почему въ домѣ все блестало чистотой, все было на своемъ мѣстѣ, все дѣлалось во-время и не было ни суеты, ни безпорядка, ни препирательствъ съ прислугой. При большой расчетливости, бабушка Юлія Ѳедоровна нетолько не была скупой, напротивъ всегда готова была помочь нуждающемуся, выручить человѣка въ бѣдѣ, оказать матеріальную поддержку обиженному судьбой. Про гостепріимство ея и хлѣбосольство и говорить нечего: рѣдкій день проходилъ у насъ въ домѣ безъ званыхъ и незваныхъ гостей, которыхъ бабушка принимала съ одинаковымъ привѣтливымъ радушіемъ, и дѣлалось это не изъ чванства, а потому что ей доставляло удовольствіе видѣть за своимъ столомъ оживленное общество. Лучшимъ доказательствомъ доброты и гостепріимности Юліи Ѳедоровны служитъ хотя бы то обстоятельство, что двѣ бѣдныя молодыя дѣвушки, учившіяся въ одномъ пансіонѣ съ моими матерью и теткой, остановились по окончаніи курса въ нашемъ домѣ на нѣсколько дней, до отъѣзда въ провинцію, и прожили у насъ безвыѣздно, въ качествѣ гостей, семь лѣтъ!

Юлія Ѳедоровна была отличной музыкантшей; она обладала рѣдкой музыкальной памятью и слухомъ и цѣлыми часами играла на память разъ прослушанныя ею вещи. Иногда брала она гитару и, акомпанируя себѣ, пѣла пріятнымъ голосомъ старинные романсы. Мнѣ особенно помнится одинъ изъ нихъ, который начинался словами: „На берегъ зыбучій сбираются тучи...“ Музыка была любимымъ отдыхомъ нашей воспитательницы, и она ей посвящала послѣобѣденные часы, разучивая новыя вещи на рояли, или повторяя любимыя свои сонаты Бетховена. Мы съ сестрой всегда съ восторгомъ слушали ея игру и на всю жизнь сохранили вкусъ къ классической музыкѣ.

Замѣчательно, что Юлія Ѳедоровна нетолько обрусѣла и прониклась Русскимъ духомъ, но и усвоила многіе взгляды, вкусы, привычки и обычаи чисто-Русскаго свойства. Она не была чужда разныхъ стародавнихъ повѣрій и народнымъ примѣтъ, которыя проникали въ домъ, конечно, чрезъ прислугу. Когда мы, дѣти, недомогали, она спрыскивала насъ водою „съ уголька“, носила отъ лихорадки ладонку съ

восковыми шариками отъ свѣчи, горѣвшей за 12-ью Евангеліями; не любила встрѣчать на улицѣ духовныхъ особъ („не къ добру"); запрещала по Пятницамъ выгребать золу изъ печей („запылишь Прасковею Пятницу"); встрѣтивъ похороны, по возвращеніи домой, прикладывала обѣ ладони къ изразцамъ печи „чтобы не бояться покойниковъ". Часто прибѣгала она къ народнымъ средствамъ лѣченіи; такъ отъ мышечныхъ болей поясницы (lumbago) или такъ называемаго „прострѣла", прибѣгала къ такому курьезному способу: выпарившись въ Русской банѣ и вернувшись домой въ каретѣ или саняхъ съ вѣрхомъ, Юлія Ѳедоровна ложилась ничкомъ на порогѣ между двумя дверями; одна изъ домашнихъ старухъ клала ей на поясницу березовый вѣникъ и трижды ударяла слегка по вѣнику топоромъ, при чемъ Юлія Ѳедоровна, лежа на порогѣ, спрашивала: „бабушка, бабушка, что̀ сѣчешь?—старуха отвѣчала: „утинъ". Юлія Ѳедоровна приговаривала: „сѣки хорошенько, чтобы не болѣло". Затѣмъ она поднималась и шла къ слѣдующему порогу, гдѣ повторялась таже операція, и такъ до трехъ разъ. Своеобразное лѣченіе это называлось „присѣкать утинъ"*) и, дѣйствовало всегда успѣшно.

Какъ я сказалъ выше, вторая дочь дѣдушки Александра Ивановича Розова Надежда Александровна, младшая сестра моей матери. занималась болѣе моей сестрой Евгеніей, тогда какъ я оставался на попеченіи „старой" бабушки Дарьи Карловны. Однако тетушка часто звала меня къ себѣ и заставляла читать вслухъ и разсказывать прочитанное. Такъ я познакомился со многими, баснями Крылова и нѣкоторыя любимыя, напр. „Котъ и поваръ", „Зеркало и обезьяна", „Мартышка и очки" запомнилъ наизустъ, не уча. Маленькое стереотипное изданіе басень Крылова въ одномъ томикѣ. съ прелестными гравюрами, было долгое время моей любимой книгой. Мнѣ особенно нравились въ ней тѣ картинки, которыя изображали разныя домашнія помѣщенія и домашнихъ животныхъ: уголъ кухни, гдѣ Васька-котъ припалъ за уксуснымъ боченкомъ; освѣщенный отблескомъ луны край чердака, гдѣ мыши рѣшаютъ, что „сильнѣе кошки звѣря нѣтъ"; кладовая съ круглыми сырами; птичій дворъ, гдѣ въ кучѣ навоза пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно. Не опредѣляются ли вкусы всей послѣдующей жизни первыми дѣтскими впечатлѣніями? Но самое чтеніе вслухъ давалось мнѣ нелегко: привыкнувъ говорить по-нѣмецки, я часто дѣлалъ неправильныя ударенія на малознакомыхъ Русскихъ словахъ

*) Утинъ—геморой. См. о немъ въ письмѣ царя Алексѣя Михайловича къ Никону. „Русскій Архивъ" 1909. П. Б.

и вызывалъ тѣмъ насмѣшки со стороны тетушки, которая не прочь была подразнить меня, называя „Чухонцемъ“ и тѣмъ доводила иногда до слезъ. Тетушка Надежда Александровна, при чрезвычайной своей добротѣ и чуткости, наслѣдовала отъ отца умѣнье подмѣчать смѣшныя стороны и ѣдко ихъ вышучивать. Этой способностью она пользовалась и для воздѣйствія на насъ и, признаюсь, ея насмѣшливое замѣчаніе было чувствительнѣе строгаго выговора. Разъ она подмѣтила, что я склоненъ преувеличивать и сильно подняла эту черту на-смѣхъ. На меня такъ подѣйствовали ея шутки, что я, боясь преувеличить и сказать неправду, сталъ, почти къ каждому своему отвѣту прибавлять слово „кажется“. Меня напримѣръ спрашивали: „Коля, хочешь кушать?“ я отвѣчалъ—„кажется да“ или „кажется нѣтъ“, чтобы потомъ не заслужить упрека, что я преувеличилъ свой голодъ или, наоборотъ, скрылъ его. Меня отучилъ отъ этой дурной привычки мой отецъ, разъяснивши мнѣ, что мужчина-мальчикъ долженъ всегда отвѣчать смѣло и опредѣленно.

Вообще тетушка, какъ всѣ члены семьи Розовыхъ, отличалась своеобразностью и нѣкоторыми причудами. Въ ней не было ничего пошлаго, ни тѣни жеманства, которое было еще въ большой модѣ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ помѣщичьемъ сословіи. На жизнь и людей тетушка смотрѣла очень своеобразно и никогда не стѣснялась высказывать свои мнѣнія, хотя они рѣдко шли въ уровень съ обычно принятыми формулами общественности и морали. Ко всякимъ человѣческимъ слабостямъ тетушка относилась съ большой снисходительностью, но лицемѣріе, зависть и сплетня были ей ненавистны, и она клеймила ихъ, гдѣ только могла. Жизнь свою она устроила очень независимо, чему, быть можетъ, способствовало то обстоятельство, что она никогда не могла похвалиться крѣпкимъ здоровьемъ. Авторитетная Юлія Ѳедоровна, во вниманіе къ ея частымъ недомоганіямъ, не взыскивала съ нея за уклоненіе отъ установленнаго уклада домашней жизни. Такъ напр. Надежда Александровна вставала не раньше 12 часовъ, хотя весь домъ былъ на ногахъ уже съ 8-ми; пила утвенній кофе въ постели, отклоняла отъ себя всякія хозяйственныя заботы, ѣздила только въ тѣ семейные дома, которые были ей по душѣ; охотно разговаривала лишь съ тѣми, кого находила занимательнымъ. Всякое свѣтское принужденіе считала она себѣ въ тягость и потому прослыла гордой и необщительной, между тѣмъ такіе выдающіеся люди, какъ Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ (профессоръ), Яковъ Петр. Полонскій (поэтъ), Николай Михайловичъ Павловъ (историкъ) часами съ ней бесѣдовали и находили ея разговоръ интереснымъ, а мнѣнія

ея смѣлыми и оригинальными. Не придерживаясь вовсе модныхъ передовыхъ взглядовъ, Надежда Александровна на многіе нравственные вопросы смотрѣла очень широко, хотя, конечно, не выходила изъ области теоріи и осталась всю жизнь вѣрной прочнымъ устоямъ дореформеннаго уклада. Уже немолодой дѣвицей, лѣтъ 38-ми вышла она замужъ за Константина Михайловича Балашова, вхожаго въ домъ Розовыхъ съ студенческихъ лѣтъ и впослѣдствіи бывшаго профессоромъ анатоміи въ Московскомъ Университетѣ. Дѣтей Надежда Александровна никогда не имѣла и въ преклонные годы перенесла на насъ, т. е. меня и сестру мою, всю теплоту своего сердца, не знавшаго материнства.

Супруги Балашевы жили очень счастливо, и добрые знакомые ихъ нередко называли: „Филимономъ и Бавкидой“,

О супружской жизни Надежды Александровны и Константина Михайловича Балашевыхъ я буду говорить впослѣдствіи.

Вспоминая свое первоначальное дѣтство, не могу не остановить своей благодарной памятью на личности моей няни—Ольги Матвѣевны. Она взята была въ домъ, когда мнѣ было лѣтъ пять, и прожила у насъ до окончанія моего курса въ Московскомъ университетѣ. Худощавая, нѣсколько сгорбленная, очень некрасивая лицомъ и немолодая, Ольга Матвѣевна отличалась высокими душевными качествами. Къ намъ, дѣтямъ, и особенно ко мнѣ, она была предана безгранично. Меня, еще пятилѣтняго мальчика, она не иначе называла, какъ по имени и отчеству; относясь къ намъ не только съ любовью, но и съ уваженіемъ, радовалась на насъ, но никогда не позволяла себѣ ни малѣйшей фамильярности; ея чувства къ намъ могли бы назваться поклоненіемъ, почти обожаніемъ. Она мыла насъ по очередно въ корытѣ, которое приносилось въ дѣтскую, и часами высиживала у моей постели, когда я былъ нездоровъ. Къ сожалѣнію, по ограниченности своего ума и слабости памяти, Ольга Матвѣевна не знала и не могла разсказывать сказокъ, не пѣла также и пѣсень и вообще говорила мало. Зато рѣчь ея отличалась удивительнымъ качествомъ: она употребляла часто слова, значеніе которыхъ можно было найти только въ словарѣ Даля. Такъ про зеркало, покрытое копотью и пылью, говорила, что оно „затускмёное; про бѣлье, высохшее на морозѣ, что оно „уклокло“; а когда на небѣ набѣгали облака, говорила „замолаживаетъ“. Сдѣлавшись постарше, я такія необычныя слова Ольги Матвѣевны записывалъ въ тетрадку. Къ сожалѣнію, тетрадка эта у меня не сохранилась. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ моей нянюшки являлись плодомъ ея собственнаго творчества, нерѣдко грѣшившаго противъ правилъ

фонетики. Напр. слово „уклокло“ въ примѣненіи къ бѣлью, означавшее, что оно на морозѣ сдѣлалось твердое какъ дерево, какъ „колъ“, отъ корня послѣдняго, повидимому и выводилось. Слушая рѣчь Ольги Матвѣевны, можно было понять замѣчаніе Пушкина, сказавшаго, что самымъ чистымъ Русскимъ языкомъ говорятъ Московскія просфирни.

Печальное событіе въ домѣ Розовыхъ завершаетъ годы моего ранняго дѣтства: 11-го Марта 1866 г. скончался дѣдъ мой Александръ Ивановичъ Розовъ. Недѣль пять до того, возвратившись изъ бани, заболѣлъ онъ рожистымъ воспаленіемъ головы и очень ослабѣлъ втеченіе этой мучительной болѣзни; однако сталъ уже поправляться и однажды вечеромъ спросилъ себѣ кусокъ чернаго хлѣба. Бабушка Юлія Ѳедоровна не рѣшалась сперва, безъ доктора, дать ему на ночь хлѣба, но наконецъ сдалась на его неотступныя просьбы, принесла на тарелкѣ два тонкихъ ломтика, посыпанныхъ солью, и дѣдъ скушалъ ихъ съ жадностью. Но не прошло затѣмъ и полчаса, какъ у него поднялась сильная боль подъ ложечкой. Послали за докторомъ, пробовали всевозможныя средства, ничто не могло помочь ему силы падали съ каждымъ часомъ, и подъ утро его не стало.

Передъ кончиной онъ въ полной памяти простился съ своими домашними, вспомнилъ объ отсутствующемъ сынѣ Константинѣ и простилъ его заочно, а про насъ сказалъ Юліи Ѳедоровнѣ: „не оставляй сиротъ“. Потомъ, спросивъ, который часъ, тихо проговорилъ „конецъ, кончено“... и забылся. Это были его послѣднія слова.

Дѣдушка скончался 72 лѣтъ отъ роду и похороненъ въ Москвѣ на Даниловскомъ кладбищѣ.

С. Петербургъ. 1907 г.

Изъ воспоминаній Н. А. Малевскаго-Малевича.

ГЛАВА IV-Я.

Сельцо Лукьяново.

Во второй главѣ моихъ воспоминаній*) я упомянулъ, что дѣдъ мой Александръ Ивановичъ Розовъ на капиталъ, оставшійся послѣ первой его жены Варвары Дмитріевны, купилъ старшей дочери своей, а моей матери, Екатеринѣ Александровнѣ—домъ въ Москвѣ, на Плющихѣ, гдѣ я и родился. Второй своей дочери Надеждѣ Александровнѣ дѣдъ на тѣже наслѣдственныя деньги пріобрѣлъ имѣніе въ Коломенскомъ уѣздѣ Московской губерніи, сельцо Лукьяново. Составляя часть обширныхъ помѣстій богатаго барина Ивана Андреевича Рославлева, сельцо Лукьяново, которое онъ называлъ своимъ золотымъ дномъ, досталось одной изъ его „воспитанницъ“ Елисаветѣ Ивановнѣ Наумовой. Елисавета Ивановна была особа нехозяйственная, крайне слабовольная и довѣрчивая. Она подпала подъ вліяніе своихъ дворовыхъ и особенно своего управляющаго Андрея Ивановича, который былъ „крестникомъ“ Рославлева. Наумова всю свою землю сдала въ безсрочную аренду крестьянамъ, оброкъ съ нихъ получала незначительный, съ постоянными недоимками, и жила въ деревнѣ, перебиваясь кое-какъ, окруженная приживалками и въ полной зависимости отъ милости своего управляющаго. Имѣніе было сперва заложено въ Опекунскомъ Совѣтѣ, а тамъ и подъ вторую закладную въ частныя руки и, наконецъ, продано съ публичныхъ торговъ за долги. Дѣдъ купилъ его заглазно съ переводомъ долга Опекунскому Совѣту.

*) См. „Русскій Архивъ“ 1909 года, выпускъ 5-й.

Тетка моя Надежда Александровна, вообще не любившая деревни, не была довольна этой покупкой и никогда не помирилась съ мыслью, что сдѣлалась владѣлицей Лукьянова. Имѣніе, дѣйствительно, оказалось сильно запущеннымъ и раззореннымъ: барскій домъ обветшалъ, прудъ на половину заросъ осокой, садъ заглохъ, лѣсъ оказался сведеннымъ, вся земля въ арендѣ у мужиковъ, плохо платившихъ оброкъ. Но дѣдъ былъ очень увлеченъ новымъ пріобрѣтеніемъ и въ первое же лѣто отправился въ Лукьяново.

Въ то время о Рязанской желѣзной дорогѣ не было и рѣчи, и въ Лукьяново пришлось ѣхать по большой Коломенской дорогѣ, на перекладныхъ, въ собственной каретѣ. Я смутно помню, какъ повезли въ этой каретѣ и насъ, дѣтей, т. е. меня и сестру Евгенію. Съ нами ѣхала и тетушка Надежда Александровна, владѣлица Лукьянова. Выѣхали съ разсвѣтомъ, а пріѣхали въ деревню поздно вечеромъ, свернувъ съ большой дороги у сел. Степанщина, отъ котораго верстъ 6 пришлось еще ѣхать проселкомъ. Мнѣ помнится, какъ наша карета по шаткой Лукьяновской плотинѣ въѣхала на барскій дворъ и остановилась передъ темнымъ, сумрачнымъ домомъ, съ высокой деревянной крышей. Противъ дома виднѣлся прудъ съ островомъ и на берегу помостъ изъ бѣлаго камня. Замѣчательно, что на другой день, вставъ довольно поздно, мы не нашли уже этого каменнаго помоста у пруда; надо думать, что крестьяне, узнавъ о пріѣздѣ новыхъ господъ, рано утромъ растащили къ себѣ во дворы бѣлыя тесаныя плиты, изъ которыхъ былъ сложенъ помостъ. Подъ нѣкоторыми крыльцами деревенскихъ избъ въ Лукьяновѣ и теперь еще можно видѣть тесаные бѣлые камни.

Происхожденіе этихъ камней достойно упоминанія въ лѣтописи сельца Лукьянова. Первоначальный владѣлецъ его Иванъ Андреевичъ Рославлевъ *) задумалъ на старости лѣтъ построить въ своей вотчинѣ церковь. Фундаментъ ея былъ уже заложенъ и цоколь выведенъ изъ бѣлаго Коломенскаго тесанаго известняка, когда какая-то прохожая богомолка предсказала Ивану Андреевичу, что онъ помретъ, какъ только закончитъ сооруженіе храма. Предсказаніе это такъ испугало старика, что онъ тутъ-же пріостановилъ работы. Заложенный фундаментъ былъ заброшенъ, и цокольный камень частью перевезенъ на барскій дворъ и сложенъ у забора, а частью растасканъ крестьянами. С. Лукьяново, имѣвшее до 200 душъ, осталось безъ церкви, отчего, быть можетъ, тамъ и процвѣлъ расколъ въ образѣ хлыстовскаго согласія. Я хорошо

*) Сынъ одного изъ пособниковъ Екатерины Великой при ея воцареніи? П. Б.

помню послѣднюю хлыстовскую начетницу Агаѳью Дмитріевну и ея двухъярусную обширную избу за околицей. Въ этой избѣ происходили, по слухамъ, хлыстовскія радѣнія чуть не до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. „Митровна“ пользовалась въ Лукьяновѣ большимъ вѣсомъ, имѣла денежки, завела у себя въ избѣ „карась“ и подъ предлогомъ мотанія шелка завлекала въ свои хлыстовскія сѣти женскую молодежь окрестныхъ деревень.

Я родился почти наканунѣ освобожденія крестьянъ и въ дѣтствѣ не соприкасался вовсе съ крѣпостнымъ бытомъ; можетъ быть, потому и не питаю къ нему предвзятыхъ чувствъ: для меня стародавнія условія помѣщичьяго уклада невольно опредѣляются преданіями сельца Лукьянова, какъ они слагались при двухъ его послѣднихъ владѣльцахъ— добродушномъ, довѣрчивомъ Рославлевѣ и его кроткой, безгласной наслѣдницѣ—Наумовой. Они не мучили своихъ „подданныхъ“ ни тяжелой барщиной, ни высокимъ оброкомъ, ни барскими причудами и если запустили по безпечности собственное хозяйство, то крестьянскаго не только не разорили, а скорѣе способствовали благосостоянію подвластнаго имъ населенія. И въ своемъ положеніи „временнообязанныхъ“ Лукьяновскіе мужики перенесли на свою новую помѣщицу Надежду Александровну Розову унаслѣдованныя чувства довѣрія и преданности. Выражалась эта преданность иногда довольно грубымъ образомъ, но всегда шла отъ сердца и способствовала установленію между барскимъ дворомъ и деревней прочной нравственной связи, переходившей отъ поколѣнія къ поколѣнію вплоть до недавней тяжкой годины такъ называемаго „освободительнаго“ движенія.

Да что и за народъ былъ въ Лукьяновѣ, когда мы пріѣхали туда въ первый разъ! Рослый, здоровый, благообразный—всѣ молодецъ къ молодцу. Помню, какъ на другой день послѣ нашего пріѣзда, Лукьяновскіе мужики пришли поздравить свою новую помѣщицу Надежду Александровну. Вмѣсто хлѣба-соли крестьяне подвели тетушкѣ бѣлаго барана, у котораго рога были позолочены сусальнымъ золотомъ и обвѣшаны цвѣтными тряпками. Какъ теперь вижу рядъ сановитыхъ, бородатыхъ мужиковъ въ длинныхъ синихъ кафтанахъ съ сборчатыми рукавами, въ смазныхъ сапогахъ; всѣ они стояли безъ шапокъ на барскомъ дворѣ. Вотъ Петръ староста со строгимъ иконописнымъ лицомъ и гладко примазанными сѣдѣющими волосами, раздѣленными по серединѣ проборомъ; онъ говоритъ привѣтственное слово степенно и не торопясь, безпрестанно вставляя въ свою рѣчь кстати и не кстати фразу „къ примѣру будучи сказать“. Вотъ Данило Горячій, огромный, пле-

чистый старикъ, съ шапкой сѣдыхъ волосъ, съ длинной, всклокоченной бородой и дѣтскими голубыми глазами. Вотъ дородный Ѳедоръ Егоровъ, полъ-вѣка прожившій въ скотникахъ на барскомъ дворѣ, бѣлолицый и осанистый. Вотъ Ефремъ Чебуреевъ-сапожникъ, весь въ серебристыхъ кудряхъ, съ задорно вздернутою головою и съ удальскою ухваткою, вопреки своему 80-тилѣтію. Вотъ Егоръ Бутакъ съ желтымъ и гладкимъ, какъ старая слоновая кость, черепомъ, съ густыми щетинистыми бровями. Вотъ Тимофей Краюшкинъ, благообразный и застѣнчивый. Вотъ Антонъ Хромой съ посохомъ. Называю только тѣхъ, которые остались въ памяти и съ дѣтьми и внуками которыхъ мы игрывали въ дѣтствѣ.

Но какъ измельчалъ, какъ выродился за истекшіе полъ-вѣка Лукьяновскій деревенскій людъ! Я засталъ еще въ деревнѣ рослое, бодрое племя коренныхъ землепашцевъ, которыхъ не коснулась городская, а тѣмъ менѣе фабричная „культура“. Мужики ходили въ синекубовыхъ съ бѣлыми цвѣточками косовороткахъ, подпоясанные цвѣтными „опоясками“ изъ бумажной тесьмы; носили поярковыя высокія шляпы „грешневикомъ“, обувались въ онучи и лапти, подвязанные лубками. Теперь завелись у всѣхъ картузы, „сортеныя“ *) цвѣтныя сорочки, жилетки, калоши и даже „спинжаки“, въ которыхъ деревенскіе парни, вернувшись съ фабрикъ на побывку домой, щеголяютъ по праздникамъ на улицѣ. Но невзрачны, низкорослы и тщедушны потомки богатырей-Петра старосты, Данилы Горячаго, Антона и Ѳедора, промѣнявшіе „землицу“ и стародавній деревенскій бытъ на фабричную „жисть“ около города, со всѣми его нездоровыми соблазнами. Женское сословіе деревни еще держится былаго домашняго уклада въ лицѣ немногихъ оставшихся старухъ. Но женская молодежь также измѣнилась и нравами, и костюмомъ. На бабахъ не видишь больше повойниковъ и крашенинныхъ сарафановъ и „продуванокъ“; онѣ носятъ городскія кофты и юбки, покрываютъ голову платочками, замѣнили прежнія душегрѣи „дипломатами“. Дѣвки-щеголихи, работающія на купца нанку на домашнемъ станкѣ, выходятъ въ праздникъ на улицу не въ лентахъ и монистахъ, а съ зонтиками, въ нитяныхъ перчаткахъ и въ „бареткахъ“ на Французскихъ коблукахъ.

Тетка Надежда Александровна не любила деревни, но ѣздила по заведенной привычкѣ въ Лукьяново каждое лѣто и оставалась тамъ съ нами, дѣтьми, и бабушкой Юліей Ѳедоровной, мѣсяца два. Между нею

*) Шерстяная матерія.

и ея „временнообязанными“ крестьянами установились сразу довѣрчивыя отношенія. Мужики ее полюбили и обращались къ ней со всякими своими нуждами. Не интересуясь хозяйствомъ и не понимая его, тетушка оставила въ оброкѣ у крестьянъ на прежнихъ основаніяхъ всю землю пахатную и луговую; даже въ нашемъ фруктовомъ саду и на усадьбѣ мужики косили для себя сѣно. Рубка лѣса, конечно, была запрещена, но запретъ этотъ имѣлъ скорѣе академическое значеніе, такъ какъ нанятый беречь лѣсъ старичекъ-сторожъ въ лѣсу не жилъ и заглядывалъ туда рѣдко, самъ боясь „лихого“ человѣка.

Домашнее управленіе въ Лукьяновѣ также мало измѣнилось при Надеждѣ Александровнѣ. Правда, Андрей Ивановичъ, управляющій Наумовой, еще до продажи Лукьянова переѣхалъ въ Никитское, принадлежавшее въ то время наслѣднику Рославлева Веловзору. Разбѣжались невѣдомо куда и приживалки Елисаветы Ивановны; но дворовая прислуга осталась, начиная со скотника Ѳедора Егорова и его жены Авдотьи, прозванной за походку „утицей“. Они, какъ были, такъ и остались хозяевами положенія, даже еще болѣе укрѣпились, такъ какъ Наумова жила въ деревнѣ почти круглый годъ, а тетушка Надежда Александровна только два лѣтнихъ мѣсяца.

Впрочемъ Лукьяново было прелестнымъ уголкомъ. Мы еще въ дѣтствѣ прозвали его „оазисомъ“. Среди однообразныхъ плохообработанныхъ полей и кочковатыхъ луговъ, мѣстами поросшихъ чапыжникомъ“ *), въ неглубокой лощинѣ лежитъ Лукьяново, все въ зелени, охваченнное обширными господскими садами, въ которыхъ еще уцѣлѣли вѣковые вязы, столѣтнія березы, ветлы и тѣнистыя алеи кленовъ и елей. Посреди нѣ большой прудъ съ островомъ, поросшимъ высокими ольхами, отдѣляетъ помѣщичью усадьбу отъ деревни. На одномъ берегу господскій домъ, утопающій въ зелени, на другомъ, за плотиной, рядъ близко другъ къ другу построеенныхъ бревенчатыхъ избъ, подъ соломенными крышами, окнами на барскій дворъ; избы „бѣлыя“ съ гончарными и кирпичными трубами въ два и три окна, съ росписными ставнями и воротами подъ навѣсомъ. За избами клѣти, скотные дворы и сараи, а дальше огороды и ягодные сады съ плетнями и тынами; амбары, гумна и риги „на задахъ“ къ полю, которое начинается сейчасъ за деревней, черезъ дорогу. Мы въ дѣтствѣ любили гулять на „задахъ“ особенно послѣ жатвы, когда на гумнахъ ставились высокіе ометы ржи и шла веселая, дробная молотьба цѣпами новаго урожая.

*) Мѣстное названіе ивняка.

Господскій домъ стоялъ тремя сторонами въ саду, а однимъ бокомъ высокими крытыми сѣнями о двухъ ходахъ, смотрѣлъ на барскій дворъ, на которомъ росли кусты жасмина, акацій, сирени и шиповника. По ту сторону двора, противъ хода въ кухню, виденъ былъ обширный погребъ, на высокомъ каменномъ фундаментѣ, а за тесовымъ рѣзнымъ заборомъ—каретный сарай, конюшня, людская изба и прочія хозяйственныя постройки, скрытыя отъ господскаго дома рядомъ плакучихъ березъ и высокими кустами черемухи. Въ господскомъ домѣ было темновато и прохладно; онъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ старыми вѣтвистыми яблонями и густо разросшимися кустами вишенника. Садъ былъ запущенъ, дорожки въ немъ давно заросли, только передъ самымъ домомъ, подъ окнами гостинной, сохранилось еще расчищенное мѣсто съ клумбами георгинъ и желтыхъ ирисовъ. Дальше шли рядами кусты крыжевника всѣхъ сортовъ—краснаго (виноградnаго), бѣлаго и махроваго, красной и бѣлой смородины, малинника и вишень, а между ними стояли старыя развѣсистыя яблони, стволы которыхъ снизу до верху были покрыты сѣрыми лишаями. Весь садъ былъ окруженъ невысокимъ валомъ и аллеей большихъ, близко другъ къ другу стоящихъ березъ и ветелъ. На дальнемъ краю сада, за липовой аллеей, красовался огромный многовѣковой вязъ, обхватовъ въ пять, вершину котораго можно было видѣть за нѣсколько верстъ. Вязъ этотъ, и нынѣ существующій, извѣстенъ былъ уже во времена владычества Рославлева, какъ одно изъ самыхъ высокихъ и могучихъ деревьевъ всей округи.

Одною стороною садъ прилегалъ къ широкому пруду, вырытому въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка на мѣстѣ впаденія въ болото (нынѣ обсохшее) небольшой лѣсной рѣчки „Синички“. Когда копали прудъ, землю не вывозили на берегъ, а сваливали по срединѣ, и создался небольшой островокъ сажени три въ ширину и сажень 20 въ длину, сплошь заросшій ольхами и орѣшиной. Впослѣдствіи къ острову перекинутъ былъ мостъ, и тамъ построена бесѣдка съ „трельяжемъ“.

За большимъ вязомъ въ саду шли гряды клубники, а за ними начинался огородъ, гдѣ водились отличные огурцы. По другую сторону сада открывалась неширокая луговина, примыкавшая къ молодой осиновой рощѣ. Роща эта, въ полуверстѣ отъ сада, служила любимымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ. Вся изрѣзанная лѣсными дорогами, по обѣимъ сторонамъ которыхъ буйно росли густѣйшіе кусты лѣсного орѣшника, роща эта казалась намъ, дѣтямъ, какимъ-то волшебнымъ паркомъ. Въ Іюнѣ тамъ водилось на полянкахъ множество ландышей и ночныхъ фіалокъ, а во второй половинѣ лѣта появлялись подоси-

новые и бѣлые грибы. Ходить по грибы было главнымъ нашимъ удовольствіемъ, и мы часами бродили въ прохладной тишинѣ лѣса, часто возвращаясь домой съ пустыми корзинками. Но какая бывала радость найти подъ прѣлымъ листомъ, въ сырой пахучей землѣ, крѣпкій круглый боровикъ или красную шляпку подосиновика. Въ дождливые годы въ нашемъ лѣсу грибовъ было множество, и нерѣдко за одинъ разъ мы приносили домой двѣ-три полныхъ ручныхъ корзины отборныхъ молодыхъ грибовъ.

Мы дѣти, рѣдко сидѣли въ деревнѣ дома: намъ здѣсь, въ Лукьяновѣ, предоставлялось больше свободы, и мы цѣлые дни проводили во дворѣ и въ саду, играя, и между собой и съ сыновьями скотника Ѳедора Егорова, мальчиками нашихъ лѣтъ, Ванькой и Лёшею. Любимой моею игрою была „желѣзная дорога“. Во дворѣ около забора сложены были рядами большіе тесаные камни бѣлаго известняка, они изображали у меня поѣздъ; я часами игралъ около нихъ, представляя собою машиниста и кондуктора, подавая звонки и свистки и подражая голосомъ перебою колесъ идущаго поѣзда. Лёша иногда игралъ со мной, изображая кочегара и таскалъ дрова на „тендеръ“. Мой старый изъ желтой жести барабанъ служилъ на паровозѣ предохранительнымъ клапаномъ, а деревянная конусообразная форма для песку играла роль свистка на локомотивѣ. При моей благонравности никто не мѣшалъ мнѣ въ моей игрѣ, и когда надо было звать дѣтей къ завтраку или обѣду, то всегда знали, что меня найдутъ у моего каменнаго поѣзда, откуда я часто подавалъ голосомъ звонки и свистки. Болѣе меня рѣзвая сестра моя Еничка часто убѣгала въ садъ и огородъ, въ обществѣ Ваньки и внучки сапожника Ефрема Чебуреева, Акульки, прелестной дѣвочки Еничкиныхъ лѣтъ.

Другая игра, обоихъ насъ очень забавлявшая, была рыбная ловля; въ пруду водились жирные караси, и мы любили ловить ихъ самодѣльными удочками съ крючками изъ булавокъ. Ванюша умѣлъ отлично ихъ сгибать и привязывать къ лесѣ изъ нитокъ съ поплавкомъ изъ тесаной дощечки или старой пробки. Ванька копалъ на огородѣ червяковъ и ловко ихъ насаживалъ на крючки нашихъ удочекъ. Чтобы рыба охотнѣе клевала, нужно было прежде, чѣмъ закинуть удочку, поплевать на червячка, и это Ванька исполнялъ за насъ съ большимъ искусствомъ; онъ наблюдалъ и за самымъ ловомъ, и подсказывалъ намъ, когда „клюетъ“ и когда надо вытаскивать удочку. Караси часто клевали и лакомились оплёванными Ванюшею червяками, но попадались рѣдко на наши булавочные крючки. Ваня мастерилъ намъ и пастушьи кнуты. На короткое кнутовище навязывался длинный, аршина въ четыре кнутъ, свитый изъ пеньки, довольно толстый сверху и постепенно утончаю-

щійся книзу; на концѣ привязывалась тонкая крѣпкая бичевка съ хвостомъ изъ плетенаго конскаго волоса. Кнутъ этотъ перекидывается черезъ плечо и волочится сзади по землѣ, когда съ нимъ ходишь. Чтобы хлопнуть имъ, надо повертѣть его надъ своей головой, пока онъ не начнетъ описывать круги, и тогда быстрымъ и рѣзкимъ движеніемъ руки подхлестнуть конецъ. Въ опытныхъ рукахъ ударъ такого кнута громче пистолетнаго выстрѣла. Въ нашей мѣстности, къ сожалѣнію, давно уже вывелись пастушьи свирѣли, и пастухи по утрамъ, передъ выгономъ скотины на пастбище будятъ деревенскій людъ частымъ хлопаньемъ кнутовъ.

Жизнь на помѣщичьей усадьбѣ въ Лукьяновѣ была очень однообразна: „господа“ вставали поздно, не по-деревенски, пили не спѣша чай съ густыми сливками и теплымъ, домашняго печенья, пшеничнымъ хлѣбомъ и расходились каждый по своимъ домашнимъ занятіямъ: бабушка Юлія Ѳедоровна садилась въ сѣняхъ варить на жаровнѣ въ большомъ мѣдномъ тазу варенье и смоквы; тетка Надежда Александровна вела на прогулку свою собачку „Жужку“; мы убѣгали въ садъ или съ горничными шли собирать клубнику, малину и смородину. Такъ проходило время до завтрака. За завтракомъ подавали простыя, но вкусныя блюда изъ своихъ деревенскихъ продуктовъ: горячія ватрушки со сметаной, молодой картофель со сливочнымъ масломъ, вареники съ творогомъ, крупеникъ, и неизмѣнно ягоды со сливками. Послѣ завтрака бабушка ложилась отдыхать, тетушка затворялась въ своей комнатѣ съ закрытыми отъ мухъ ставнями; мы, дѣти, опять бѣжали въ садъ и затѣвали игры съ нашими деревенскими друзьями—Ванькой, Лёшей и Акулькой.

До гимназическихъ лѣтъ мы въ деревнѣ обходились безъ преподавателей и наставниковъ и только передъ обѣдомъ приходили на полъ-часа къ теткѣ читать вслухъ Христоматію Паульсона или Исторію Ветхаго и Новаго Завѣта Анны Зонтагъ. Деревенская свобода имѣла на насъ въ дѣтствѣ большое вліяніе; общеніе съ природой и деревенскимъ людомъ развило не только любовь къ деревнѣ, но и безотчетное, непосредственное ея пониманіе, что̀ такъ рѣдко дается городскимъ жителямъ. Мы любили съ дѣтства смотрѣть на полевыя работы, ходить на скотный дворъ, кормить скотину, смѣло заходили на крестьянскіе дворы и въ крестьянскія избы, помогали грести сѣно, ѣздили на телѣгахъ въ поле за снопами. Нашему сближенію съ крестьянскимъ людомъ способствовали и наши воспитательницы: бабушка любила и умѣла поговорить съ мужикомъ, тетушка входила въ ихъ нужды и

принимала къ сердцу ихъ домашнія невзгоды. Особеннымъ ея расположеніемъ пользовался старый Данило Горячій, часто заходившій съ деревни безъ шапки на барскій дворъ поговорить о своихъ нуждахъ съ Надеждой Александровной. Тетушка садилась на стулъ на крыльцѣ, а Данило присаживался на ступеньку и разсказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и былыхъ временахъ. Тетушку онъ очень уважалъ и называлъ ее „Царица ты наша Небесная“. Другой любимецъ тетушки былъ захудалый мужиченко Спиридонъ, въ которомъ она находила много деликатности и душевнаго благородства. Спиридонъ любилъ выпить и тогда дѣлался смѣлъ и рѣчистъ, самъ про себя говоря, что онъ, пьяный,— губернаторъ. Но въ трезвомъ состояніи былъ робокъ и совѣстливъ. Онъ иногда приходилъ къ тетушкѣ занять у нея рублякъ на „поправку“ и возвращалъ свой долгъ съ чрезвычайной аккуратностью. Надежда Александровна была сердобольна къ своимъ „временнообязаннымъ“, часто прощала имъ недоимки оброка, помогала въ нуждѣ и лѣчила успѣшно домашними средствами, такъ напр. во время бывшей въ концѣ шестидесятыхъ годовъ холерной эпидеміи очень удачно излѣчивала больныхъ отваромъ сѣнной трухи и припарками изъ коноплянаго сѣмени.

Мы ложились спать въ деревнѣ позже, чѣмъ въ городѣ, и тихіе, теплые вечера въ Іюнѣ мнѣ особенно памятны. Послѣ дневной жары тетушка любила выходить передъ вечернимъ чаемъ на прогулку и брала насъ съ собой. Отправлялись обыкновенно за плотину въ сторону деревни и садились на ступеньки пустого запаснаго хлѣбнаго амбара Лукьяновской общины, откуда видны были вся деревня, околица и высокая изба на краю, гдѣ Агафья Дмитріевна водила „карась“. Здѣсь, мимо насъ, съ мычаніемъ и блеяніемъ пригонялось домой деревенское стадо: впереди съ визгомъ и хрюканьемъ опрометью мчались свиньи съ поросятами, затѣмъ кучей, поднимая облако пыли, бѣжали овцы, наконецъ неспѣшно шелъ рогатый скотъ, и мы, дѣти, внимательно смотрѣли, какая корова войдетъ въ околицу первою: если рыжая или бѣлая, значитъ день будетъ ясный; если черная, то хмурый и дождливый. Коровы спускаются къ пруду, долго пьютъ илистую воду и расходятся по дворамъ, подгоняемыя бабами и ребятишками. Наконецъ заскрипѣли послѣдніе ворота, скотъ загнанъ, въ избахъ засвѣтились огоньки, стреноженныя лошади заковыляли по улицѣ къ выгону, въ „ночное“, за деревнею въ болотѣ закричалъ дергачъ. Мы сиднмъ и слушаемъ молча, какъ замираютъ вечерніе звуки, смотримъ на загорающіяся звѣзды, любуемся на отраженіе луны въ прудѣ и на прозрачныя тѣни береговыхъ ветелъ. „Пора домой, дѣти“, говоритъ те-

тушка, и мы покорно поднимаемся и идемъ за ней въ полутьмѣ черезъ плотину, гдѣ внизу черно и жутко и гдѣ, быть можетъ, прячется дѣдушка водяной. А дома въ гостиной, на кругломъ столѣ, подъ лампой, кипитъ уже самоваръ, и бабушка, заваривъ чай, снимаетъ въ хрустальный молочникъ сливки изъ большой, влажной крынки молока, только что принесенной съ погреба. Засыпая на диванѣ, въ бабушкиной комнатѣ, я думалъ: „поскорѣе бы прошла ночь, да была бы завтра хорошая погода, чтобы набѣгаться въ саду и наиграться въ желѣзную дорогу“. Въ дождливые дни было скучно, въ несвѣтлыхъ комнатахъ дома становилось еще темнѣе и, чтобы чѣмъ нибудь занять насъ, мнѣ и сестрѣ давали вязать на рогулькѣ шнурокъ изъ краснаго шелка, или сажали за чистописаніе и ариѳметическія задачи. За то послѣ дождя можно было бѣжать, надѣвши галоши, къ пруду и закинуть съ мостика удочку: послѣ дождя рыба всегда клюётъ. Разъ, закидывая такъ удочку, я поскользнулся и съѣхалъ по поясъ въ воду. Выкорабкавшись съ трудомъ на мокрыя доски, я вернулся домой съ людского хода, чтобы не испугать своимъ видомъ бабушку, которая варила клубнику въ сѣняхъ и могла бы напрасно встревожиться: прудъ у берега былъ очень мелокъ, и я не могъ утонуть, свалившись въ воду съ мостика.

Деревенская жизнь въ Лукьяновѣ изрѣдка разнообразилась пріѣздомъ изъ Москвы дѣдушки Александра Ивановича и Константина Михайловича Балашева, который, какъ я упомянулъ въ предыдущей главѣ, впослѣдствіи женился на теткѣ моей Надеждѣ Александровнѣ, владѣлицѣ Лукьянова. Однажды такой пріѣздъ чуть не стоилъ жизни бабушкѣ Юліи Ѳедоровнѣ. Дѣдушка пріѣхалъ поздно вечеромъ, когда всѣ уже въ домѣ спали, и усердный ямщикъ, его привезшій, чтобы разбудить прислугу, сталъ неистово стучать кулаками въ обѣ входныя двери и ставни передней и столовой. Бабушка въ испугѣ вскочила съ постели и, вообразивъ, что въ домъ ломятся разбойники, отворила окно своей спальни и выпрыгнула въ садъ съ высоты болѣе трехъ аршинъ. Ее нашли полчаса спустя лежавшую на травѣ, въ обморокѣ. Къ счастію бабушка не ушиблась серіезно, но отъ нервнаго потрясенія съ ней сдѣлалась горячка, и она пролежала въ постели болѣе недѣли въ сильномъ жару и долго не могла поправиться.

Происшествіе это дало толчекъ моему дѣтскому воображенію, и я всю остальную часть лѣта игралъ въ „разбойники“ и каждый вечеръ вѣшалъ надъ диваномъ, на которомъ спалъ, свой игрушечный пистолетъ, заряженный бумажнымъ пистономъ, и охотничій ножъ, вырѣзанный для меня Ванькою изъ мягкаго осиноваго дерева.

Изъ нашихъ сосѣдей чаще всѣхъ насъ навѣщала помѣщица сел. Скрипина Анна Викентьевна Осипова съ двумя дочерми своими, Ольгой и Машей. Ольга была старше насъ, а Машенька моложе, что̀ не мѣшало намъ дружить и играть вмѣстѣ. Скрипино отстояло отъ Лукьянова всего въ полутора верстѣ и представляло собою примѣръ начинавшагося тогда помѣщичьяго оскудѣнія. Мужъ Осиповой служилъ въ провинціи, гдѣ-то на югѣ, и рѣдко навѣщалъ свою семью. Хозяйство держалось Анной Викентьевной, но шло плохо. Ужъ въ то время въ Московской губерніи земледѣліе не давало дохода при скудости почвы, дороговизнѣ рабочихъ рукъ и отсутствіи предпріимчивости,— ни травосѣяніемъ и молочнымъ хозяйствоиъ, ни огородничествомъ тогда еще не занимались. Имѣньице Осиповой въ 150 десятинъ съ хорошимъ березовымъ лѣскомъ и старымъ запущеннымъ садомъ сохранило немного остатковъ прежняго барскаго владычества. Большой домъ давно сгорѣлъ, и сами Осиповы жили въ небольшомъ деревянномъ флигелѣ о четырехъ комнатахъ съ покосившимся крыльцомъ и тесовою крышей. По ту сторону слишкомъ большого для такой усадьбы двора стояли хозяйственныя постройки, и между ними обширная „клуня“, гдѣ среди разнаго стараго хлама хранилась пыльная карета Александровскихъ временъ и, въ дубовыхъ окованныхъ сундукахъ, дѣдовскіе мундиры, порыжелыя военныя шинели, ржавыя шпаги съ стальными эфесами, тяжелые палаши, двуствольные пистолеты съ серебряной насѣчкой, высокія треуголки и черные кивера. Въ жаркіе Іюльскіе дни эти остатки славной эпохи выносились босоногою кухаркою изъ клуни и просушивались на солнцѣ, развѣшанные на веревкахъ и разложенные на травѣ. Но въ домикѣ Анны Викентьевны было чисто, уютно и привѣтливо. Хозяйка, еще не старая женщина, высокая и очень полная съ круглымъ веселымъ лицомъ и двойнымъ подбородкомъ, отличалась неистощимымъ весельемъ, беззаботностью и гостепріимствомъ. Все ее смѣшило, и самыя невзгоды своей тяжелой жизни встрѣчала она съ неудержимымъ смѣхомъ. Разъ тетушка Надежда Александровна застала всю семью Осиповыхъ въ слезахъ: пастухъ только что прибѣжалъ изъ лѣсу сказать, что лучшая корова изъ барскаго стада упала въ канаву и переломала себѣ ноги. Анна Викентьевна утирала слезы, но отъ души хохотала, разсказывая, какъ испуганный пастухъ кланялся ей въ ноги, повторяя: „Корова, Анна Викентьевна! Скотина, Анна Викентьевна!“ пока отъ него не добились, что̀ случилось.

Осиповы жили однѣ въ своемъ домикѣ, а немногочисленный штатъ прислуги ютился за кухнею въ людской. Чтобы оградить себя отъ лихихъ людей, Осипова завела двухъ собакъ овчарокъ, купленныхъ

у Цыгана, которыя днемъ сидѣли на цѣпи, а вечеромъ отпускались на волю. Овчарокъ звали „Колдунъ“ и „Вѣдьма“, и лучшихъ сторожей не было во всей округѣ. Ихъ боялись не только посторонніе, но и своя домашняя прислуга не рисковала ночью выходить изъ людской избы. Громаднаго роста, лохматые и свирѣпые, Колдунъ и Вѣдьма были грозой нищихъ, прохожихъ странниковъ и всякаго бродячаго люда и слушались одной Анны Викентьевны и сельскаго священника Ивана Филиповича, частаго посѣтителя Осиповыхъ.

Какъ Лукьяново, такъ и Скрыпино принадлежатъ къ приходу Михаила Архангела, при селѣ Карповѣ. Когда мы въ первый разъ пріѣхали въ Лукьяново, церковь Михаила Архангела находилась на погостѣ въ полуверстѣ отъ Скрипина, гдѣ стоялъ и домъ священника. Молодой попъ Иванъ Филиповичъ, только-что кончившій Московскую Семинарію и получившій Карповскій погостъ въ приданое за своей попадьей Лисаветой Васильевной, мало подходилъ по своему нраву къ обязанностямъ сельскаго священника. Красивый собой, свѣтлорусый и бѣлолицый, онъ одѣвался франтовато, носилъ бѣлые воротнички и рукавчики съ запонками, подстригалъ волосы и бороду, писалъ стихи, игралъ на гитарѣ, пѣлъ свѣтскіе романсы и цѣлые вечера просиживалъ у Осиповыхъ, читалъ имъ вслухъ Лермонтова и неспѣшно скручивалъ себѣ короткія папиросы изъ тонкой рисовой бумаги. Мы любили Ивана Филиповича за его обходительность, простоту, спокойное достоинство и ровность въ обращеніи. Всегда одинаковый, вѣжливый, безъ всякаго искательства, чистоплотный до педантизма и сдержанный, онъ подкупалъ своимъ умѣньемъ держать себя въ обществѣ. Многіе столичные батюшки могли бы позавидовать его „хорошимъ манерамъ“. Но мужика онъ презиралъ за его грубость и грязь и къ церкви относился довольно равнодушно, хотя служилъ исправно и благочинно.

Бывало, мы отпросимся къ Осиповымъ сейчасъ послѣ обѣда, часовъ въ 5, а Иванъ Филиповичъ уже тамъ, сидитъ въ гостинной на диванѣ съ гитарой и, акомпанируя себѣ, напѣваетъ „Пряди, моя пряха, пряди не лѣнися“ или „На зарѣ ты ея не буди“ и т. п. Часто мы, дѣти, просили его спѣть еще и еще и выучились у него многимъ Русскимъ пѣснямъ, какъ напр. „Въ темномъ лѣсѣ“, „Вотъ на пути село большое“, „Среди долины ровныя,“ и т. п. У Осиповыхъ часто гостили родственники и друзья изъ Коломны и сел. Шкини, кадеты, барышни и юнкера; тогда устраивались веселыя вечеринки, молодежь танцовала, играла въ фанты и веревочку, наряжалась и пѣла хоромъ. Иванъ Филиповичъ принималъ живое участіе во всѣхъ затѣяхъ, но не танцовалъ и только по неотступной просьбѣ закостюмированныхъ гостей на короткое время надѣвалъ длинный бурнусъ Анны Викентьевны и

ея старую шляпу съ вуалью. Сама хозяйка была душой веселья; заражала всѣхъ своимъ смѣхомъ, изображала комическую старуху, играла вальсы и мазурки на разстроенномъ роялѣ, угощала гостей чаемъ съ вишневымъ вареньемъ, сливками и душистыми горячими булочками изъ сладкаго сдобнаго тѣста. Иногда веселье заходило за полночь, и замаскированная компанія проважала насъ съ пѣснями до самаго Лукьянова.

Весьма понятно, что свѣтская жизнь Ивана Филиповича не нравилась старикамъ и причту. Начались сплетни и доносы, и сама попадья Лисавета Васильевна, постоянно беременная и съ подвязанной щекой отъ зубной боли, жаловалась на батюшку сосѣдямъ и видимо его ревновала къ Аннѣ Викентьевнѣ. Слухи пошли уже, что Карповскаго священника переводятъ въ какой-то глухой уголъ; но совершилось чудо, которое измѣнило отношеніе мѣстнаго крестьянства къ Ивану Филиповичу и повліяло на собственный его характеръ. Старуха-просвирня видѣла во снѣ икону Казанской Божіей Матери и пришла къ батюшкѣ повѣдать свой сонъ. Иванъ Филиповичъ прогналъ просвирню съ досадой: „мало-де какіе сны снятся старухамъ!“ Но просвирня не унялась, черезъ нѣсколько дней опять пришла съ тѣмъ же. Нечего дѣлать, послалъ съ ней батюшка пономаря поискать въ притворѣ и на колокольнѣ, не забыта ли гдѣ икона. Но ничего не нашли. Не прошло однако недѣли послѣ этого, сидитъ батюшка въ Скрипинѣ и вертитъ себѣ папироски, бѣгутъ къ нему съ погоста съ странной вѣстью: у дороги на озимомъ полѣ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ сѣялась попова рожь, случился обвалъ, провалилась земля шага въ два шириной въ поперечникѣ и открылся неглубокій колодецъ. Сбѣжался народъ, пришелъ и батюшка: видитъ—дѣйствительно на полѣ у погоста, среди выколосившейся ржи, земля кругомъ осѣла и открыла колодецъ съ водой; видѣнъ и срубъ почти свѣжій, а на водѣ что-то плаваетъ; спустился туда паренекъ на веревкѣ и вынесъ икону Казанской Божьей Матери на доскѣ старыхъ письменъ, нимало не пострадавшую отъ сырости.

Вѣсть о чудесно явленной иконѣ разнеслась вскорѣ по всей округѣ. Съ благословенія Московскаго митрополита образу Казанской Божьей Матери стали служить общественные молебны. Карповскій погостъ сдѣлался мѣстомъ паломничества тысячъ богомольцевъ не только изъ Московской, но и сосѣднихъ губерній. Объявились исцѣленія, десятки кликушъ и калѣкъ потянулись къ святому колодцу. Ивану Филиповичу приходилось служить по 15—20 молебновъ въ сутки, съ утренней до вечерней зари. Замолкла гитара, некогда батюшкѣ и папироску выкурить, о визитахъ въ Скрипино пришлось совсѣмъ позабыть; но не прошло и года, какъ надъ колодцемъ была уже сооружена часовня,

церковь вновь отдѣлана и покрашена масляной краской, ветхая колокольня замѣнена новой съ ярко позолоченнымъ крестомъ, а тамъ и батюшка построилъ себѣ новый домикъ въ три чистыхъ горницы, завелъ сытую лошадку съ плетеной тѣлежкой, выписалъ газету изъ Москвы, подарилъ попадьѣ шелковое платье....

Но этимъ „чудо“ еще не кончилось. По зависти и доносамъ перевели Ивана Филиповича черезъ три-четыре года послѣ явленія иконы въ сосѣднее село Губино, въ бѣдный приходъ, населенный преимущественно раскольниками безпоповскаго толка. Не успѣлъ еще новый священникъ поселиться на Карповскомъ погостѣ, какъ въ жаркій Іюльскій день разразилась сильнѣйшая гроза; молонья ударила въ новую колокольню, и вся церковь сгорѣла до тла. Чудотворную икону едва успѣли вынести изъ горѣвшаго храма, и кромѣ нея почти ничего не осталось отъ всего церковнаго имущества. Замѣчательно, что и церковь Михаила Архангела не возобновилась больше на мѣстѣ сгорѣвшей: крестьяне богатаго села Карпова пожелали устроить новый каменный храмъ*) у своей околицы, туда перенесены были и уцѣлѣвшіе дома причта. На погостѣ осталась одна часовня надъ колодцемъ, и самое паломничество къ нему прекратилось. Только въ праздникъ Казанской Божьей Матери совершаются туда крестные ходы и носятъ явленную икону по Карпову, Скрыпину и Лукьянову въ теченіе трехъ дней, для служенія частныхъ и общественныхъ молебновъ.

И къ намъ, на усадьбу, приносили ежегодно, на другой день послѣ Казанской, святую икону и пѣли молебенъ съ водосвятіемъ у пруда, подъ кленами. На меня въ дѣтствѣ эти молебны производили всегда сильное впечатлѣніе. Ужъ съ утра мы были одѣты въ чистыя праздничныя платья и съ нетерпѣніемъ ждали, когда на лугу будетъ все приготовлено, что̀ нужно для молебна: столъ, покрытый чистой, бѣлой скатертью, на столѣ миска съ водою подъ шитымъ узорами полотенцемъ; рядомъ, на глубокой тарелкѣ, стаканъ; противъ стола, на травѣ, скамья, куда ставилась икона, приносимая въ тяжеломъ кіотѣ, украшенномъ яркими лентами, искусственными цвѣтами и бусами. Наконецъ кто-то кричитъ: „несутъ, несутъ!“ Крестный ходъ съ хоругвями, запрестольнымъ крестомъ, фонаремъ и чудотворной иконой показывается на улицѣ и неспѣшно поворачиваетъ на нашу плотину. Мы съ бабушкой и теткой, прислуга, рабочіе, собираемся во дворѣ, куда сходится за крестнымъ ходомъ и вся деревня: мужики въ сапогахъ и кафтанахъ, бабы и дѣвки разодѣтыя по праздничному, бѣлоголовыя дѣти, старухи, подвязанныя

*) Всѣ образа трехъ-яруснаго иконостаса, кромѣ мѣстныхъ, писаны моей сестрой Евгеніей Андреевной Лукиной.

черными платками, нищіе съ холщевыми торбами, и между ними нашъ „нѣмой“, живущій изъ милости въ Лукьяновѣ въ качествѣ безсмѣннаго подпàска. „Нѣмой“ издали кланяется намъ съ веселой улыбкой на перекошенномъ отъ рожденія угловатомъ лицѣ и машетъ высохшими руками, безпрестанно крестясь и подпрыгивая. Мы боимся Нѣмого, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ насъ смѣшитъ и интересуетъ. Священникъ ровнымъ, привычнымъ голосомъ читаетъ, не раскрывая Евангелія, „Воставши Маріамъ иде въ горняя.....“. Послѣ водосвятія худой и длинный пономарь Иванъ Дмитріевичъ, въ долгополомъ порыжѣломъ сюртукѣ, съ шеею обмотанною толстымъ шарфомъ и съ упрямой низко спадающей прядью выцвѣтшихъ волосъ на лбу, подноситъ бабушкѣ и тетушкѣ святую воду, при чемъ держитъ тарелку съ стаканомъ обѣими руками прямо передъ своимъ лицомъ, наклонивъ голову и не спуская глазъ со святой воды, какъ бы боясь ее пролить. Мы прикладываемся ко кресту, отъ котораго пахнетъ мокрымъ металломъ, и къ блистающей на солнцѣ позолотой, новой ризѣ чудотворнаго образа. Батюшка и отецъ-діаконъ послѣ молебна заходятъ въ домъ выпить наскоро чашку чая, чтобы идти дальше съ крестнымъ ходомъ на деревню.

Изъ другихъ сосѣдей Лукьянова мы вели знакомство только съ Семеновыми и съ Максимовскими барышнями. Ближайшія наши сосѣди Семеновы (мать и дочь) жили почти безвыѣздно въ деревнѣ и поглощены были хозяйственными заботами. Старуха Семенова, маленькая и довольно полная, лѣтъ 65-ти, рѣдко выходила изъ дому и была цѣлый день занята чисткой ягодъ, вареніемъ, соленіемъ и сушеніемъ (въ ея покояхъ всегда пахло яблоками). Дочь ея Лисавета Михайловна, дѣвица лѣтъ сорока, совершенно глухая, отдала себя полевому хозяйству; она вставала раньше рабочихъ и, въ высокихъ мужскихъ сапогахъ и круглой соломенной шляпѣ грибомъ, выходила каждое утро въ поле или на сѣнокосъ, лично занимаясь всѣми мелочами. Бывало, сидитъ у насъ и вдругъ заторопится и начинаетъ прощаться, краснѣя и открывая въ широкой улыбкѣ рядъ крупныхъ, ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ; „Куда вы спѣшите“, удерживаетъ ее тетушка. „Нельзя“, извиняется Лисавета Михайловна, „пора домой масло подливать“. Оказалось, что расчетливая хозяйка сама подливала въ кашу рабочимъ конопляное масло, зная по опыту, что мужикъ держится поговорки „масломъ каши не испортишь“, и когда оно не покупное, любитъ лить его въ кашу „до зе́лена“.

Разговоры ея всегда вертѣлись около хозяйства, и она обыкновенно жаловалась на лѣнь и пьянство рабочихъ, на покражи и потравы, на дороговизну и разныя мелкія хозяйственныя невзгоды: то съ поля два

снопа у нея украли, то свинья подавила десятокъ своихъ же поросятъ, то индюшки поколѣли отъ невѣдомой причины и т. п. Говорить съ ней было, вслѣдствіе ея глухоты, очень трудно; приходилось писать слова на грифельной доскѣ или чертить пальцемъ на ея ладони. Послѣдній способъ давалъ поводъ къ разнымъ смѣшнымъ недоразумѣніямъ; напр. тетушка Надежда Александровна чертитъ ей на ладони „Петербургъ“, а Лисавета Михайловна по первымъ буквамъ уже заключаетъ, что тетушка хочетъ спросить о „пѣтухѣ“ и начинаетъ съ живостью разсказывать о своемъ птичьемъ дворѣ. Для полноты характеристики нужно замѣтить, что Семеновы были люди съ хорошими средствами.

Максимовскія барышни были своего рода „Послѣдніе Могикане“ дореформеннаго помѣщичьяго строя. Я не помню ни ихъ именъ, ни ихъ фамиліи, не могу даже сказать, сколько ихъ было, такъ онѣ были похожи одна на другую: всѣ старыя, тоненькія, съ бархатной ленточкой на шеѣ, въ бѣлыхъ дѣвическихъ платьяхъ съ мелкими оборками, въ митенкахъ и кружевныхъ косыночкахъ, онѣ неумолчно щебетали что-то невнятное, кружились по комнатѣ, показывали намъ старые альбомы съ рисунками, стихами и засушенными листочками, угощали чаемъ съ розовымъ вареньемъ и водили любоваться крохотнымъ цвѣтникомъ и видомъ съ балкона на Чаплыгинскую церковь и большую дорогу; близостью послѣдней къ ихъ имѣнію онѣ очень гордились, также какъ и племянникомъ, юнымъ гусаромъ, служившимъ, кажется, въ Варшавѣ. Пріѣздъ племянника въ деревню хотя и былъ радостенъ, но измѣнилъ тихое теченіе жизни Максимовскихъ барышень. Онѣ жили изо дня въ день, въ родной обстановкѣ двадцатыхъ годовъ, окруженныя преданными старыми слугами изъ своихъ же бывшихъ дворовыхъ, съ которыми онѣ сжились и покумились и внуки которыхъ всѣ считались ихъ крестниками и крестницами. Освобожденіе крестьянъ прошло мимо нихъ незамѣтно; онѣ ни въ чемъ не измѣнили своего прежняго скромнаго но приличнаго помѣщичьяго уклада: одѣвались въ старыя платья, сшитыя полъ-вѣка тому назадъ; кушали, какъ принято было прежде для дѣвицъ, мало и самую легкую пищу; пили много чая съ вареньемъ и лакомились домашними смоквами, пастилами и печеньями. День уходилъ у нихъ на разговоры между собою и съ прислугой, интимною жизнью которой онѣ очень интересовались, на поливку цвѣтовъ передъ балкономъ, на перечитываніе старыхъ писемъ и переборку старыхъ вещицъ и тряпокъ въ комодикахъ, столикахъ и ветхихъ картонахъ, гдѣ хранились обрывки кружевъ и матерій, пожелтѣвшія отъ времени батистовые платки, плюнелевыя башмаки съ ленточками, кошельки, мѣшечки съ сухими лепестками розъ, пустые флаконы отъ духовъ,

коротенькіе вѣера и поблекшія лайковыя перчатки. Весь этотъ хламъ онѣ тщательно пересматривали и бережно перекладывали съ мѣста на мѣсто. Такъ незамѣтно подходилъ вечеръ съ чаемъ, разговорами о деревенскихъ дѣлахъ съ какой нибудь случайно зашедшей крестницей, съ гаданьемъ на картахъ все объ одномъ и томъ-же, когда-же пріѣдетъ погостить на лѣто племянникъ-гусаръ.

И онъ пріѣхалъ молодой, ласковый, красивый, средняго роста, съ черными тонкими усиками, блѣднымъ лицомъ и большими южными глазами. Восторгу, восхищенію тетушекъ не было конца, особенно, когда оказалось, что племянникъ пріѣхалъ на долго. Онѣ не могли налюбоваться на его венгерку и чикчиры, примѣряли передъ зеркаломъ его форменную фуражку съ яркимъ околышемъ, не знали, какъ угодить ему. Но увы, молодой красавецъ пріѣхалъ въ деревню не на радость милыхъ старушекъ: открылось, что онъ страдаетъ неизлѣчимой тяжкой болѣзнью; уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему пришлось ходить на костыляхъ. Здоровье его ухудшалось съ каждымъ днемъ. Не знаю, кто кого пережилъ, племянникъ тетушекъ или наоборотъ; но скоро Максимовская усадьба опустѣла, и самая память о Максимовскихъ барышняхъ испарилась. Онѣ точно ушли въ ту отдаленную эпоху, память о которой сквозила въ каждомъ ихъ словѣ, въ каждомъ движеніи.

Не менѣе грустно кончилась исторія и другого сосѣдняго намъ дворянскаго гнѣзда Скрыпина: Анна Викентьевна Осипова заболѣла, у знакомыхъ въ Коломнѣ, тифомъ и въ нѣсколько дней, почти внезапно, скончалась. Послѣ нея Скрыпино было продано лѣснику Коряпкину за безцѣнокъ и, какъ истинный хищникъ, лѣсникъ свелъ въ первое же лѣто березовую рощу, вырубилъ весь старый липовый садъ и распилилъ домъ и амбаръ на дрова. Куда дѣвались мундиры и кивера Александровскихъ временъ и палаши, которыми предки Осиповыхъ рубили Француза подъ Тарутиномъ, того не могли мнѣ сказать оставшіяся послѣ Анны Викентьевны сиротами Оленька и Мишенька, впослѣдствіи вышедшія замужъ за офицеровъ въ провинціи.

Кто не жилъ съ дѣтства въ деревнѣ не можетъ постичь всей ея прелести. Лукьяново и его окрестности не отличались красотой, но казались намъ необыкновенно привлекательными.

Иногда бабушка Юлія Ѳедоровна предпринимала съ нами поѣздки въ окрестныя села, на ярмарки, или въ Коломну, „за сухой провизіей“, сахаромъ для варенья и т. п. Эти поѣздки доставляли намъ великое удовольствіе. Коломна верстахъ въ 17 отъ Лукьянова по направленію къ Юго-востоку. Чтобы засвѣтло вернуться домой и не томить лошадей

по жарѣ, приходилось выѣзжать рано утромъ, часовъ въ 5. Крѣпко спится въ теплой постелѣ, но при первомъ движеніи въ домѣ вскакиваешь, на скоро умываешься, одѣваешься и бѣжишь въ столовую пить чай. Тамъ бабушка уже собираетъ что нужно въ дорогу: чай, сахаръ, сушки, карамельки, кипяченое молоко въ бутылкѣ дѣтямъ для питья. Лошади поданы и ждутъ у подъѣзда. Въ росистое, свѣжее утро весело выѣзжать за деревенскую околицу. Скотину уже выгнали въ стадо; надъ избами, въ прозрачномъ воздухѣ, поднимаются струйки дыма изъ трубъ; на улицѣ безлюдно и тихо, только пѣтухи перекликаются по дворамъ, да утки мѣрно крякаютъ на прудѣ. А въ полѣ пахнетъ влажной землей, жаворонки заливаются въ овсахъ, утренній вѣтеръ щекочетъ лицо, солнце играетъ на мокрой травѣ и слѣпитъ сонные глаза. Но нельзя спать: слишкомъ радостно на душѣ, хотѣлось бы выпрыгнуть изъ тарантасика и бѣжать рядомъ съ лошадьми, по мягкой дорогѣ, мимо полосъ желтѣющей ржи и зеленаго еще не выколосившагося овса. Вотъ, черезъ Аѳанасьевскій лѣсокъ, подъѣзжаемъ уже къ Мячкову, когда-то принадлежавшему графинѣ Самойловой, а впослѣдствіи отставному штабъ-ротмистру Заливскому, мировому посреднику перваго призыва. За Мячковымъ, верстахъ въ 6-ти, полноводная, глубокая рѣка Сѣверка, на берегу которой раскинулась усадьба нашего посла въ Вѣнѣ Е. Н. Новикова-Непецыно, съ большимъ вѣковымъ паркомъ и старой церковью. А тамъ недалеко уже и до Сандырей, сдѣлавшихся пригородомъ Коломны. Наши уѣздные Великорусскіе города имѣютъ своеобразную прелесть и чѣмъ они захолустнѣе, тѣмъ болѣе въ нихъ поэзіи. Теперь Коломна, благодаря желѣзной дорогѣ и заводу Струве, сдѣлалась большимъ промышленнымъ центромъ; но во время моего дѣтства, лѣтъ сорокъ тому назадъ, она была еще типичнымъ уѣзднымъ городкомъ, чрезвычайно живописно расположеннымъ при впаденіи Москвы рѣки въ Оку. Тутъ издавна славился знаменитый Голутвинъ монастырь, обнесенный высокой каменной стѣной съ башнями и бойницами. Уже издали блестѣли позолоченные куполы и колокольни Коломенскихъ церквей, но самый городъ утопалъ въ садахъ и точно сползалъ по зеленымъ берегамъ къ Москвѣ-рѣкѣ, опоясанный безчисленными огородами. По немощеным улицамъ тянулись покосившіеся, потемнѣвшіе отъ времени тесовые заборы, на поросшихъ низкой ярко-зеленой травой площадяхъ мирно паслись коровы, прохожихъ было мало, извозчиковъ и гостинницъ не было вовсе. Мы останавливались на постояломъ дворѣ на какой-то большой пыльной площади, недалеко отъ собора.

На постояломъ дворѣ пахло дегтемъ, навозомъ и печенымъ ржанымъ хлѣбомъ. Намъ отводилась лучшая комната на верху, куда шла

крутая лѣстница съ скрипучими некрашеными ступенями. Тамъ накрывали передъ диваномъ, подъ большой иконой въ темномъ кіотѣ, столъ пестрою тканьевою скатертью и ставили чайный приборъ со свѣжими Французскими булками. Мы съ удовольствіемъ пили чай и шли за покупками на базарную площадь. Здѣсь мое вниманіе особенно привлекали продавцы лошадей Цыгане въ огромныхъ картузахъ съ черными всклокоченными бородами, окружавшіе заѣзжихъ помѣщиковъ въ форменныхъ фуражкахъ, съ кавалерійскими усами, въ черкескахъ и коломянковыхъ поддевкахъ. Забавно было смотрѣть, съ какой лихостью Цыгане скакали по площади на взъерошенныхъ тощихъ лошадяхъ, настегивая ихъ изо всей силы вожжами. Въ лавкахъ на площади, куда бабушка заходила съ нами покупать банки для варенья, пшеничную муку и патоку, стояли большія черныя бутыли съ конопляным масломъ, лари съ овсомъ и горохомъ, висѣли ужища веревокъ и ременные вожжи, пахло сыромятной кожей, ворванью, мукою и рогожами; стаи голубей подбирали просыпанныя зерна у дверей лабазовъ и сновали между ногами покупателей и молодцовъ. Къ полудню базарная площадь пустѣла, отдѣльные возы стояли тамъ и сямъ съ распряженными лошадьми: должно быть, хозяева ихъ засидѣлись въ харчевняхъ и трактирахъ, пріютившихся кругомъ. Съ полуденнымъ жаромъ на улицы городка спускалось сонное спокойствіе; рѣдкіе прохожіе не спѣша, шли мимо пустынныхъ заборовъ, лавки притворяли свои двери, низенькіе одноэтажные домики на солнечной сторонѣ закрывали свои ставни. Бабушка отдыхала на жесткомъ диванѣ постоялаго двора, закрывъ лицо носовымъ платкомъ отъ мухъ, а мы сидѣли, облокотясь на подоконникъ, и смотрѣли на улицу или выходили на деревянную галерею и наблюдали, какъ внизу во дворѣ мужики запрягали лошадей, увязывали воза и подмазывали изъ лагунокъ съ дегтемъ колёса телѣгъ и тарантасовъ.

Обратный путь въ Лукьяново былъ болѣе утомителенъ: дорога пылила, солнце слѣпило глаза, лошади бѣжали лѣниво, отмахивая хвостами назойливыхъ слѣпней; въ тарантасѣ сидѣть было жарко и неудобно. Возвращались иногда на Андреевку и Степанщино по большой дорогѣ, гдѣ немилосердно трясло, и тарантасъ съ грохотомъ подпрыгивалъ по крупному, неубитому щебню. Наконецъ, сворачивали съ „большака“ на проселокъ и ѣхали веселѣе знакомой дорогой, мимо ржи и овса, на Карпово къ Лукьяновскому рубежу, откуда открывался видъ на деревенскіе зады, прудъ и нашу усадьбу. Тутъ ужъ рукой подать. За плотиной домашнія собаки встрѣчали насъ радостнымъ лаемъ, и на крыльцо выходила тетушка; прислуга бросалась высаживать насъ и

вынимать изъ подъ сидѣнья кульки съ бѣлымъ хлѣбомъ, баранками и мелкимъ сахаромъ: банки, мука и сухая провизія шли въ отдѣльной повозкѣ.

Раза два въ лѣто бабушка предпринимала съ нами поѣздки на деревенскія ярмарки въ Петровское или Сабурово. Петровская ярмарка бывала въ Петровъ день, 29 Іюня, и отличалась многолюдствомъ и оживленіемъ. Пріѣзжали мы обыкновенно къ обѣднѣ и прямо проходили въ церковь, гдѣ шла праздничная служба. Въ церкви мужики въ поддевкахъ и сапогахъ стояли по правую сторону, а бабы по лѣвую. Мы проходили чрезъ толпу молящихся впередъ и становились передъ амвономъ, рядомъ съ деревенской дѣтворой, одѣтой въ чистыя рубашечки и „продуванки“. Служба шла торжественно и чинно; священникъ и діаконъ въ свѣжихъ глазетовыхъ ризахъ, съ пышно расчесанными волосами, не спѣша, произносили молитвенные возгласы; на клиросѣ пѣлъ хоръ мужиковъ довольно складно. Я смотрѣлъ съ любопытствомъ, какъ мужики истово и часто крестились, встряхивая длинными „висками“ *) при каждомъ поклонѣ; какъ псаломщикъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ съ бѣлымъ платкомъ на шеѣ выносилъ изъ алтаря и раздавалъ бабамъ вынутыя просвирки съ поминаніями; какъ какой-то старикъ, въ оловянныхъ очкахъ и засаленной поддёвкѣ, замѣнялъ обгорѣвшія свѣчи у мѣстныхъ иконъ новыми и тушилъ восковые огарки своими корявыми пальцами. Въ церкви было душно, пахло ладаномъ и сапогами, часто кричали грудныя дѣти, и слышно было, какъ звякали мѣдныя деньги у свѣчного ящика. Послѣ молебна весь празднично одѣтый людъ высыпалъ на улицу, гдѣ разставлены были сколоченныя изъ тесинъ лавочки и лари съ разными деревенскими товарами, какъ-то ситцами, головными платками и картузами, чайной посудой, орѣхами, пряниками, Цареградскими стручками и подсолнухами; около возовъ продавались грабли, рѣшета, корцы изъ бересты, лапти, глиняные горшки, крынки и махотки, деревянныя чашки, ложки и солонки. Торговля шла бойко: бабы постарше толпились около возовъ съ горшками, помоложе—у лавокъ съ ситцами; мужики разбирали грабли; дѣти глазѣли на писаные пряники и лубочныя картинки. Бабушка Юлія Ѳедоровна на деревенскія ярмарки ѣздила не безъ практической цѣли—купить посуды для кухни и людской, ситцу для подарковъ женской прислугѣ, холста для половиковъ и фартуковъ. Намъ покупались мелкіе пряники „жамки“ для роздачи дворовымъ дѣтямъ, и глиняныя уточки-свистулки. Помню однажды, проголодавшись на одной изъ такихъ ярмарокъ, зашли мы

*) Въ нашей мѣстности „висками“ называются волосы у мужчинъ.

въ избу, чтобы выпить молока съ чернымъ хлѣбомъ. Хозяйка, немолодая женщина въ повойникѣ и темномъ сарафанѣ, угощала насъ луковникомъ и превкусными ржаными лепешками, еще горячими.

Осталась въ памяти и поѣздка наша съ бабушкой въ село Никитское, вотчину покойнаго Ивана Андреевича Рославлева. Никитское лежитъ при большой дорогѣ, верстахъ въ 10-ти отъ Лукьянова, на ровной, высокой мѣстности. По „большаку“ вытянулись лицомъ къ барской усадьбѣ избы мужиковъ. За небольшой рѣчкой на холмѣ раскинулся старый липовый паркъ, среди котораго возвышается огромный господскій домъ, каменный, двухъэтажный, съ высокими колоннами и боковыми флигелями.

Домъ поразилъ меня своими размѣрами и величественнымъ фасадомъ. Передъ домомъ разбитъ былъ цвѣтникъ, спускающійся терассами къ рѣчкѣ; по другую сторону открывался широкій ровный дворъ, поросшій газономъ съ кругомъ липовыхъ деревьевъ по срединѣ; за дворомъ шелъ паркъ съ прудами и бесѣдками. Принадлежавшее въ то время наслѣдникамъ Рославлева-Веловзорамъ Никитское казалось уже весьма запущеннымъ. Въ главномъ домѣ, внизу, въ одной изъ боковыхъ комнатъ, жилъ управляющій имѣніемъ Андрей Ивановичъ съ своей женой. Они угощали бабушку и насъ чаемъ съ вареньемъ изъ бѣлыхъ вишень и показывали внутреннее убранство комнатъ. Помнится, что меня особенно заинтересовали росписные потолки и стѣны, лѣпная работа карнизовъ и чугунный балконъ, съ котораго открывался чудный видъ на цвѣтникъ, село и окрестныя поля и рощи. Андрей Ивановичъ показывалъ намъ домашній театръ, устроенный въ одномъ изъ боковыхъ флигелей и гардеробную комнату, гдѣ въ шкафахъ изъ краснаго дерева хранились какіе-то старые костюмы чуть не Екатерининскихъ временъ. По преданію, въ Никитскомъ останавливалась для отдыха Великая Императрица въ одно изъ своихъ путешествій изъ Москвы въ Коломну и будто-бы даже изволила нарисовать красками узоръ на стѣнѣ въ одной изъ верхнихъ комнатъ главнаго дома. Въ то время Никитское принадлежало князьямъ Куракинымъ.

Дѣтскія воспоминанія мои о Лукьяновѣ не будутъ полны, если я не упомяну о первомъ моемъ наставникѣ, который прожилъ у насъ, въ деревнѣ, два лѣта (1868 и 1869), для подготовленія меня въ гимназію. Рекомендованный бабушкѣ ея старинной знакомой Варварой Сергѣевной Лаунертъ, мой первый наставникъ, Сергѣй Павловичъ Мечъ пріѣхалъ въ Лукьяново еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцати двухъ. Нынѣ извѣстный въ Москвѣ лекторъ, преподаватель геогра-

фіи и авторъ многихъ интересныхъ географическихъ монографій, Сергій Павловичъ Мечъ въ то время былъ студентомъ-естественникомъ Московскаго университета. Онъ отдавалъ долгъ эпохѣ, увлекался Сѣченовымъ и его „рефлексами головного мозга“, читалъ Бокля, Дрепера и Карла Фохта въ переводѣ, рѣзалъ лягушекъ и подражалъ манерами Базарову изъ „Отцовъ и Дѣтей“. Онъ, если не ошибаюсь, впослѣдствіи даже „пострадалъ“ нѣсколько за слишкомъ смѣлыя сужденія, но, въ сущности, былъ добрѣйшимъ, прекраснѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ. Стараясь быть оригинальнымъ, Мечъ не стригъ волосъ, носилъ во всякую погоду охотничьи сапоги, короткую суконную поддёвку Русскаго покроя и кѣпи съ прямымъ козырькомъ. Длинный, худой, сутуловатый, съ слабой рыжеватой растительностью на подбородкѣ, Мечъ имѣлъ поэтическую душу и необыкновенный даръ слова. Онъ былъ отличнымъ разскащикомъ, и я часами заслушивался его, когда онъ говорилъ о пампасахъ, ковбояхъ, дѣвственныхъ лѣсахъ и Индѣйцахъ. Не внося въ свои разсказы ничего фантастическаго, онъ придавалъ имъ много жизненности; можно было думать, что онъ своими глазами видѣлъ тропическую природу Бразиліи, зеленыя равнины Парагвая и Параны, становища дикихъ апашей и пустынныя плоскогорія Аризоны и Невады. Ему я обязанъ многими чудными часами моихъ дѣтскихъ лѣтъ. Бывало, идемъ съ нимъ въ жаркій полдень, послѣ завтрака, на дальній прудокъ ловить лягушекъ для физіологическихъ опытовъ. Я несу сачекъ, а Сергѣй Павловичъ жестянку, обвязанную тряпкою, чтобы сажать туда пойманныхъ лягушекъ. Дальній прудокъ за садомъ, около лѣса, поросъ осокою и кувшинками. Въ жаркую пору лягушки выползаютъ изъ воды погрѣться на солнышкѣ; ловить ихъ сачкомъ не легко: онѣ чутки и при малѣйшей опасности грузно прыгаютъ въ воду; только и видишь, какъ сверкнутъ на солнцѣ ихъ вытянутыя заднія лапки. Охота наша рѣдко бывала удачною; погулявъ около пруда съ полъ-часа, мы садились гдѣ нибудь на кочкѣ, у куста ракиты, и Сергѣй Павловичъ начиналъ свои вдохновенные разсказы о дальныхъ странахъ. Никогда чтеніе Густава Эмара, Майнъ-Рида и даже Фенимора Купера не доставляли мнѣ такого удовольствія, какъ живыя, образныя рѣчи моего милаго учителя, проникнутыя радостной любовью къ природѣ и всему живому. Навсегда благодаренъ С. П. Мечу за эти незабвенные часы.

Село Лукьяново.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. А. МАЛЕВСКАГО-МАЛЕВИЧА.

Глава пятая*).

Учебные годы.

Бабушка Юлія Ѳедоровна Розова не щадила заботъ и средствъ на наше воспитаніе. Когда мнѣ пришло время поступать въ гимназію, приглашены были опытные преподаватели для подготовленія меня къ экзаменамъ. Съ діакономъ изъ вдовьяго дома проходилъ я курсъ Закона Божія, съ А. П. Кандиновымъ занимался ариѳметикой, географіей и исторіей; съ А. Н. Монастыревымъ—Русскимъ и Латинскимъ языками: уроки Французскаго языка давала мнѣ м-ме Bourgoux, а Нѣмецкій преподавала сама бабушка. Домъ ея въ Скатертномъ переулкѣ обратился за это время въ подобіе школы, и на нашихъ занятіяхъ сосредоточивалось вниманіе нашей воспитательницы. Я учился старательно, хотя не отличался особенными способностями; сестра моя Еничка, напротивъ, показывала менѣе прилежанія, но быстрѣе усвоивала то что̀ заучивала: вообще она была живѣе, здоровѣе и крупнѣе меня. Мы поступили въ учебныя заведенія почти одновременно. Я во второй классъ V классической гимназіи, которая тогда помѣщалась на Пречистенкѣ, въ зданіи 1-й гимназіи, и только на другой годъ послѣ моего поступленія перевелась на уголъ Поварской и Молчановки, у Арбатскихъ воротъ; сестра Еничка въ тотъ же годъ поступила въ женскую гимназію Министерства Народнаго Просвѣщенія близъ Страстного бульвара, гдѣ начальницей была здравствующая понынѣ Надежда Ивановна Соцъ. Оба мы были приходящими, такъ какъ послѣ неудачнаго

*) Первыя главы этихъ Воспоминаній см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1908 (5), 1909 (5), и 1910 (8). П. Б.

опыта съ собственнымъ сыномъ Константиномъ Александровичемъ Розовымъ, бабушка Юлія Ѳедоровна и слышать не хотѣла о закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ; да она и не согласилась бы разстаться съ нами.

Я поступилъ въ гимназію въ 1869 году, когда приходящіе ученики не носили еще мундировъ; форма наша состояла изъ черной суконной двубортной тужурки съ синими петличками на воротникѣ; къ этому полагался черный галстухъ военнаго покроя, черныя длинныя брюки и фуражка также черная съ синимъ суконнымъ околышемъ. Красивая и удобная для дѣтскаго возраста форма эта продержалась однако не долго; первымъ нововведеніемъ явилась замѣна столь обрусѣвшаго головного убора, какъ картузъ, безобразнымъ и холоднымъ зимой Французскимъ кéпи, а затѣмъ, когда я перешелъ въ четвертый классъ, просторныя тужурки наши замѣнились узкими синими мундирами съ стоячимъ воротникомъ и серебряными пуговицами. При этомъ не догадались ввести для занятій болѣе просторное платье, и мы просиживали отъ 9 до 3 часовъ (т. е. по 6 часовъ подъ рядъ) въ наглухо застегнутыхъ мундирахъ съ подпиравшимъ подбородокъ стоячимъ воротникомъ, который обшитъ былъ серебрянымъ галуномъ. Трудно придумать болѣе непрактичную, неэкономную и вредную для подростающаго возраста одежду. Неудачной „формой“ цѣлое поколѣніе молодыхъ людей, затянутыхъ въ гимназическіе мундиры съ утра до вечера, обречено было на узкогрудость, сутуловатость и худосочіе. Въ гимназіи училось немало мальчиковъ, не имѣвшихъ средствъ шить себѣ ежегодно новый мундиръ; нѣкоторые воспитанники носили свой мундиръ два, три года, искусственно препятствуя, такимъ образомъ, развитію грудной клѣтки и плечъ. Не этимъ ли объясняется, что мои современники такъ отстали въ физическомъ (а можетъ быть, и въ иномъ отношеніи) отъ предыдущихъ поколѣній?

Вообще мы любимъ часто мѣнять формы одеждъ, унаслѣдовавъ, вѣроятно отъ Петровскихъ временъ, убѣжденіе, что съ перемѣной этикета, обложки, мѣняется и сущность. Но, по крайней мѣрѣ, въ гимназіяхъ образовательный и умственный уровень не измѣнился къ лучшему отъ вновь введенной при гр. Д. А. Толстомъ формы, какъ не поднялась охота къ изученію Греко-латинскихъ классиковъ отъ послѣдовавшей въ 1871 году перемѣны гимназическихъ программъ. Достойно замѣчанія, что наши отцы, кончившіе среднюю школу въ сороковыхъ годахъ при старыхъ программахъ, охотнѣе чѣмъ мы занимались чтеніемъ древнихъ писателей и лучше понимали ихъ; среди сверстниковъ моего отца можно найти лицъ, не только свободно пи-

савшихъ, но и говорившихъ полатыни по окончаніи одного гимназическаго курса. Такъ называемая „классическая“ реформа графа Толстого застала меня въ четвертомъ классѣ и еще болѣе убѣдила, по личному опыту, что задуманная съ явно политическими задачами реформа не только не достигла цѣли, но способствовала пополненію рядовъ революціи. Непомѣрное увеличеніе програмныхъ требованій по древнимъ языкамъ, въ ущербъ изученію отечественнаго языка и отечественной исторіи; недовѣріе къ педагогическому персоналу и введеніе формалистики въ экзамены повели къ тому, что менѣе способные или менѣе приспособляющіеся ученики начали отставать уже въ среднихъ классахъ и потомъ постепенно выталкивались изъ гимназіи на улицу. Особенно замѣтно было это грустное явленіе въ первые года примѣненія Толстовскихъ строгостей. Въ 1876 году изъ 36 учениковъ, поступившихъ со мной во второй параллельный классъ пятой гимназіи, до восьмаго класса дошло только 5 человѣкъ! Прочіе частью отстали въ другихъ классахъ, а частью повышли изъ гимназіи, не одолѣвъ „Курціуса“ и „срѣзавшись“ на „экстемпорале“.

Насколько мнѣ помнится, въ моемъ классѣ не было ни одного ученика, который занимался бы охотно изученіемъ древнихъ языковъ, что̀ объясняю себѣ, главнымъ образомъ, дурно составленной схоластической программой, направленной не на литературную сторону, а почти исключительно на грамматическую. Изучался не безсмертный духъ классиковъ, не пластика ихъ, а анатомическое строеніе ихъ слога и начертанія по рецептамъ нѣмецкихъ шульмейстеровъ. Другая причина всеобщей не любви къ древнимъ языкамъ крылась въ крайне недостаточномъ подборѣ преподавателей.

Но, въ этомъ отношеніи я долженъ оговориться: у насъ въ гимназіи былъ одинъ весьма выдающійся преподаватель Греческаго языка, Болгаринъ Ксенофонтъ Ивановичъ Жинзифовъ. Едва ли есть такая другая область человѣческой дѣятельности, гдѣ требовалось бы больше таланта, призванія и любви, какъ въ дѣятельности педагогической. Къ сожалѣнію, обыкновенно преподаватели принадлежатъ у насъ, по степени даровитости, къ среднему уровню, вѣроятно потому, что трудъ педагоговъ плохо оплачивается. Но за то, если между ними найдется одинъ истинно-даровитый, то онъ творитъ чудеса: ученики ловятъ каждое его слово и подчиняются его обаянію. Тогда нѣтъ способныхъ и неспособныхъ, внимательныхъ и разсѣянныхъ, прилежныхъ и лѣнивыхъ: весь классъ, какъ одинъ человѣкъ. Такимъ рѣдкимъ даромъ педагога-учителя въ лучшемъ значеніи слова обладалъ К. И. Жинзи-

фовъ. Онъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ въ Славянофильскомъ кружкѣ, какъ горячій сторонникъ освобожденія Славянъ отъ Турецкаго ига. Поэтъ, ораторъ и писатель, Жинзифовъ горѣлъ постоянно какимъ-то внутреннимъ вдохновеніемъ и умѣлъ дѣйствовать на окружающихъ своей неподдѣльной восторженностью. Самая внѣшность его тому способствовала: сухой, угловатый, съ темнымъ, рѣзко очерченнымъ лицомъ, черными, горящими глазами и шапкою жесткихъ черныхъ волосъ, Жинзифовъ смотрѣлъ отчаяннымъ головорѣзомъ. Его громовый голосъ, порывистая рѣчь, рѣзкія движенія въ первую минуту внушали недовѣріе, но скоро это чувство смѣнялось у насъ, его учениковъ, не только уваженіемъ и любовью, но даже поклоненіемъ. Это былъ человѣкъ добрѣйшаго сердца, благородный, прямодушный, готовый на всякое самопожертвованіе. Свои заработки онъ посылалъ домой угнетеннымъ своимъ сородичамъ, оставляя себѣ лишь столько, чтобы жить одинокимъ въ маленькой комнаткѣ, въ домѣ діакона церкви Федора Студита, что̀ у Никитскихъ воротъ.

Жинзифовъ былъ отличнымъ знатокомъ Греческаго языка, великолѣпно читалъ Гомера и переводилъ его намъ бѣгло, часто рифмуя строфы стихами. Его уроки сдѣлались скоро для насъ истиннымъ наслажденіемъ: мы стали впервые догадываться, почему Гомеромъ восхищаются и какая въ немъ кроется прелесть. Къ сожалѣнію, Жинзифовъ преподавалъ намъ только въ двухъ старшихъ классахъ VII и VIII-мъ, вообще не долго оставался въ V-ой гимназіи, откуда скоро вышелъ по какимъ-то непріятностямъ. Говорили, будто начальство округа смотрѣло неодобрительно на его политическую дѣятельность въ Славянскомъ Комитетѣ, находя ее не совмѣстимою съ обязанностью педагога. Какъ извѣстно, въ 1878 г. послѣ Берлинскаго конгресса, и самъ пресѣдатель Славянскаго Общества Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ былъ высланъ изъ Москвы.

Не меньшей любовью и уваженіемъ пользовался у насъ другой нашъ преподаватель, Егоръ Васильевичъ Бѣлявскій, обучавшій насъ въ старшихъ классахъ Русской словесности. Е. В. Бѣлявскій былъ человѣкъ весьма замѣчательный. Онъ соединялъ съ строгимъ, критическимъ умомъ, твердый, спокойный характеръ и рѣдко внушительную внѣшность. Отечественный языкъ онъ зналъ въ совершенствѣ. Крайне взыскательный и неумолимо строгій, Егоръ Васильевичъ вносилъ въ преподаваніе своего предмета нравственный элементъ, дѣйствуя на насъ не только своими глубокими литературными познаніями, ясною логикою ума и образнымъ словомъ, но и своею личностью. Въ немъ

чувствовался сильный, крупный человѣкъ, хорошо уравновѣшенный и обладающій неисчерпаемымъ запасомъ спокойнаго, здраваго смысла. Все искуственное, неискреннее, надуманное и напыщенное было ему противно; всякій дешевый успѣхъ, всякій зазывъ осуждались имъ въ литературѣ, какъ недобросовѣстность и грубая пошлость. Онъ привилъ намъ свой вкусъ къ простотѣ слога, къ ясности мысли и безъискуственности; онъ училъ насъ читать и стихи такъ, какъ прозу, отнюдь не на распѣвъ, что всегда смѣшно, если читающій не обладаетъ артистическимъ умѣньемъ владѣть своимъ голосомъ, а это дается рѣдко даже завзятымъ искусникамъ чтецамъ. Разбирая передъ классомъ наши ученическія сочиненія, Бѣлявскій научилъ насъ отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ словѣ, разбирать каждый оборотъ рѣчи. Онъ бичевалъ ѣдкими замѣчаніями неудачныя или неуклюжія выраженія нашихъ письменныхъ работъ и особенно высмѣивалъ въ нихъ всякую фальшь, туманность, ходульность и расплывчивость; онъ прежде всего требовалъ правды и простоты. Любимыми его писателями были Пушкинъ, Гоголь и Бѣлинскій, произведенія которыхъ онъ зналъ въ совершенствѣ. Мы очень любили его уроки, хотя тотъ изъ насъ, сочиненіе котораго онъ читалъ въ классѣ, готовъ былъ иногда провалиться сквозь полъ отъ его насмѣшливой критики, которая была не сухимъ разборомъ ученической прозы, а настоящимъ испытаніемъ умственнаго и нравственнаго уровня ученика, своего рода examen de conscience. Ни одинъ изъ преподавателей V-й гимназіи, ни почтенный нашъ директоръ Н. О. Эминъ, ни даровитый учитель математики (онъ же инспекторъ) Дм. Ѳед. Назаровъ не имѣли такого вліянія на учениковъ, какъ Бѣлявскій; но онъ никогда не пользовался этимъ для личныхъ цѣлей или для снисканія себѣ извѣстности: такая мелочность была не въ его честной натурѣ. Я былъ счастливъ считать себя въ числѣ его лучшихъ учениковъ и если я вынесъ какія либо дѣйствительныя познанія изъ гимназическаго курса, то это главнымъ образомъ по его предмету. Изъ его рукъ мы вышли „грамотными“, и въ этомъ его великая заслуга.

По лицу Е. В. Бѣлявскій походилъ на Льва Толстого, но былъ громаднаго роста, прямой и широкоплечій. Егоръ Васильевичъ имѣлъ видъ настоящаго „наставника“. Спокойный взглядъ изъ подъ густыхъ, нависшихъ бровей, блѣдное, рѣдко улыбавшееся лицо, окаймленное широкою бородой, густые назадъ откинутые волосы, низкій голосъ, медлительныя движенія и неспѣшная походка: все въ немъ давало невольно чувствовать сильную, недюжинную личность. Мы не смѣли и подумать поболтать или пошалить у Егора Васильевича на урокѣ. Онъ никогда не волновался и не сердился, никогда не возвышалъ

голоса, но страшно было и подумать, что онъ можетъ разсердиться или обидѣться нашимъ невниманіемъ: мы сидѣли, не сводя съ него глазъ и ловили каждое его слово.

Е. В. Бѣлявскій былъ впослѣдствіи директоромъ Рижской гимназіи и закончилъ служебную дѣятельность въ качествѣ члена Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Онъ скончался въ 1906 г. и похороненъ въ С.-Петербургѣ. Послѣ него остался замѣчательный трудъ подъ заглавіемъ: *„Полъ-вѣка педагогической дѣятельности“*.

Было бы несправедливо умолчать, что предшественникъ Е. В. Бѣлявскаго въ преподаваніи намъ Русскаго языка, давшій намъ первый толчекъ къ сознательности, былъ извѣстный Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ, сочинитель столь распространенной грамматики Русскаго языка (онъ занимался съ нами еще во второмъ классѣ). Какъ теперь вижу его высокую, худую фигуру, въ форменномъ вицъ-мундирѣ и свѣтло-сѣрыхъ брюкахъ, шагающую по классной комнатѣ; бросая на насъ, малышей, добродушные взгляды сверхъ круглыхъ, синихъ очковъ, Александръ Ивановичъ терпѣливо диктовалъ намъ изъ своей книги разныя мудреныя по правописанію фразы, въ родѣ: „наѣздникъ подъѣхалъ къ подъѣзду“ или: „Товарищъ, дай мнѣ плащъ и мечъ“ и т. п. Онъ первый заставлялъ насъ думать и первый вдохнулъ въ насъ любовь къ родному слову и его творцамъ. Кирпичниковъ былъ отличнымъ чтецомъ и прекрасно читалъ намъ басни Крылова.

Въ честь А. И. Кирпичникова я сочинилъ шуточный диктантъ въ стихахъ на букву Ѣ, который начинался такъ:

Бѣдный, блѣдный, бѣлый бѣсъ
Отъ сѣдой свирѣпой вѣдьмы
Побѣжалъ въ сосѣдній лѣсъ;
Вѣрно, вѣшаться хотѣлъ
Ужъ на вѣтвь покрѣпче сѣлъ,
Да замѣтилъ въ далекѣ
Бѣлку рѣзвую въ гнѣздѣ и т. д.

Совершенный контрастъ Жинзифову, Кирпичникову и Бѣлявскому представлялъ преподаватель латинскаго языка Владимиръ Григорьевичъ Зубковъ. Молодой, бѣлокурый, съ вьющимися волосами, розовыми щечками и голубыми глазками, Зубковъ, напоминавшій наружностью вербнаго херувима, не обладалъ ни талантливостью, ни характеромъ педагога. Отличный знатокъ латинскаго языка и самъ составитель толстаго учебника, заимствованнаго у Нѣмцевъ, Зубковъ не вносилъ въ свое преподаваніе той искры Божіей, которая только и можетъ ожи-

вить столь сухую матерію, какъ изученіе мертваго языка. Между тѣмъ Зубковъ главной своей цѣлью ставилъ преподаваніе намъ разныхъ грамматическихъ тонкостей, въ родѣ наприм., различіе между „ut consecutivum“ и „ut finale“. Чтеніе классиковъ было отодвинуто имъ на второй планъ: мы твердили Энеиду, переводили съ грѣхомъ пополамъ рѣчи Цицерона и оды Горація, но Зубковъ не останавливалъ нашего вниманія на художественныхъ красотахъ Римской литературы и еще менѣе знакомилъ насъ съ философской основой Римскаго просвѣщенія. Главною задачею его было выполнить программу, вкропить въ нашу память нѣсколько десятковъ выдуманныхъ Нѣмецкими шульмейстерами грамматическихъ правилъ. Большую часть времени мы проводили въ изученіи неправильныхъ глаголовъ, прибѣгая для этого нерѣдко къ механическому пріему запоминанія. Напр., чтобы выучить глаголы: necto, divido, claudo, caedo, vado, ludo, нужно было запомнить глупую фразу: „нѣкто дѣвица Клавдія цѣдила воду людямъ“. Не мало мучилъ насъ Зубковъ и писаніемъ „экстемпорале“. Бывало сидишь, согнувшись надъ партой, передъ листомъ бумаги и стараешься возможно вычурнѣе изложить на латинскомъ языкѣ тяжеловѣсныя фразы, которыя диктуетъ намъ Зубковъ изъ своего учебника. „Сыновьямъ Тарквинія былъ данъ изъ глубины пещеры оракулъ“, или „Катилина вонзилъ Цицерону мечъ въ бокъ“, или „я не сомнѣваюсь, что буду подвергнутъ остракизму“, и т. п. Увы, надо сознаться, что труды В. Г. Зубкова пропали у насъ даромъ: мы не научились ни писать по латыни, ни понимать Цицерона въ подлинникѣ, а въ стихахъ Виргилія не всегда соблюдали „цезуру“ и плохо отличали „prothesis“ отъ „apotheosis“, и это при 8 часовыхъ урокахъ въ недѣлю. Безъ сомнѣнія, если бы латинскій языкъ преподавался въ гимназіяхъ по системѣ изученія живыхъ языковъ, то мы всѣ бы, вѣроятно, свободно говорили по латыни на 8-ой годъ, но мы ограничивались прохожденіемъ министерской программы...

Не могу умолчать также о нашемъ молодомъ преподавателѣ естественной исторіи Василіи Ѳедоровичѣ Ошанинѣ, у котораго мы проходили курсъ зоологіи во II-мъ классѣ и ботаники въ III-мъ. В. Ф. Ошанинъ умѣлъ заинтересовать насъ своимъ предметомъ, и можно было только пожалѣть, что самостоятельное преподаваніе естественной исторіи было оставлено при введеніи, по программѣ графа Д. А. Толстого, усиленнаго „pensum“ древнихъ языковъ. В. Ф. Ошанинъ тогда же оставилъ V-ю гимназію и предался вполнѣ научной дѣятельности. Въ настоящее время онъ состоитъ дѣятельнымъ членомъ Географическаго Общества.

Нужно отдать справедливость нашему гимназическому начальству: оно не сочувствовало учебному плану Толстовской реформы[1]). Особенно слѣдуетъ это сказать про почтеннаго директора V гимназіи Н. О. Эмина[2]), который самъ былъ извѣстнымъ лингвистомъ.

Когда я, мальчикомъ 14 лѣтъ, впервые увидалъ нашего гимназическаго директора, то, признаюсь, мнѣ стало какъ-то жутко; мы сидѣли въ классѣ у одного изъ любимѣйшихъ нашихъ учителей, преподавателя географіи Андрея Леонардовича Линберга (составителя учебниковъ и атласовъ, по которымъ и понынѣ учатся цѣлыя поколѣнія). А. Л. Линбергъ былъ представителенъ, хорошъ собой и краснорѣчивъ; онъ плѣнялъ насъ своими живописными разсказами о дальнихъ странахъ. Помню, какъ сейчасъ, что онъ, говоря о сѣверной Италіи, въ яркихъ краскахъ описывалъ намъ красоты Венеціанскихъ дворцовъ и каналовъ. Неожиданно дверь отворилась и въ классъ вошелъ вновь назначенный къ намъ директоръ Н. О. Эминъ. Это былъ почти карликъ лѣтъ 60-ти, необыкновенно крупнаго тѣлосложенія, плотный, широкоплечій, съ большой, совершенно лысой, головою, которая кверху суживалась, и съ длинными волосатыми руками. Изъ подъ черныхъ, рѣзко очерченныхъ бровей глядѣли сквозь золотые очки проницательные глаза съ шафрано-желтыми бѣлками; такого же цвѣта широкое лицо съ мясистымъ восточнымъ носомъ, окаймлялось коротко подстриженными сѣдыми бакенбардами; массивный бритый подбородокъ лежалъ на туго накрахмаленномъ воротничкѣ. Директоръ былъ одѣтъ не только чисто, но изысканно, въ свѣжій вицъ-мундиръ со звѣздою: на глубоко вырѣзанномъ жилетѣ блестѣла золотая цѣпочка часовъ со множествомъ брелоковъ, которые звенѣли при каждомъ его движеніи. Медленно войдя въ классъ и слегка кивнувъ намъ головою, онъ сѣлъ на пододвинутый ему стулъ и рѣзкимъ носовымъ голосомъ сказалъ смущенному Линбергу: „Прошу продолжать“.. Мы притихли и съ любопытствомъ смотрѣли на страшнаго посѣтителя. Особенно поражала непропорціональность его роста и фигуры, его смуглый южный цвѣтъ кожи, тонкія, едва очерченныя губы и длинные, загнутые внутрь, какъ у хищной птицы, острые ногти. Но когда мы ближе узнали Никиту Осиповича, то поняли, что при своей необыкновенной, наводящей

---

[1]) Выраженіе не совсѣмъ точное: творцемъ этой реформы былъ П. М. Леонтьевъ, товарищъ (по Дворянскому Институту) графа Д. А. Толстаго. П. Б.

[2]) Н. О. Эминъ не былъ счастливъ въ жизни семейной. Онъ рано лишился жены своей (дочери Московскаго оберполиціймейстера Шульгина), а единственный сынъ ихъ повредился въ умѣ. Скончался Эминъ 13 Декабря 1890 г. и погребенъ на Армянскомъ въ Москвѣ кладбищѣ.

ужасъ внѣшности, онъ обладалъ золотымъ сердцемъ и благороднымъ, въ высшей степени справедливымъ характеромъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ джентельменъ, хотя замкнутый и холодный, но въ глубинѣ души добрѣйшій и благожелательный. Лично я вспоминаю Н. О. Эмина съ чувствомъ искренней благодарности. Онъ много содѣйствовалъ успѣшному окончанію мною курса гимназіи; изъ его рукъ я получилъ, при переходѣ въ университетъ, золотую медаль; „Преуспѣвающему“.

Всю свою долгую жизнь посвятилъ Эминъ филологической наукѣ, и въ мірѣ востоковѣдовъ извѣстенъ, какъ отличный знатокъ древней Армянской исторіи и словесности. Предметъ этотъ онъ читалъ въ Московскомъ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ, гдѣ былъ ординарнымъ, а потомъ заслуженнымъ профессоромъ. Уже будучи въ университетѣ, я и нѣкоторые мои товарищи посѣщали иногда Н. О. Эмина и вели съ нимъ бесѣды объ университетской жизни и научныхъ предметахъ. У него была огромная историко-филологическая библіотека. изъ которой мы, съ его разрѣшенія, пользовались рѣдкими книгами.

Пятую гимназію часто посѣщало высшее учебное начальство. Когда я поступилъ во 2-й классъ, попечителемъ округа былъ князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ. Онъ былъ великъ ростомъ, тученъ и важенъ, пріѣзжалъ къ намъ на утренніе уроки въ вицъ-мундирѣ, въ звѣздахъ, съ орденомъ на шеѣ, и заходилъ во всѣ классы. Его сильно побаивались, хотя онъ, кажется, былъ очень смирнымъ человѣкомъ. Его сановитая фигура, большое, бритое, нахмуренное лицо съ оттопыренными губами и густой голосъ устрашали насъ, и нашихъ учителей и надзирателей. Рѣже посѣщалъ насъ его помощникъ, князь Николай Петровичъ Мещерскій, высокій, изящный, очень схожій усами, бакенбардами и прическою съ портретами императора Александра Николаевича. Князь Мещерскій также говорилъ басомъ и хмурилъ лобъ, но трепета къ себѣ не внушалъ. Когда я былъ въ V-мъ классѣ, насъ посѣтилъ и самъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. О пріѣздѣ министра узнали въ гимназіи заранѣе и усиленно чистили дверныя ручки, печныя задвижки и оконные приборы, натирали воскомъ полъ, сметали паутину; словомъ, готовились, какъ въ такихъ случаяхъ полагается, достойно встрѣтить начальство. Наконецъ, министръ пріѣхалъ и всѣхъ насъ разочаровалъ. Мы ожидали видѣть въ немъ соединеніе величавости Ширинскаго-Шихматова съ изяществомъ князя Мещерскаго, а вмѣсто того увидали невзрачнаго господина средняго роста, худощаваго и сутуловатаго, съ желчнымъ нездоровымъ цвѣтомъ лица

и жандармскими усами. Особенно непріятно поражали его холодные, безбровые глаза, подъ которыми висѣли мѣшками складки темной, морщинистой кожи. Министръ былъ въ бѣломъ галстухѣ и синемъ вицъ-мундирѣ, съ жемчужными запонками на груди, но безъ орденовъ. Онъ постоялъ у насъ въ классѣ съ минуту, спросилъ глухимъ, сиповатымъ голосомъ, что̀ мы проходимъ и, пожавъ учителю руку (чего никогда не дѣлалъ кн. Ширинскій-Шихматовъ), шаркнулъ намъ ногою и вышелъ въ сопровожденіи гимназическаго начальства.

При всемъ нашемъ уваженіи къ почтенному нашему директору его чрезмѣрно малый ростъ, его какъ изъ желтаго воска вылитый черепъ, его привычка выговаривать слова въ носъ, и пр. служили у насъ въ гимназіи предметомъ безчисленныхъ шутокъ, забавныхъ разсказовъ и болѣе или менѣе фантастическихъ анекдотовъ. Такъ я съ моимъ товарищемъ по классу и другомъ кн. Николаемъ Владимировичемъ Шаховскимъ (впослѣдствіи начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати) сочинили о происхожденіи нашего директора цѣлую легенду въ формѣ драматическаго произведенія, подъ курьезнымъ названіемъ: „Судъ надо мною“. Согласно этой легендѣ, Н. О. Эминъ былъ современникомъ Ноя, помогалъ ему строить ковчегъ, но не попалъ туда за невозможностью подъискать ему пару во всей твари. Однако ему удалось спастись во время всемірнаго потопа въ резиновой галошѣ учителя словесности Е. В. Бѣлявскаго, въ которой онъ переплылъ Индѣйскій океанъ и пристalъ, подобно Ною, но не на Араратѣ, а на Арбатѣ, гдѣ помѣщается пятая гимназія. Здѣсь онъ скрылъ свое происхожденіе и самозванно объявился директоромъ, за каковый проступокъ и былъ привлеченъ къ суду педагогическаго Совѣта. Одноактная драма наша начиналась именно сценою этого судилища, гдѣ свидѣтелемъ являлся самъ Бѣлявскій, а въ качествѣ вещественнаго доказательства фигурировала его громадная, допотопная калоша. Этимъ вздоромъ мы тѣшились, какъ малые дѣти. Здоровые физически и морально юноши, 16—18 лѣтъ, очень склонны выдумывать и говорить всякій вздоръ, чтобы посмѣшить себя и другихъ своей, идущей черезъ край жизнерадостностью. Этотъ веселый переходный возрастъ я и ближайшіе друзья мои и товарищи кн. Николай Шаховской и Александръ Ивановичъ Пелопидасъ переживали въ VI—VIII классахъ гимназіи. Особенно неудержимымъ весельемъ отличался кн. Шаховской. Въ товарищескомъ кружкѣ онъ сыпалъ остротами, шутками и шаржами, иногда довольно нецензурнаго свойства. Съ годами и жизненнымъ опытомъ свойственное юношамъ радостное настроеніе обыкновенно, проходитъ; но у Шаховскаго оно удержалось до зрѣлаго возраста и проявлялось

подъ-часъ въ крайне-забавныхъ формахъ. Въ гимназіи я сидѣлъ съ нимъ рядомъ на партѣ, а вечеромъ мы часто собирались то у меня, то у него, чтобъ вмѣстѣ готовить уроки. Само собою разумѣется, что бо́льшая часть вечера уходила у насъ на болтовню и шуточныя импровизаціи въ лицахъ. Начинали какой нибудь фантастическій разсказъ про гимназическое начальство, настроеніе поднималось, и мы договаривались до такихъ глупостей, что катались со смѣху.

Немало забавляли насъ преподаватели Исторіи Федоръ Эммануиловичъ Будде и учитель Нѣмецкаго языка Николай Ѳомичъ фонъ-Рейссъ. Первый—разъ вздумалъ прочесть намъ, ученикамъ V класса, главу изъ Ѳукидида по гречески, когда мы лишь съ трудомъ разбирали „Memorabilia“ Ксенофонта. Если бы мы и отлично знали Греческій языкъ, то и тогда, навѣрное, не поняли бы ни слова изъ того, что̀ читалъ намъ г. Будде, такъ невнятно было его произношеніе, вдобавокъ еще онъ читалъ по „Рехлину“, а мы учились по „Эразму“. Каковъ же былъ смѣхъ въ классѣ, когда онъ предложилъ одному изъ насъ повторить „своими словами“ прочитанную имъ главу „Исторіи Пелопонесской войны“. Добрый нашъ Нѣмецъ фонъ-Рейссъ былъ чувствителенъ и любилъ читать стихотворенія Шиллера: а говоря по русски, усвоилъ себѣ привычку кстати и не кстати повторять—фотъ (вотъ) и фить (вѣдь). Эти слова онъ вставлялъ и въ Шиллера. Напримѣръ читалъ онъ знаменитый монологъ Маріи Стюартъ такимъ образомъ:

Eilende Wolken.
Segler der Lüfte!
фить Wer mit euch wanderte.
фить Wer mit euch schiffte!

Наше веселое времяпрепровожденіе не помѣшало намъ, однако, идти первыми учениками, и мы оба, а также другъ нашъ А. И. Пелопидасъ записаны въ V гимназіи на мраморную доску.

Патріархальное семейство князей Шаховскихъ жило въ то время въ Москвѣ, на Спиридоновкѣ, въ собственномъ домѣ. Оно состояло изъ старика отца-князя Владимира Львовича, матери—княгини Александры Павловны и трехъ сыновей: старшаго Льва, средняго Сергѣя и младшаго Николая. Два старшихъ были студентами Московскаго университета, а младшій учился со мной въ V гимназіи. Я часто посѣщалъ симпатичный, старозавѣтный особнякъ Шаховскихъ и провелъ въ немъ много пріятныхъ часовъ моей первой юности. Бывало, придешь къ Шаховскимъ часовъ въ 8 вечера и позвонишь у крыльца, во дворѣ, въ старинный подвѣсный колокольчикъ. Дверь отворяетъ

старый слуга Михалычъ, въ потертомъ сюртукѣ съ барскаго плеча, небритый, взъерошенный, съ небрежно завязаннымъ галстухомъ, но привѣтливый и фамильярно добродушный. Черезъ освѣщенную стѣнными лампами залу и узкій корридоръ поднимаешься по деревянной лѣстницѣ на верхъ, къ молодымъ людямъ. Тамъ, въ уютныхъ, жарко натопленныхъ комнатахъ, живутъ: налѣво—Левъ и Сергѣй, направо въ боковой комнатѣ съ окнами на сосѣдній дворикъ, Николай. Я часто заставалъ его у большого класснаго стола, обитаго черной клеенкой, уткнувшаго близорукіе глаза въ учебники и тетрадки. Но стоило мнѣ показаться на порогѣ, книги летѣли въ уголъ и начиналась веселая товарищеская бесѣда, длившаяся иногда до полуночи. Нерѣдко къ намъ присоединялся Пелопидасъ, (прислуга Шаховскихъ переиначила Пелопидаса въ *Пилософа*), и разговоръ нашъ принималъ болѣе серьезный характеръ. Толковали о литературѣ, строили планы будущаго. Уже въ VII классѣ было рѣшено, что я поступлю на юридическій факультетъ, князь Шаховской на словесный, а Пелопидасъ на медицинскій. Такъ впослѣдствіи и было, но различіе спеціальностей насъ не разъединяло. Князь Шаховской былъ очень музыкаленъ, и мы иногда спускались изъ его учебной комнаты внизъ въ залу „музицировать“. Князь Шаховской бѣгло игралъ по слуху отрывки оперъ и вальсовъ и пѣлъ романсы. Старшихъ его братьевъ мы видѣли рѣдко: взрослые молодые люди—студенты на насъ, школьниковъ, глядѣли съ высока и рѣдко удостоивали своими разговорами. Зато старики относились къ намъ очень радушно и ласково. Князь Владимиръ былъ человѣкъ дореформеннаго вѣка; онъ когда-то служилъ на Кавказѣ, но не сохранилъ военной осанки: высокій, плотный, широкоплечій, совершенно лысый, съ большой окладистой сѣдой бородой и съ серебряной табакеркой въ рукахъ, онъ носилъ широчайшіе сюртуки и беззвучно ступалъ въ мягкихъ сапогахъ. Князь любилъ общество молодежи и, отличаясь неистощимымъ юморомъ, забавлялъ насъ часто своими анекдотами и смѣшными словечками. Онъ былъ большой любитель Русской музыки и самъ охотно пѣлъ съ нами хоромъ „Среди долины ровныя“ или высокимъ старческимъ фальцетомъ выводилъ строфы изъ романсовъ Варламова и Гурилева. Забывая слова своихъ любимыхъ пѣсенъ, князь записывалъ ихъ на отдѣльныхъ листочкахъ и носилъ въ бумажникѣ: когда, бывало, начнетъ пѣть подъ звуки рояля, то вынетъ изъ кармана листокъ и слѣдитъ за текстомъ романса. При этомъ происходили иногда забавныя недоразумѣнія: рояль играетъ напр. музыку къ романсу „На зарѣ туманной юности“, а князю попадается въ бумажникѣ листокъ съ словами: „Ты скажи, зачѣмъ душа дѣвица“, и онъ удивляется, отчего никакъ не можетъ попасть въ тактъ.

Добрѣйшая княгиня Александра Павловна души не чаяла въ своемъ мужѣ; всѣ мысли, всѣ заботы ея сосредоточивались на немъ. Дѣти ея (взрослые три сына) богатыри давно головой переросли свою тщедушную „мамашеньку“, и она, видимо, сторонилась отъ ихъ слишкомъ порывистыхъ ласкъ и затыкала уши, когда надъ ней раздавался ихъ раскатистый смѣхъ. Окруженная дóма шумной мужской компаніей, княгиня любила уходить въ дальнюю комнату къ своему попугаю и прижавшись къ стѣнкѣ дивана и покуривая папиросу, раскладывала пасьянсъ, при участіи прожившей полвѣка въ домѣ экономки изъ дворянъ Анны Андреевны, а тѣмъ временемъ князь Владиміръ въ сосѣднемъ кабинетѣ игралъ „по маленькой“ пульку за пулькой съ своими постоянными партнерами: отставнымъ генераломъ Сорокинымъ, сосѣдомъ Милоховымъ и братомъ княгини—Александромъ Павловичемъ Ефремовымъ.

А. П. Ефремовъ жилъ у Шаховскихъ въ отдѣльномъ помѣщеніи. Мы, мальчики, любили заходить къ нему въ кабинетъ и всегда заставали его за работой: онъ цѣлыми днями сидѣлъ за переводомъ иностранныхъ сочиненій объ островѣ Мадагаскарѣ. которымъ особенно занимался. Этому отдаленому острову А. П. Ефремовъ посвятилъ всѣ послѣдніе годы своей жизни. Огромный, компилятивный трудъ его, къ сожалѣнію, остался неизданнымъ. Не думалъ ли А. П. Ефремовъ, что Мадагаскаръ можетъ сыграть немалую роль въ Индѣйскомъ океанѣ, какъ опорная морская база противъ Индіи*).

Въ шестидесятыхъ годахъ А. П. Ефремовъ, ученикъ знаменитаго Риттера, читалъ курсъ географіи въ Московскомъ университетѣ. Но если не ошибаюсь, каѳедра эта почему-то была вскорѣ закрыта, о чемъ нельзя не пожалѣть. Оставшись не у дѣлъ, А. П. Ефремовъ доживалъ свой вѣкъ на Спиридоновкѣ, въ домѣ сестры, раздѣляя время между Мадагаскаромъ и семейною пулькой. Кабинетъ его былъ обращенъ въ библіотеку и сверху до низу заставленъ полками съ книгами; по срединѣ комнаты стоялъ огромный, заваленный бумагами и географическими картами письменный столъ, за которымъ старикъ работалъ. Свои черновики онъ писалъ на длинныхъ грифельныхъ доскахъ, а набѣло переписывалъ своеобразнымъ и мелкимъ какъ печать, но разборчивымъ почеркомъ, въ толстыя, тщательно разграфленныя тетради. Куда дѣвались вороха этихъ на диво-четкихъ рукописей, лежавшихъ на его письменномъ столѣ? По смерти А. П. Ефремова племянники его намѣ-

*) А. П. Ефремовъ † 6 Февраля 1879 г. и похороненъ на Ваганьковомъ кладбищѣ.

ревались издать его трудъ, но, повидимому, не успѣли привести въ исполненіе свое намѣреніе. Впрочемъ, съ 1895 года Мадагаскаръ, занятый Французами, утратилъ для насъ всякій политическій интересъ.

Другой мой школьный товарищъ А. И. Пелопидасъ, съ которымъ я также былъ очень друженъ, жилъ въ Москвѣ у своего родственника Александра Петровича Петерсона, близкаго семьѣ Протасовыхъ и Буниныхъ, хорошо знакомаго Авдотьи Петровны Елагиной, Кирѣевскихъ и всего Московскаго кружка Славянофиловъ. А. П. Петерсонъ былъ одинокъ и снималъ маленькую квартиру подъ Новинскимъ, во дворѣ. Въ его скромно обставленныхъ, жарко натопленныхъ комнатахъ пахло сигарнымъ дымомъ и старыми книгами. Въ кабинетѣ его висѣлъ, надъ диваномъ, прекрасный портретъ его матери-красавицы, въ золотой рамѣ, писанный масляными красками извѣстнымъ Русскимъ художникомъ Тропининымъ. Самъ Петерсонъ былъ въ то время уже лѣтъ восьмидесяти; онъ смотрѣлъ весьма дряхлымъ и говорилъ старческимъ голосомъ, пришептывая и шепелявя. Къ намъ выходилъ онъ рѣдко и былъ мало сообщителенъ, проводя время, главнымъ образомъ, за чтеніемъ богословскихъ и церковныхъ книгъ. Мы прозвали его „Мелхиседекомъ“, вѣроятно за его преклонныя лѣта, длинную, сѣдую бороду и хмурый, сосредоточенный видъ.

Лѣтомъ А. И. Пелопидасъ ѣздилъ въ деревню, къ матери, въ Тульскую губернію, въ родовое имѣніе Игнатьево, лежавшее на Окѣ, верстахъ въ 6 отъ извѣстнаго Мишенскаго, гдѣ родился поэтъ Жуковскій. Въ лѣтнія вакансіи, будучи уже въ VII классѣ, я, по приглашенію Пелопидаса и его матери, ѣздилъ погостить на нѣсколько дней въ Игнатьево. Небольшое имѣніе это оказалось чрезвычайно живописнымъ, хорошо обставленнымъ для постояннаго жительства лѣтомъ и зимою. Мать Пелопидаса, рожденная Азбукина, жила тамъ круглый годъ. Въ отличіе отъ Лукьянова *), которое служило намъ лишь дачею для двухъ-трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, Игнатьево обладало совершенно городскимъ домомъ, гдѣ собраны были воспоминанія трехъ поколѣній. Въ одной изъ комнатъ въ шкапахъ съ зелеными занавѣсками хранилась прекрасная библіотека покойнаго отца Пелопидаса, составленная преимущественно изъ Французскихъ книгъ медицинскаго и литературнаго содержанія. Тамъ между прочимъ я впервые видѣлъ многотомныя прекрасно изданныя творенія Вольтера, энциклопедистовъ и герцога Сенъ-Симона.

*) См. главу IV-ую („Русс. Архивъ“ Октябрь 1911 г.).

Авдотья Петровна Елагина жила въ сельцѣ Уткинѣ съ своимъ сыномъ Николаемъ Алексѣевичемъ и съ дѣтьми сына Василія Алексѣевича. Мы поѣхали навѣстить старушку и застали ее въ просторной гостиной, въ Вольтеровскомъ креслѣ, съ бархатной скамейкой подъ ногами. Противъ нея на стѣнѣ въ богатой золоченой рамѣ висѣлъ прекрасный портретъ Жуковскаго въ натуральную величину; на лѣво открывалась дверь на стеклянную террасу, уставленную цвѣтущими растеніями. Авдотья Петровна вязала шерстью большой клубокъ, которой лежалъ у ней на колѣняхъ. Старушка казалась очень бодрою и живою; тонкіе пальцы ея быстро и безостановочно перебирали спицы. Блѣдное лицо въ мелкихъ морщинкахъ окаймлялось бѣлымъ рюшемъ кружевного чепца, на плечахъ лежала сѣрая „синелевая“ косынка. Мы поочередно поцѣловали ей руку, и на минуту присѣли у ней въ гостиной. Авдотья Петровна, узнавъ мою фамилію, спросила меня, не родственникъ ли я поэту Мицкевичу и, поговоривъ съ нами о портретѣ Жуковскаго, отпустила насъ пить чай на балконъ. Здѣсь я познакомился съ Василіемъ Алексѣевичемъ Елагинымъ, который смотрѣлъ старше своей матери; въ памяти у меня остались его близорукіе глаза, скрытые за темными очками, жидкая бородка, съ просѣдью и длинные ногти на пальцахъ А. Елагинъ былъ съ нами неразговорчивъ и молчаливо попивалъ чай изъ стакана и покуривалъ папиросу, изрѣдка обращаясь къ Пелопидасу съ короткими вопросами о лугахъ, посѣвѣ и другихъ хозяйственныяъ предметахъ. Послѣ чая мы ѣздили съ молодымъ Елагинымъ въ Мишенское и обошли тамошній паркъ; тамъ я видѣлъ деревянное небольшое строеніе, съ заколоченными окнами, гдѣ, по преданію жила привезенная Бунину плѣнная Турчанка, отъ которой родился Жуковскій.

Въ числѣ моихъ товарищей по гимназіи со мной былъ друженъ еще одинъ мальчикъ—Николай Гавриловичъ Галаховъ, также иногда посѣщавшій меня для совмѣстныхъ занятій. Онъ жилъ въ Москвѣ у Зоологическаго сада, въ домѣ дѣда своего съ материнской стороны Юліуса Лурѝ, банкира, на дочери котораго былъ женатъ первымъ бракомъ нашъ посланникъ въ Черногоріи Александръ Семеновичъ Іонинъ. У г-жи Іониной, временно проживавшей съ отцомъ, по вечерамъ собирались учащіеся въ Москвѣ Сербы, Черногорцы и Болгары. Бывали тамъ и члены Славянскаго Благотворительнаго Общества. Это было въ годъ войны за Сербскую независимость, и все Московское общество увлекалось Славянофильскимъ порывомъ. Собирались пожертвованія деньгами и вещами для добровольцевъ, щипали корпію для раненыхъ, устраивали литературно-музыкальные вечера, печатали сбор-

ники. Въ одномъ изъ такихъ сборниковъ, подъ заглавіемъ „Братская Помощь", принялъ участіе и я. Это былъ мой первый литературный опытъ: по порученію Комитета Славянскаго Благотворительнаго Общества я сокращенно перевелъ съ французскаго книжку Blanqui „Путешествіе по Болгаріи". Печатанье моей статьи дало мнѣ возможность бывать въ Славянофильскихъ кружкахъ и видѣть главныхъ дѣятелей тогдашняго Московскаго отдѣла Славянскаго Общества, какъ то: И. С. Аксакова, Н. А. Чаева, А. И. Кошелева, К. Н. Леонтьева и друг. На одномъ изъ вечеровъ, устроенныхъ въ пользу „Братьевъ Славянъ" въ домѣ А. И. Кошелева, на Поварской, С. А. Юрьевъ[1]) читалъ переведенное имъ съ Черногорскаго стихотвореніе Князя Николая. Онъ читалъ превосходно и съ необыкновеннымъ жаромъ: глаза у него вспыхивали фосфорическимъ блескомъ, раскаты голоса потрясали всю аудиторію, состоявшую, главнымъ образомъ, изъ учащейся молодежи. Послѣ каждой строфы героическаго стихотворенія Князя Николая, кончавшаго возгласомъ: „Здравствуй славный, храбрый мой народъ", всѣ слушатели неистово аплодировали и кричали: „Живіо!" Подъ конецъ Юрьеву устроена была восторженная овація.

Не менѣе горячо былъ встрѣченъ другой герой этого вечера К. Н. Леонтьевъ[2]), котораго молодежь встрѣчала и провожала бурными аплодисментами.

Съ предсѣдателемъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества И. С. Аксаковымъ я познакомился нѣсколько позже. Меня возилъ къ нему близко знавшій меня съ дѣтства Николай Михайловичъ Павловъ, написавшій „Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ". сотрудникъ Аксакова по изданію „Русь" и сослуживецъ его по Московскому Купеческому Обществу Взаимнаго Кредита, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ былъ предсѣдателемъ, а Павловъ членомъ правленія. Повезъ меня Павловъ къ Аксакову по слѣдующему поводу. Къ Аксаковымъ пріѣхала ихъ родственница изъ Самары съ сыномъ, котораго предполагалось помѣстить въ одно изъ Московскихъ учебныхъ заведеній. Аксаковъ, слыша отъ Павлова, жившаго тогда въ нашемъ домѣ, въ Хлѣбномъ переулкѣ, что я кончилъ гимназію съ золотой медалью, просилъ Николая Михайловича устроить такъ, чтобы я проэкзаменовалъ мальчика. Я охотно на это согласился и поѣхалъ къ Аксакову. Сынъ его родственницы оказался очень благовоспитаннымъ и способ-

[1]) Извѣстный переводчикъ Макбета и Короля Лира; самъ за свою необыкновенную наружность прозванный въ Москвѣ „Королемъ Лиромъ".

[2]) Скончавшійся схимникомъ въ Оптиной пустынѣ.

нымъ мальчикомъ, но слабымъ по математикѣ, и я посовѣтовалъ взять ему опытнаго преподавателя. Впослѣдствіи И. С. Аксаковъ, желая отблагодарить меня за потерянное время и совѣтъ, прислалъ мнѣ черезъ Павлова въ подарокъ портфель, который и понынѣ у меня хранится.

Наблюдая за своими сверстниками по гимназіи, я часто думалъ, какъ было-бы хорошо, если бы всѣ они учились одинаково успѣшно и если бы не было ни балловъ, ни экзаменовъ. Впослѣдствіи, уже въ зрѣломъ возрастѣ, я не разъ останавливался на этой мысли и пришелъ къ заключенію, что она была далеко не утопична. Педагоги наши занимаются, главнымъ образомъ, спрашиваніемъ уроковъ, выработкою учебныхъ плановъ и составленіемъ учебниковъ, но мало интересуются методикой преподаванія. Мѣняются программы и книги, а система обученія остается одна и таже. Какъ наши отцы, такъ и наши дѣти тянутся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ искуственно на слишкомъ сложныя требованія: три живыхъ и два мертвыхъ языка, пять математическихъ наукъ (ариѳметика, алгебра, геометрія, тригонометрія и физика), всемірная исторія отъ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ, всемірная географія и проч. все это нужно усвоить ребенку въ возрастѣ отъ 11 до 18 лѣтъ, когда мозгъ его еще не сложился и нервы не окрѣпли. Рядомъ съ этимъ никакого, или почти никакого вниманія не обращается на физическое развитіе дѣтей. Не тѣмъ ли слѣдуетъ объяснить увеличивающуюся болѣзненность современныхъ поколѣній и склонность нашей интеллигенціи къ вырожденію? Необходимо оздоровить нашу среднюю школу сокращеніемъ ея программы, уменьшеніемъ продолжительности курса, введеніемъ въ обязательные предметы преподаванія физическаго труда и воспитательныхъ игръ, наконецъ измѣненіемъ устарѣлаго порядка экзаменовъ, при которыхъ главная доля успѣха выпадаетъ на смѣтливость и удачу.

Переходные и выпускные экзамены, вмѣсто того, чтобы быть радостнымъ праздникомъ учащихъ и учащихся, сводились у насъ къ сплошному мучительству и для тѣхъ, и для другихъ. Вспоминаю съ горечью свой выпускной экзаменъ. При круглыхъ годовыхъ пятеркахъ по всѣмъ предметамъ (при пятибальной системѣ) мнѣ, тѣмъ не менѣе, пришлось въ теченіи цѣлаго мѣсяца заниматься по 14—15 часовъ въ день, а наканунѣ испытаній по главнымъ предметамъ, засиживаться за книгой до 4 часовъ утра. Не удивительно ли поэтому, что по окончаніи курса ученики устраиваютъ своимъ учебникамъ „ауто-да-фе“, или безпощадно топятъ ихъ. Сколько молодыхъ силъ, сколько здоровья и умственной энергіи тратится даромъ! При окончаніи курса

гимназіи, я, какъ и мои товарищи, похудѣлъ и почернѣлъ, ходилъ съ воспаленными глазами и сухимъ ртомъ, терялъ въ вѣсѣ и часто засыпалъ сидя: стоило на минуту закрыть глаза. Но за то какое наслажденіе бывало послѣ такихъ трудовъ, ѣхать на полевой отдыхъ въ Лукьяново. Экзамены кончались поздно, около 20 Іюня, лѣто бывало уже въ полномъ разгарѣ и я пріѣзжалъ въ деревню, когда начинался сѣнокосъ.

Мы еще дѣтьми любили принимать участіе въ уборкѣ сѣна. Весело ходить съ граблями и собирать въ ряды, копешки и копны душистое, легкое сѣно. Еще веселѣй навивать его на воза въ обществѣ бойкихъ крестьянскихъ дѣвушекъ, разряженныхъ по праздничному. Но не столько интересовали меня деревенскія красавицы, какъ пріѣзжавшая къ намъ въ Лукьяново погостить молоденькая кузина наша, Оленька Розова, прелестная, бѣлокурая дѣвочка, года на три моложе меня. Оленька была внучкой Степана Ивановича Розова, родного брата нашего дѣда Александра Ивановича *). О Степанѣ Ивановичѣ я многое слышалъ отъ бабушки Юліи Федоровны. Онъ былъ кореннымъ помѣщикомъ и безвыѣздно жилъ съ семьей въ своемъ имѣніи въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Небольшое имѣніе это, десятинъ въ 300, давало скромные доходы, но славилось своимъ благоустройсвомъ. У дома разбиты были цвѣтники розъ и шиповника, къ берегу Москвы-рѣки вели тѣнистыя, усыпанныя пескомъ дорожки, въ фруктовомъ саду водились разнообразнѣйшія породы ягодъ, въ домѣ все блестѣло чистотой, на скотномъ дворѣ стояли отличныя коровы и сытыя лошади. Всѣмъ домоводствомъ Степана Ивановича завѣдывала родственница его жены Марія Борисовна Шереметьева, выводившая, не знаю на сколько основательно, свой родъ отъ графовъ Шереметевыхъ. Она была отличной хозяйкой и умѣла вести домъ, такъ, что хлѣбосольство Степана Ивановича стало извѣстнымъ во всемъ уѣздѣ. Жилось у него весело и привольно; сосѣди часто съѣзжались на обѣды и праздники Степана Ивановича. Но съ отмѣной крѣпостного права прежнее довольство скоро изчезло; умеръ и самъ Степанъ Ивановичъ. Имѣніе было раздѣлено между двумя его сыновьями Иваномъ и Михаиломъ; безродная дѣвица Марія Борисовна, считавшая еще недавно неприличнымъ подать на столъ разъ зажженыя свѣчи или остывшій бѣлый хлѣбъ (въ тѣ времена бѣлый хлѣбъ пекли у помѣщиковъ дома и подавали теплымъ) осталась на попеченіи двухъ дочерей Розова—Катерины Степановны и Маріи Степановны. Въ семьѣ пошли нелады и раздоры изъ-за

*) См. главу I („Русск. Архивъ“ Май 1908 г.).

наслѣдства; многочисленная дворня разошлась. Наступило помѣщичье оскудѣніе, особенно тяжело отразившееся на семьѣ младшаго сына Степана Ивановича—Михаила. Старшій—Иванъ поправилъ свое состояніе, благодаря женитьбѣ на дочери помѣщика Глинки; при томъ у него была единственная дочь—Евгенія, вышедшая впослѣдствіи замужъ за г. Трусевича, помѣщика Тверской губ. а у Михаила Степановича было четверо дѣтей: два сына и двѣ дочери, младшая изъ нихъ, вышеупомянутая кузина наша Оленька, учились въ Москвѣ, въ институтѣ, и часто гостила у насъ въ городѣ по праздникамъ, а лѣтомъ въ Лукьяновѣ. Съ Оленькой Розовой связывала меня чистая, юношеская любовь, и хотя пути наши вскорѣ разошлись, но дружескія, сердечныя отношенія сохранились до послѣдняго времени.

Москва.